ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXVIII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1806 года.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ, 1806.

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письма отъ Преосвященнаго N. N. къ одной почтенной Дамѣ (*).

Письмо первое.

Тяжкій ударъ судебъ Божіихъ надъ вами свершился. . . . Я долго не вѣрилъ слухамъ о вашей потерѣ: ибо всегда съ трудностію вѣрятъ тому, чему вѣрить не хочется. Но нынѣшній день открылъ мнѣ глаза; я увидѣлъ опасность, которой подвержена матерняя ваша нѣжность, по случаю неожиданной кончины добродѣтельнѣйшаго, единственнаго вашего сына. Въ первыхъ дви-

(*) И. Я. Х — вой, которая въ нынѣшнемъ году лишилась единственнаго своего сына, скончавшагося въ цвѣтущихъ лѣтахъ.

женіяхъ моего соучастія въ вашей скорби, я прежде всего сдѣлалъ обращеніе къ Богу; потому что усердіе наше къ живымъ можемъ иногда изъявлять чрезъ ходатайство за нихъ у подобострастныхъ намъ человѣковъ; но относительно до умершихъ, одинъ только Богъ есть имъ прибѣжище и сила. — Исполнивъ сей долгъ Пастыря и Христіанина, я не смѣлъ отъ лица моего сдѣлать къ вамъ обращеніе, чтобы еще больше не разтравить глубокой раны вашей печали. Съ другой стороны погрѣшилъ бы я и противъ званія моего и противъ добраго вашего ко мнѣ разположенія, еслибъ сострадательность затворилъ въ собственномъ моемъ сердцѣ.

Читаемъ въ Евангелистѣ Маркѣ, что жена нѣкая, много пострадавши отъ врачевъ, и ни единыя пользы обрѣтши, но паче въ горшее пришедши, напослѣдокъ съ теплою вѣрою прикоснуся ризамъ Іисуса, и разумѣ яко исцѣлѣ отъ раны. — Не увеличиваемъ ли и мы нашихъ горестей, когда вмѣсто того, чтобъ прибѣгать ко Творцу, подобно сей женѣ, призываемъ творенія на помощь себѣ? *Ждахъ соскорбящаго*, говоритъ Царь и Пророкъ Давидъ, *и не бѣ, утѣшающихъ — и не обрѣтохъ.* Называемые нами пріятелями не лѣчатъ, а усиливаютъ душевныя наши болѣзни, или во зло употребляя нашу къ самимъ себѣ довѣренность, или утѣшая насъ

языкомъ холодности, равнодушія къ нашему положенію. Предположимъ и благомыслящихъ и преданныхъ намъ людей: что значатъ ихъ утѣшенія съ тѣмъ духомъ терпѣнія и мужества, которымъ водимые не унываютъ, а радуются во страданіяхъ своихъ? — Многострадальный Іовъ всего лишился; осталась при немъ одна только жена, и та вмѣсто облегченія тяготила еще участь его. — *Терпитъ душа моя*, взывалъ онъ ко Господу; но понеже угодно Тебѣ было, чтобъ я страдалъ, то бѣдствіе мое предпочитаю бывшему благополучію. *Наченъ Господь*, продолжалъ сей образцовый Страдалецъ, *да уязвляетъ мя, до конца же да не убіетъ мя.* Усугубь надо мною Свои удары, ежели первые не довлѣютъ мудрому Твоему о мнѣ промышленію, — умножь мои раны; но вмѣстѣ усугубь во мнѣ и духъ терпѣнія: *Наченъ Господь, да уязвляетъ мя, до конца же да не убіетъ мя.*

Вотъ какія наставленія получаетъ Христіанинъ у подножія Креста Іисусова! При свѣтѣ сихъ началъ Евангелія, научаемся на бѣдствія наши смотрѣть совсѣмъ другими глазами, нежели какими обыкновенно смотримъ. Онѣ Христіанину представляются во образѣ учителя, который свыше низпосылается для приведенія намъ на память обязанности нашей въ одномъ Богѣ полагать

и находить утѣшенїе. — Зная благочестїе ваше и любовь ко Христу, увѣренъ я, что вы согласны со мною. — Вы лишились почтеннѣйшаго вашего сына единственно по власти Бога, наказующаго насъ нынѣ, чтобъ наградить завтра, — Бога, который не благоволитъ о тѣхъ, кои скорбятъ, якоже и прочїи неимущїи упованїя. — Потеря ваша крайне велика: отечество проситъ у Бога подобнаго ему гражданина, подданные его такогожь милостиваго отца, родители толикожь преданнаго сына, родственники и друзья столько же вѣрнаго и постояннаго въ любви; но его нѣтъ уже на свѣтѣ — и вы ничего лучшаго сдѣлать не можете, какъ помянуть судьбы Божїя отъ вѣка, и — утѣшиться. Многострадальный Іовъ всего былъ лишенъ, какъ выше сего упомянулъ я; оставалась при немъ жена, но жена злонравная, которая вмѣсто облегченїя еще тяготила его судьбу. — Вы, по милости Божїей, въ семействѣ вашемъ имѣете много еще утѣшителей. Умѣрьте вашу скорбь ежели не для собственнаго здоровья, то покрайней мѣрѣ для почтеннѣйшаго зятя вашего и добродѣтельнѣйшей дочери вашей съ любезнѣйшими ихъ дѣтьми. Излишне было бы доказывать мнѣ ихъ горячность къ вамъ, въ которой удостовѣряетъ васъ ежедневный опытъ. Всѣ они также ваши дѣти, и хотя печаль ихъ не можетъ сравняться съ

вашею; но ежели будутъ видѣть васъ неутѣшною, то вы зло ко злу приложите, то есть, сами снѣдаясь скорбїю, можете и ихъ несчастными сдѣлать.

Примите, милостивая Государыня моя! сїи напоминанїя о Христїанской и матерней обязанности за знакъ совершеннаго къ вамъ уваженїя и истиннаго усердїя, съ каковыми какъ прежде былъ всегда, такъ и быть не перестану, *и прочь.*

Мая 7го дня,
1806го года.

Письмо второе.

Въ письмѣ моемъ отъ 7 сего мѣсяца я сказалъ вамъ много такихъ истинъ, которыя въ настоящемъ болѣзненномъ вашемъ положенїи могутъ показаться суровыми и отчасти жестокими. Не думайте, милостивая Государыня моя! чтобъ, поставляя вамъ въ образецъ Іова, я совѣтовалъ быть нечувствительною къ вашей потерѣ. Нѣтъ, нельзя этого требовать отъ человѣка. Не всѣ люди отъ Бога получили одинакїя дарованїя; слѣдовательно не всѣ могутъ быть такъ же и терпѣливыми, какъ Іовъ. Иные по природѣ бываютъ необыкновенно нѣжныхъ чувствїй; ежели сїя чувствительность руководствуется покорностїю судьбамъ Про-

видѣнія: то она гораздо похвальнѣе философскаго равнодушія. — Упрекали нѣкогда отца, для чего онъ такъ много груститъ о смерти дочери своей, имѣя еще пятерыхъ живыхъ? — „Увы! — отвѣтствовалъ сердобольный отецъ — не я, но сердце мое груститъ: оплакивать смерть любезныхъ намъ не есть слабость; но скоро сдѣлаться равнодушнымъ къ ихъ лишенію, и предосудительно и невозможно для нѣжной души.“ — И такъ утѣшительное къ вамъ посланіе не въ томъ состояло, чтобъ вы не печалились, но чтобъ умѣряли вашу печаль. Прочтите Эклезіаста, гдѣ между прочимъ написано: „Сыне мой! пролей слезы надъ гробомъ милаго тебѣ человѣка; отдай ему послѣдній долгъ приличнымъ погребеніемъ: но не будь неутѣшенъ; ибо неутѣшимость сокращаетъ дни жизни, и изъ границъ выходящая скорбь умершему не дѣлаетъ никакого добра, а остающимся еще въ живыхъ превеликое зло.“ — Дарій, Персидскій Государь, находился въ самомъ отчаянномъ положеніи, лишась жены въ такое время, когда предполагалъ еще многіе годы быть съ нею неразлучнымъ. Одинъ Философъ обѣщался ему воскресить ее, ежели онъ во всемъ своемъ государствѣ сыщетъ хотя трехъ человѣкъ совершенно счастливыхъ. Сіе предложеніе хотя не совсѣмъ успокоило Монарха, но весьма много

облегчило грусть его. — Сколько въ свѣтѣ милліоновъ людей, кои въ тысячу разъ и несчастливѣе и жалостнѣе насъ! сколько милліоновъ такихъ людей, которые почли бы за верхъ своего благополучія, когда бы имѣли сотую часть того, что мы имѣемъ! Но мы привыкли въ увеличивательное стекло смотрѣть на все то, что до насъ касается. Кажется намъ, что никто не имѣетъ столько, какъ мы, причинъ жаловаться на нашу участь. Мысль сія намъ нравится, и вмѣсто успокоенія, въ глазахъ нашихъ нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ наши жалобы. — Наше здѣсь странствованіе не есть земный рай; напротивъ того огорченія обыкновеннымъ бываютъ удѣломъ добрыхъ людей. Товія вопросилъ о себѣ нѣкогда Ангела: для чего онъ такъ несчастливъ, между тѣмъ какъ видитъ многихъ развращенныхъ въ благополучіи? — „Для того, — отвѣтствовалъ сей Посланникъ Божій — что ты благоугождаешь предъ Богомъ.“ — Искушенія, свыше насылаемыя, надлежитъ принимать не въ видѣ несчастій, но въ видѣ даровъ небесныхъ. Его же любитъ Господь, того и наказуетъ. Однѣ благочестивыя души могутъ пользоваться бѣдствіями, и даже иногда желать ихъ. Нѣкоторый Государь, совершенно преданный Религіи, послѣ долговременнаго благоденствія воскликнулъ: „Господи мой! по-

сѣти меня какимъ-нибудь бѣдствіемъ, дабы всегдашнее счастіе не приковало меня къ землѣ, и не истребило изъ памяти моей небеснаго Отечества, для котораго я и родился, и Твоею благодатію призванъ.“ — Рѣдко случается слышать таковыя желанія; но чѣмъ они рѣже, тѣмъ безцѣннѣе. Хотя не всякъ умѣетъ дарами счастія наслаждаться какъ должно, но гораздо славнѣе благодушно переносить великія несчастія, нежели въ счастіи дѣлать великія дѣла. Французскій Король Лудовикъ, признанный націею за Святаго, никогда столько не удивилъ свѣтъ, какъ въ то время, когда былъ обремененъ оковами. Видѣли его прежалкимъ изъ человѣковъ, но преспокойнымъ. Онъ, и въ оковахъ будучи, не оставлялъ обыкновенныхъ своихъ упражненій набожности и преданности судьбамъ Провидѣнія. Великая его душа удивила и самыхъ враговъ его, которые снова хотѣли провозгласить его своимъ Государемъ, и повергнуться къ стопамъ его.

И такъ ежели сгущенная туча горестей на обзорѣ вашей жизни еще не прошла: то совѣтую и прошу васъ защищаться отъ ударовъ ея тѣмижь самыми занятіями, которыя до пораженія совѣсть вашу дѣлали покойною, а дѣтей и внучатъ вашихъ счастливыми. Возмитесь снова за упражненія, ко-

ими у всѣхъ вы славились. Я здѣсь разумѣю удовольствія, каковыя всегда находили вы въ образованіи милыхъ сердцу вашему малютокъ, въ матерней горячности къ почтеннѣйшему зятю и добродѣтельнѣйшей дочери. Повѣрьте мнѣ, что сіи занятія много помогутъ вамъ въ облегченіи справедливаго вашего сѣтованія. — Въ дополненіе къ сему, прибѣгните къ молитвѣ. Нѣтъ нужды доказывать вамъ, сколь она сильна услаждать наши горести. Тому доказывать нужно сіе, кто рѣдко, или никогда не молится; но вы, милостивая Государыня моя, и въ счастливые дни жизни удѣляли свободные часы на сіе душеспасительное бесѣдованіе съ Богомъ. Докажите свѣту, что и въ злополучіи можете вы быть толикожь благодарною предъ Богомъ, какъ и въ благополучіи, и что благочестіе ваше при перемѣнѣ счастія перемѣняетъ только виды добродѣтелей; т. е. въ ясную погоду оно бываетъ радостотворно, а въ пасмурную великодушно и терпѣливо.

Вотъ вамъ поясненіе на прежнее мое письмо! и я ни чѣмъ не могу окончить сей бесѣды съ вами, какъ слѣдующимъ Давидовымъ изреченіемъ: *Возверзи на Господа печаль твою, и той тя прелитаетъ.* Въ помощь разуму и добродѣтели колеблющейся призовите бывшія къ вамъ милости Божія;

настоящія огорченія сличите съ прежними удовольствіями, и съ тѣми, кои можете еще находить въ нѣдрѣ семейства вашего. Продолжайте чувствовать и свою потерю, но съ Христіанскимъ духомъ, коимъ водимые лобызаютъ и наказующую руку Господню. Съ таковыми къ вамъ благожеланіями пребуду навсегда, *и проч.*

Ѳ.

II.

О грибахъ, выростшихъ на ногѣ у живаго человѣка.

Многимъ извѣстно, что грибы иногда выростаютъ на переломѣ кости, на ранахъ и на вередахъ, а особливо на тряпочкахъ, употребляемыхъ для перевязыванія ранъ. Мери и Лемери издали свои замѣчанія о семъ предметѣ; Г. Клане, Лѣкарь Перпиньянскій, также написалъ о томъ весьма любопытное разсужденіе; Г. Бурдело, Лѣкарь восточной Перинейской арміи, недавно былъ очевидцемъ подобнаго феномена, въ чемъ ссылается болѣе нежели на двухъ сотъ свидѣтелей. Но удивительнѣйшее изо всѣхъ доселѣ бывшихъ произшествій, есть случившееся не задолго передъ симъ въ Нарбоннской больницѣ, гдѣ Докторъ Пи и Лѣкарь Каффоръ (сынъ) видѣли, какъ натура

превращаетъ животное существо въ растительное.

Кабанисъ описалъ явленіе, замѣченное Франклиномъ въ лѣсахъ сѣверной Америки. Тамъ водится нѣкоторая птица, у которой на локтяхъ крыльевъ бываетъ по одному рогообразному наросту; по смерти птицы, сіи наросты превращаются въ зародыши и даютъ изъ себя стебли, кои сперва питаются сокомъ трупа, потомъ пускаютъ корни въ землю, и растутъ какъ обыкновенныя травы.

Приступимъ къ дѣлу. Одинъ колодникъ, хотѣвшій уйти изъ Нарбоннской тюрьмы, упалъ съ третьяго жилья на мостовую, и переломилъ себѣ ногу ниже колѣна. Его отнесли въ больницу. Г. Каффоръ принужденъ былъ отпилить высунувшуюся наружу часть кости, которую не могъ вставить въ надлежащее мѣсто. На самомъ переломѣ сдѣлалось множество небольшихъ ранъ, отъ выдавшихся острыхъ концовъ кости. Снарядъ приготовленъ такимъ образомъ, чтобы можно было перевязывать раны. Черезъ мѣсяцъ, открывая больнаго, Лѣкарь почувствовалъ отвратительной запахъ, похожій на тотъ, какой бываетъ отъ земли, недавно взрытой. Спустя еще мѣсяцъ, Г. Каффоръ увидѣлъ между лубками и тряпочками

нѣсколько выросшихъ грибовъ разной величины и множество такихъ, которые только что начинали появляться. Они имѣли бѣлую ножку, пирамидальную черную головку съ черными же полосками, которыя соединялись съ верхнею частїю ствола. Повидимому сїи грибы принадлежатъ къ роду, извѣстному подъ слѣдующими признаками, по описанїю Линнея: Agaricus fimetarius, ſtipatitus, pineo campanulato lacero, lamellis nigris lateraliter flexuosis, ſtipite fiſtuloſo. Грибы сняты; мастерїя съ нѣкотораго времени сдѣлалась сукровичною и ѣдкою. Весьма удивительно, что поверхность всей ноги (ниже колѣна) покрылась землистымъ слоемъ, черноватымъ, лоснящимся, толстымъ и столь крѣпкимъ, что едва можно было отдѣлять его съ помощїю желѣзной лопатки; этотъ слой опять наросталъ, и каждой разъ толще.

Въ продолженїе недѣли грибы выростали между лубками и тряпочками. Какъ же изумился Г. Каффоръ, нашедъ ихъ между тѣломъ и обвязкою! Грибы появлялись въ такомъ множествѣ, что Лѣкарь всякой разъ при перевязкѣ снималъ ихъ до двадцати; по большой части они длиною были около трехъ дюймовъ. Это продолжалось до совершеннаго выздоровленїя больнаго.

И такъ грибы выростали на тѣлѣ живаго человѣка! Г. Бульйонъ-Лагранжъ, раз-

дробляя разныя породы грибовъ, нашелъ, что составныя ихъ части суть: нашатырь, соль известковая и вещество животное, — и потому причислилъ ихъ къ растеніямъ, имѣющимъ свойство животное. Явленіе, о которомъ здѣсь говорится — сей переходъ отъ *животности* къ *растительности* — снова обратитъ на себя вниманіе Ученыхъ, которые конечно постараются изъяснить его. Осмѣлюсь на удачу сказать свое мнѣніе. Грибъ есть не что иное, какъ наростъ, самъ собою появляющійся, безъ зеренъ, безъ сѣмени, и получающій жизнь отъ разрушенія существа животнаго. Натура для составленія кости употребляетъ великое количество известковой соли; вотъ откуда взялась земля, которая, напитавшись испорченными соками, произвела нашатырь, животное вещество, жирную и масленую матерію, наконецъ влагу и газы азотическіе, весьма благопріятствующіе прозябенію. Землистые слои, появлявшіеся на ногѣ при каждой перевязкѣ въ большемъ количествѣ, суть то же, что гряды чернозему у садовниковъ. Еслибъ Г. Каффоръ раздробилъ одинъ изъ слоевъ, то нашелъ бы тѣ же самыя начала, какія Фуркуа и Вокелень открыли въ садовомъ черноземѣ послѣ химическаго раздробленія. И такъ сей феноменъ объясняется самымъ натуральнымъ образомъ. Повторяю, нога больнаго сдѣлалась грядою, удобною произ-

водить грибы. Тамъ должны находиться всѣ составныя части чернозему, а особливо соль известковая, которая по свойству своему ускоряетъ нарощеніе и срощеніе кости. Множество ранъ снабжало ногу этою солью и животными соками, которыя отъ дѣйствія воздуха и отъ закисанія превращались въ землистую поверхность. — Но оставимъ Химіи опредѣлить причины описанныхъ нами дѣйствій.

(*Изъ Франц. Журн.*)

III.

О Французскихъ женщинахъ девятьнадцатаго столѣтія (*).

Чтобы показать, какою дорогою женщины достигали до нынѣшняго состоянія, надобно бросить взглядъ на времена протекшія.

Въ Рыцарскіе вѣки, рвы, башни, подъемные мосты и тому подобное были стражами цѣломудрія. Не имѣя передъ глазами многихъ предметовъ, женщины долго хранили первыя впечатлѣнія; бывъ воспитаны въ совершенномъ невѣжествѣ, ничего не знали такого, что находилось за предѣлами ихъ

(*) Изъ иностраннаго Журнала.

чувствованій; однообразіе жизни дѣйствовало на самыя склонности ихъ, и постоянство женщинъ зависѣло отъ необходимости. Почти всегда живучи въ разлукѣ съ своими Рыцарями, которые сражались въ странахъ далекихъ, онѣ проводили дни въ ожиданіи, большею частію обманчивомъ; — покрайней мѣрѣ, неизвѣстность о состояніи супруговъ и любовниковъ растворяла жизнь ихъ пріятною заботливостію. Отсутствіе сильно дѣйствовало на ихъ воображеніе, а воображеніе на любовь, волнуемую страхомъ и надеждою; новыя опасности часто заставляли безпокоиться. Такимъ образомъ постоянство въ любви зависѣло отъ продолженія препятствій. Впрочемъ, тогда и женщины были въ почтеніи; тогда ихъ почти обожали, хотя и не требовали ни въ чемъ совѣтовъ ихъ. Не трудно доказать, что власть женщинъ, которыя столь много жалѣютъ о Рыцарскихъ вѣкахъ, тогда заключалась можетъ быть въ тѣснѣйшихъ границахъ, нежели въ какое-либо другое время.

Когда политика Кардинала Ришельё привлекла ко Двору знатнѣйшихъ Дворянъ, женщины начали появляться на обширнѣйшемъ театрѣ, и даже представлять на немъ роли. Онѣ отличились своими способностями во время извѣстной партіи противъ Двора (de la Fronde). Тогда всѣ онѣ одушев-

лены были одною страстью, въ которой вѣрно не захотѣли бы признаться, но которая имъ нравилась, потому что занимала работою ихъ дѣятельность. Сплетни, пронырства, заговоры, партіи —. вотъ что пріятно ихъ воображенію. Дайте имъ Амадиса и Записки Кардинала Реца — и всѣ онѣ, въ сердцѣ своемъ, предпочтутъ жребій Г-жи Лангевиль судьбѣ прекрасной Оріаны, вѣрной любовницы нѣжнѣйшаго и великодушнѣйшаго Рыцаря: но я боюсь, чтобъ не было съ нами еще хуже, когда женщины узнаютъ исторію тогдашняго времени (*).

Въ царствованіе Лудовика XIV женщины играли блистательнѣйшую роль. Хотя въ сіе время нравы были въ самомъ дурномъ состояніи, однакожь порокъ скрывался подъ завѣсою благопристойности. Но въ правленіе Регента развратъ, въ послѣдніе годы Лудо-

(*) О сю пору наши Читательницы конечно уже замѣтили, что Сочинитель принадлежитъ къ Мизогинамъ, или по крайней мѣрѣ писалъ сію піесу въ первомъ пылу гнѣва своего противъ женщинъ. Переводчикъ, какъ человѣкъ совсѣмъ посторонній, не считаетъ нужнымъ ни вступаться за оскорбляемыхъ, ни одобрять мнѣній Автора; онъ думаетъ, что все здѣсь сказанное относится только до Французскихъ женщинъ, и до насъ ни мало не касается.

викова царствованія удерживаемый нѣкоторою наружною строгостію, разторгнулъ свои оковы, и появился во всей мерзости. Женщины уже не господствовали посредствомъ добродѣтелей; нашли способъ управлять съ помощію пороковъ. Такимъ образомъ власть *всѣхъ* вообще усилилась; но вліяніе *каждой* особенно сдѣлалось слабѣе и непродолжительнѣе.

При владычествѣ женщинъ всего непріятнѣе, что онѣ тѣмъ упрямѣе въ своихъ намѣреніяхъ, чѣмъ меньшее имѣютъ о вещахъ понятіе. Неясность идей имъ не препятствуетъ имѣть волю рѣшительную. Да и захотятъ ли онѣ мучить себя скучнымъ терпѣніемъ, которое нужно для того, кто намѣренъ чему-нибудь научиться? Онѣ знаютъ только, что имъ *хочется*, нимало не заботясь ни о томъ, чего желаютъ, ни о томъ, что говорятъ; онѣ по своему характеру, чтобъ скорѣе быть впереди, стараются первую волю произвести въ дѣйство, во что бы то ни стало.

Хотя нынѣ ошибки женщинъ ни мало не опасны для мущинъ; однакожь послѣдніе всегда принуждены бываютъ уступать внушенію первыхъ: столько-то сильно непоколебимое упрямство хотѣнія! — и немудрено: ибо часто повторяемыя требованія на-

полняя голову, покоряютъ воображенїе и ослѣпляютъ разсудокъ. Извѣстно, что до революцїи во власти женщинъ состояло утвердить чью-либо славу въ дѣлахъ Государственныхъ, которыя имъ совсѣмъ были неизвѣстны, — подавать совѣты мужамъ искуснымъ и опытнымъ, и склонять ихъ на свою сторону. Сколько было примѣровъ, что Министры, пожалованные въ сїе достоинство по предстательству женщинъ, невѣжествомъ своимъ приводили въ стыдъ покровительницъ!

Нынѣ обычаи перемѣнились. Женщины удержали при себѣ благосклонность мущинъ; но потеряли прежнее на дѣла влїянїе. Власть обстоятельствъ превозмогла все. Правда, женщины могутъ произвести революцїю, какъ птица, клюнувъ носомъ своимъ, можетъ причинить низверженїе снѣжной лавины; но лишь только послѣдуетъ паденїе, то ни женщины, ни птица, ни мущины, ни утесы, не въ состоянїи уже ничего сдѣлать.

Въ царствованїе Лудовиковъ XIII и XIV волокитство сдѣлалось торжественнымъ; любовное обхожденїе тогда было не что иное, какъ смѣсь, состоящая изъ старинныхъ Рыцарскихъ правилъ и блестящихъ обыкновенїй пышнаго Двора. Любовь уже не почиталась добродѣтелью. Во время

Регентства необузданной умъ свергнулъ съ престола любовь, которая превратилась въ посмѣщище. Тогда не стыдились выдавать себя безбожниками въ Религіи, въ любви и вообще въ добродѣтели. Легкомысленное беззаконіе, нѣкоторымъ образомъ одобряемое самимъ Дворомъ, было основаніемъ волокитства, и каждой охотнѣе признавался въ преступленіи, нежели въ сердечной склонности. Наконецъ невѣрность сдѣлалась столь общею, перемѣна столь обыкновенною, что начали скучать ими, и постоянство казалось пріятною новостію. Женщины часъ отъ часу болѣе выигрывали тѣмъ, что привлекали къ себѣ мущинъ, не стараясь налагать на нихъ оковы.

Нынѣ воспоминая о тогдашнемъ времени, не льзя не удивляться любовнымъ произшествіямъ; безпрестанное волокитство кажется выдумкою баснословнаго вѣка. Разныя занятія теперь оставляютъ мало свободнаго времени мущинамъ и женщинамъ; обстоятельства, а особливо разореніе, претерпѣнное семействами, принуждаютъ многихъ жить въ тѣсной связи съ домашними. Прежде хозяинъ и хозяйка имѣли особыя кареты, и даже особые домы; каждой могъ забавляться въ разныхъ обществахъ; мущины чаще принимали посѣщенія, и вообще болѣе сидѣли въ гостяхъ, нежели дома. Нынѣ совсѣмъ иначе дѣ-

лается; за то болѣе видимъ счастливыхъ супружествъ.

Въ нѣкоторыхъ состояніяхъ опять появляются шуты, на прежнихъ похожіе, которые однакожь не искусно играютъ роли свои, слишкомъ много о себѣ думаютъ, слишкомъ много заботятся о наружности, и отъ того кажутся смѣшными. Такимъ образомъ мало по малу произведено въ дѣйство все, описываемое въ романахъ и осмѣиваемое на театрахъ. . . . . .

Женщины, слава Богу, теперь не мѣшаются въ дѣла политическія. Имъ очень часто говорено, что онѣ ничего не разумѣютъ въ Политикѣ — и онѣ наконецъ послушались. Имъ также часто говорено, хотя не знаю для чего, будто Литтература не ихъ дѣло — и нынѣшнія молодыя женщины боятся ума, какъ страшилища; а тѣ, которыя имѣютъ его, видятъ себя въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и принуждены бываютъ таить свои дарованія. Нѣкоторыя женщины отважились блеснуть умомъ, полученнымъ ими въ удѣлъ отъ щедраго Неба; но ихъ и не полагаютъ въ числѣ прочихъ, и смотрятъ на нихъ, какъ на передавшихся сторонѣ непріятельской; словомъ сказать: сіи женщины дѣлаютъ въ кругу своихъ знакомыхъ такое впечатлѣніе, какое на театрѣ міра производили Елисаветы и

Христины. Прежде женщины могли писать книги — и быть женщинами, какъ видимъ изъ примѣровъ Г-жи Дезульеръ, Г-жи Лафайеттъ, Г-жи Ламберъ, и многихъ другихъ. Часто было говорено, что женщинамъ лучше бы, оставивъ Вольтера и Монтескія, заняться воспитаніемъ дѣтей и домоводствомъ, — и женщины въ самомъ дѣлѣ оставили Вольтера и Монтескія; но я боюсь, не болѣе ли отъ того выиграли модныя торговки, нежели дѣти. Жанъ Жакъ успѣлъ натуру ввести въ моду на самое короткое время; женщины начали-было щеголять тѣмъ, что кормили грудью дѣтей своихъ, — и матерняя любовь сдѣлалась предметомъ кокетства: но это скоро кончилось. Отъ того ли, что испытали печальныя слѣдствія, или что не нашли ожидаемой пользы — обыкновеніе кормить дѣтей материнскою грудью оставлено, подъ предлогомъ злоупотребленія, и теперь уже рѣдкая изъ молодыхъ женщинъ имѣетъ молоко. Любить Жанъ Жака нынѣ почитается старою модою; похвала ему показалась бы столько же смѣшною, какъ робы съ длинными талиями и борами. Напротивъ того вошло въ обыкновеніе, по одной только наслышкѣ, кричать противъ его правилъ и морали. Что жь выходитъ? То, что женщины ни чѣмъ не занимаются. Въ собраніяхъ погода служитъ матеріею разговоровъ.

Прежде женщины почитали своею должностїю говорить о новыхъ сочиненїяхъ и новыхъ идеяхъ. Положимъ, что онѣ только повторяли слышанное; по крайней мѣрѣ у нихъ всегда что-нибудь оставалось въ памяти, и бесѣды отъ того были занимательнѣе: нынѣ женщины проводятъ время въ пустословїи, а мущины, чтобъ угодить имъ, по неволѣ должны казаться простяками.

Есть эмблемма, представляющая Время, которое серпомъ отрѣзываетъ голову спящаго Эрота. Вотъ точная эмблемма нашего времени. Мы теперь освободились отъ всѣхъ романическихъ обольщенїй. Умъ нашъ испорченъ пороками, и любовное обращенїе съ женщинами основано только на суетности. Модныя Дамы не покоряются ни чувствамъ своимъ, ни склонностямъ; выбираютъ себѣ любовниковъ, смотря по тому, какое мнѣнїе о нихъ имѣютъ тѣ или другїе люди: ибо приличїя все еще уважаются. Отнимаютъ одна у другой любовниковъ для того, чтобъ тѣмъ прославиться, и сдѣлать досаду соперницѣ; оставляютъ, или обманываютъ человѣка, которой могъ бы быть другомъ, и гоняются за модными повѣсами, которые волокитствомъ сдѣлались извѣстными въ свѣтѣ, — гоняются для того, чтобы блеснуть новымъ знакомствомъ, и соглашаются даже сносить презрѣнїе отъ своихъ

идоловъ, лишь бы только удалось достигнуть своей цѣли. Каждая считаетъ непремѣннымъ долгомъ своимъ замѣчать, какъ обходятся съ прочими женщинами, и сердиться, если кому-нибудь оказывается исключительное уваженіе: ибо женщина полагаетъ все свое счастіе въ побѣдѣ, которую одерживаетъ въ присутствіи соперницъ. Дружество часто у нихъ есть не что иное, какъ ревнивость, заставляющая одну за другою присматривать; иногда оно есть надежда обратить на себя вниманіе посредствомъ связи съ тѣмъ или другимъ обществомъ. Модная кокетка посѣщаетъ Г-жу N., для того что Г-жа N. знакома съ особою, имѣющею связь съ волокитою, которой былъ любовникомъ многихъ женщинъ, и которой, не смотря на свою болтливость, не погубилъ ни одной изъ невѣрныхъ красавицъ, одолжавшихъ его нѣжными ласками. Какъ не вшереться въ домъ Г-жи С., которая заслужила громкую славу удивительными своими проказами, — которая должна быть очень умна на словахъ, потому что клевещетъ на всѣхъ безъ пощады, — и которая должна быть еще умнѣе на дѣлѣ, потому что ни одного случая не пропустила вредить и тѣмъ, кои не подражаютъ ей, и даже тѣмъ, кои подражаютъ? Не посѣщая такой почтенной особы, подашь причину думать о себѣ, будто имѣешь знакомство съ дурными людьми, и не ра-

дишь о добромъ имени: вотъ правила, которыми большая часть женщинъ руководствуется. При всемъ томъ — кто повѣритъ? — набожность (*) опять сдѣлалась подпорою разврата; скоро настанетъ мода съѣзжаться въ церковь для волокитства.

Молодые мущины для выгодъ своихъ показываютъ, будто занимаются женщинами, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ заботятся болѣе объ игрѣ и о дѣвкахъ.

Женщинамъ не даютъ понятія ни о томъ, что онѣ значатъ, ни о томъ, что онѣ могутъ дѣлать. Благоразуміе требуетъ, чтобы женщинъ предостерегали отъ непостоянства мущинъ и отъ обмановъ; но не должно набивать ихъ головы мечтами объ излишней власти ихъ надъ мущинами. Правда, полезно поселять въ нихъ мнѣніе объ ихъ власти, но такъ, чтобы женщина почитала себя виновницею знаменитыхъ подвиговъ и наградою за добродѣтели. Женщина унижается болѣе изъ отчаянія, нежели по склонности; часто предается пороку для того только, что не знаетъ другаго средства управлять мущиною. Римскія женщины имѣли о себѣ высокія мысли; онѣ образовали Римлянъ. Дитя первыя впечатлѣнія получаетъ отъ матери. Конечно, отецъ также

(*) То есть ложная. — *И.*

любитъ его, и воспитываетъ; но что значатъ его попеченія въ сравненіи съ заботами нѣжной матери, которая примѣромъ своимъ учитъ младенца быть постояннымъ и терпѣливымъ! Какая розница между нравами древнихъ и нашими! . . . . . Сколько такихъ мущинъ, которые думаютъ, что имѣютъ право презирать женщинъ! но тріумфы ихъ безчестятъ болѣе побѣдителей, нежели побѣжденныхъ.

Душевныя и тѣлесныя силы отца заставляютъ его часто разлучаться съ дѣтьми; слабое сложеніе и нѣжная любовь матери заставляетъ ее жить неразлучно съ ними. Она вдыхаетъ въ дѣтей первыя чувствованія. Религію и Мораль изображаютъ въ видѣ матери, преподающей наставленія дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ матери прилично наставлять дѣтей своихъ въ вѣрѣ и нравственности; она одна можетъ придать имъ небесную прелесть. Но чтобъ достойно исполнять сію важную обязанность, не надобно съ обнаженною грудью рыскать по баламъ, и подвергаться опасности на модномъ одрѣ умереть отъ простуды.

Прежде женщина берегла себя во время беременности, и послѣ родовъ долго не являлась въ обществахъ. Нынѣ беременность не мѣшаетъ бѣгать, танцовать, ѣздить въ

каретѣ, и даже верхомъ. Почитается модным щегольствомъ не заботиться о беременности, родить какъ можно скорѣе, и о будущихъ дѣтяхъ столько же думать, сколько о тѣхъ, которыя уже родились.

По несчастїю, женщины блистаютъ въ свѣтѣ только тѣми преимуществами, которыя по большой части противны ихъ существеннымъ выгодамъ въ домашней жизни; а общество, сей несправедливый судїя, часто осуждаетъ такїе поступки, которые сдѣланы по его же внушенїю, — напротивъ того за честное поведенїе платитъ холоднымъ равнодушїемъ. Не должно за добродѣтель ждать награды отъ свѣта, которой умѣетъ только отличать таланты. Свѣтъ одобряетъ только то, что для всѣхъ открыто; но сердце наслаждается тѣмъ, о чемъ немногїе знаютъ. Чувствованїя сами себѣ награда. Скромность есть слава женщины; завѣса есть блескъ ея. Та женщина достойна общаго почтенїя, которая можетъ присвоить себѣ слѣдующую эмблемму: свѣтящїйся червячокъ, съ надписью: — *блистаю въ скрытности.*

Странная противуположность между обычаями нашими и нашихъ сосѣдовъ состоитъ въ томъ, что Англичане любятъ скромность болѣе въ замужнихъ женщинахъ,

а мы болѣе въ дѣвицахъ. У насъ невинность имѣетъ большую цѣну; у нихъ супружескія добродѣтели. Англичане дозволяютъ свободное обращеніе между молодыми людьми: напротивъ того мы порицаемъ оное. У нихъ дѣвушки сами ищутъ для себя мужей: у насъ дочь получаетъ жениха изъ рукъ своего родителя. Въ Англіи женщина хранитъ вѣрность къ мужу своему, даже къ такому, которой часто по вечерамъ приходитъ домой пьянымъ. Стой прямо, смотри въ землю, и не открывай рта: вотъ главныя наставленія, которыя у насъ матери преподавали дочерямъ своимъ, взявъ ихъ изъ монастыря, и знакомя съ обществомъ: напротивъ того въ Лондонѣ дѣвушка знакомятся съ молодыми мущинами, ѣздитъ съ ними верхомъ, и кокетствуетъ до тѣхъ поръ, пока не выдетъ за мужъ; тогда увозятъ ее на житье въ деревню, заставляютъ смотрѣть за дѣтьми, и читать толстые романы. Во Франціи замужство производитъ совсѣмъ противное дѣйствіе, и робкая дѣвушка, которая прежде не смѣла выговорить слова, не смѣла поднять взоровъ, ставъ супругою, тотчасъ научается и говорить и смотрѣть по правиламъ кокетства. Одинъ Англичанинъ, которому указывали на прелестную нашу Г-жу Ф., сказалъ: „Она очень любезна; но къ чему это служитъ дома?“

Въ теплыхъ климатахъ ревнивость осталась только между простымъ народомъ и въ романахъ, отъ того что нравы испортились. Правда, ревнивость служитъ признакомъ начинающагося разврата; но она также показываетъ, что еще остается сколько нибудь благонравія. Укоренившееся распутство выгоняетъ сильныя движенія изъ сердца; но счастливѣе ли отъ того женщины? — нѣтъ. Ревнивость мужей пріятна ихъ самолюбію, и я зналъ не одну, которая охотно сносила грубости ревниваго супруга за то, что онъ любилъ ее.

По законамъ природы и общественной жизни, мущины и женщины вездѣ имѣютъ одинакую долю; тѣ и другія равно имѣютъ свои непріятности, свои неудобства. Въ Азіи нѣжной полъ живетъ въ большемъ принужденіи; въ Европѣ на немъ лежитъ болѣе обязанностей. Одна Азіятская Султанша сказала Европейской Дамѣ: „жалѣю о васъ; вы менѣе насъ свободны, потому что повинуетесь по первому приказанію.“

Въ старину женщины напередъ знали, въ какую эпоху надобно скинуть съ себя щегольскія перья и надѣть смиренной чепецъ, — кокетство промѣнять на благочестіе, — оставивъ однѣ затѣи, приняться за другія; потомъ изъ богомолокъ онѣ сдѣлались фило-

софками и вольнодумками: въ нынѣшнее время пожилыя женщины уже не представляютъ важныхъ лицъ въ обществѣ, старѣются безъ роптанія, и не считаютъ нужнымъ искать въ набожности послѣдняго убѣжища.

Э.

IV.

О Мозаикѣ.

Симъ именемъ называется составъ изъ разноцвѣтныхъ маленькихъ кубовъ стеклянныхъ, каменныхъ, деревянныхъ, финифтяныхъ; и изъ другихъ веществъ, склеенныхъ мастикою на доскѣ, для изображенія какого-нибудь предмета, одного или многихъ. Названіе взято изъ Греческаго языка. Хотя сей родъ живописи былъ у древнихъ въ частомъ употребленіи, но ни одинъ Авторъ не описываетъ его обстоятельно, и мы не можемъ судить о механической части его иначе, какъ по работѣ новѣйшихъ художниковъ; и по древнимъ памятникамъ, до насъ дошедшимъ. Для составленія Мозаической картины употребляется круглая каменная сковорода, въ которую наливаютъ мастику, и вставляютъ разноцвѣтные кубики, сообразжаясь съ рисункомъ. Художникъ въ продолженіе работы безпрестанно смотритъ на свой подлинникъ, и вынимаетъ изъ ящика куби-

ки, разположенные въ клѣткахъ по различію цвѣтовъ. Мастика немедленно дѣлается твердою подобно камню. Окончивъ работу, выглаживаютъ картину, какъ зеркальное стекло.

Мозаика, по видимому, изобрѣтена въ странахъ восточныхъ, гдѣ начали снимать узоры съ богатыхъ ковровъ, посредствомъ разположенія самородныхъ камней, которыхъ тамъ очень много. Финикіяне упражнялись въ сей работѣ; но Греки дали ей ту чистоту рисовки, ту гармонію, коими отличаются художественныя произведенія. Отъ Грековъ Мозаика перешла къ Римлянамъ въ послѣднія времена республиканскаго правленія. Силла приказалъ храмъ Фортуны въ Пренестѣ (Палестринѣ) украсить Мозаикою, которой часть до нынѣ сохранилась. Сперва въ домахъ дѣлались полы мозаическимъ искуствомъ, потомъ стѣны и своды. Въ древности были также въ употребленіи подвижные полы въ наметахъ Государей и Полководцевъ, для предотвращенія влажныхъ испареній. Когда открыли способъ дѣлать разноцвѣтныя стекла, мозаическое искуство вошло въ большее употребленіе.

Въ пятомъ столѣтіи нашествія варваровъ изгнали художества изъ Италіи. Мозаика, живопись и скульптура у Византій-

скихъ Грековъ долго еще служили для украшенія храмовъ и утварей священныхъ. Владиміръ Великій, утвердивъ Христіянскую вѣру въ Россіи, призвалъ въ свою столицу художниковъ Константинопольскихъ, которые въ первой разъ познакомили Россіянъ съ Мозаикою. Въ Кіевѣ и теперь еще показываютъ остатки сего искуства. Междоусобныя войны и Татарскія нашествія остановили успѣхи просвѣщенія; густыя тучи закрыли благотворное свѣтило при его восходѣ, и печальныя Музы удалились. Мозаическое искуство возвратилось въ Россію, спустя лѣтъ около пяти сотъ. Между тѣмъ въ самомъ Константинополѣ художества клонились къ упадку, и Мозаика потеряла характеръ изящества, которымъ отличались Греческія произведенія. Вкусъ испортился; жемчугъ и драгоцѣнные камни замѣнили мастерскую отдѣлку.

Въ концѣ тринадцатаго вѣка Италіянецъ Тафи перенялъ мозаическое художество у Грека Аполлонія, которой украшалъ церковь Святаго Марка въ Венеціи; но рисовка въ то время уже лишилась своей правильности. По томъ въ Италіи занимались Мозаикою съ великимъ успѣхомъ. Папа Климентъ VII въ началѣ семнадцатаго столѣтія повелѣлъ украсить мозаическимъ художествомъ внутреннюю часть купола въ цер-

кви Святаго Петра. Послѣ того сдѣланы мозаическія картины, кромѣ другихъ, *Страданіе Св. Петронилды* и *Причащеніе Св. Іеронима*, съ извѣстныхъ подлинниковъ Гершена и Доминикина. Кавалеръ Христофоръ возвелъ сіе художество на высочайшую степень совершенства, учредивъ въ Римѣ Мозаическую школу въ началѣ осмнадцатаго вѣка. Флорентинская школа имѣетъ преимущество передъ Римскою въ симметріи, но уступаетъ ей въ ученомъ искуствѣ. Въ Наполеоновомъ Музеѣ хранится множество большихъ картинъ Флорентинскихъ. Въ Римѣ употребляются малые камешки, удобные къ самой мѣлкой работѣ; бляхи на ожерельяхъ, крышки на табакерахъ, головки на булавкахъ — которыя въ Парижѣ часто бываютъ медными вещицами, и которыя обыкновенно продаются дорогою цѣною — выходятъ изъ Рима.

Въ царствованіе Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ Мозаика опять появилась въ Россіи. Отецъ Россійскаго краснорѣчія былъ возстановителемъ художества, любезнаго всѣмъ друзьямъ просвѣщенія, но еще любезнѣйшаго для Россіянъ, которые не забыли, что оно сопутствовало Религіи, когда сія дщерь Неба пришла озарить наше Отечество благотворнымъ своимъ сіяніемъ. Канцлеръ Графъ Михайло Ларіоновичь Воронцовъ привезъ въ Петербургъ мозаическія картины изъ Рима,

подаренныя ему отъ Папы, и купленныя дорогою цѣною. Ломоносовъ, увидѣвъ оныя, и разсмотрѣвъ прилѣжно составленіе стеколъ, предпринялъ, съ помощію Химіи своей, произвесть нѣчто подобное; оградился философскою терпѣливостію, плавилъ вещества, дѣлалъ разные опыты, и наконецъ достигъ искуства приготовлять изъ стекла камни разныхъ цвѣтовъ для мозаическихъ изображеній. Въ описаніи жизни Ломоносова, помѣщенномъ при Академическомъ второмъ изданіи сочиненій его, сказано, что первая мозаическая картина, сдѣланная симъ знаменитымъ Художникомъ, была портретъ ПЕТРА Великаго, съ подлинника Дангауерова: но въ статьѣ, взятой изъ Ученыхъ Флорентинскихъ Вѣдомостей, и напечатанной на Россійскомъ языкѣ въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1764 года, то есть при жизни Ломоносова, упомянуто, что — первое произведеніе трудовъ его есть образъ Богоматери, сдѣланный мозаическимъ искуствомъ съ подлинника Соломенова, и поднесенный Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ, Которая, удостоивъ Автора высочайшимъ Своимъ ободреніемъ, пожаловала ему привилегію и деревни въ Ингерманландіи, гдѣ заведена была имъ фабрика для составленія разноцвѣтныхъ стеколъ Мозаическихъ. Ломоносовъ, безпрестанно занимаясь симъ художествомъ, столько успѣлъ, что могъ наконецъ приступить къ важнымъ

произведенїямъ. По волѣ Императрицы, Правительствующїй Сенатъ опредѣлилъ сооружить памятникъ въ Петропавловскомъ Соборѣ, гдѣ почиваетъ тѣло ПЕТРА Великаго, и украсить оной осмью картинами, изображающими важнѣйшїе подвиги Героя.

Ломоносову поручено произвести сїе въ дѣйство. Первая картина, представляющая Полтавскую побѣду, окончана въ два года и нѣсколько мѣсяцовъ. Переднїя фигуры видны во весь ростъ человѣческїй. Лице Монарха весьма удачно снято съ гипсоваго отпечатка и съ самыхъ лучшихъ портретовъ. Знатнѣйшїе Генералы: Шереметевъ, Меньщиковъ, Голицынъ, раздѣляютъ опасности съ вѣнценоснымъ Военачальникомъ. Въ рисовкѣ и въ выборѣ приличныхъ обстоятельствъ слѣдовано извѣстнѣйшимъ живописцамъ, изображавшимъ сраженїя.

Вторая картина, *Покоренїе Азова*, была начата, и работа производилась съ успѣхомъ. Кончина Ломоносова остановила продолженїе.

Главное преимущество Мозаики передъ обыкновенною живописью есть прочность; можно чистить картины и придавать имъ новую свѣжесть, не боясь испортить колоритъ. Неудобство Мозаики есть — медленность въ работѣ, и великїя издержки, которыхъ она необходимо требуетъ: слѣдственно живопись на холстѣ всегда будетъ въ боль-

шемъ употребленіи. Въ Римѣ и во Флоренціи Мозаика не достигла бы нынѣшней степени совершенства, если бы работа не производилась на иждивеніи Папы и Герцога Тосканскаго.

Здѣшній Университетъ хранитъ въ своемъ Музеѣ нѣсколько прекрасныхъ мозаическихъ картинъ, подаренныхъ ему, вмѣстѣ съ прочими рѣдкостями, отъ Князя Урусова.

И. И.

V.

Отъ чего мало Англійскихъ ремесленниковъ выѣзжаетъ изъ своего отечества въ чужія земли?

Въ Англіи есть достаточные ремесленники; многіе изъ нихъ удобно находятъ средства къ пропитанію. Но мало ли и такихъ, которыхъ неусыпные труды остаются тщетными, и которые угнетены бременемъ обстоятельствъ? Въ какомъ Государствѣ необходимыя вещи для жизни, всѣ безъ изключенія, продаются такою дорогою цѣною, какъ въ Англіи? Назовите мнѣ страну, гдѣ на удовольствіе, на забаву требуется столько денегъ, какъ въ Англіи? Вся тягость чрезвычайныхъ налоговъ падаетъ на состояніе ремесленниковъ, болѣе

нежели на другія; нѣтъ никакой причины надѣяться, чтобы подати когда-либо уменьшились; долгъ національный ежегодно возрастаетъ отъ войны, которой слѣдствія и въ мирное время долго будутъ ощутительны. Ремесленникъ встрѣчаетъ многія препятства на пути своемъ; онъ долженъ преодолѣть чрезвычайныя трудности, прежде нежели придетъ въ состояніе содержать себя приличнымъ образомъ въ такой землѣ, гдѣ роскошь заразила всѣ состоянія. „Но можетъ быть настанетъ когда-нибудь лучшее время!“ Нѣтъ! Англія всегда будетъ сражаться, — того требуетъ ея положеніе. Пріятно ли фабрикантамъ и ремесленникамъ работать, безпрестанно опасаясь высадки отъ сильнаго сосѣда? Переселясь въ какое-нибудь Европейское Государство, или въ Сѣверную Америку, они не боялись бы никого, не терпѣли бы упомянутыхъ неудобствъ, и спокойно занимались бы своимъ дѣломъ. Извѣстно, что многіе чужестранцы стараются вызывать Англійскихъ ремесленниковъ въ свои земли; извѣстно и то, что ихъ вездѣ приняли бы съ великою охотою, какъ людей искусныхъ. Правительство запрещаетъ имъ переселяться въ чужія земли; но не запрещеніе удерживаетъ ихъ въ отечествѣ: ибо мало ли путей изъ острова, мало ли удобныхъ случаевъ для фабриканта, которой рѣшитель-

но захотѣлъ бы оставить Англїю? Положимъ, что Англичанинъ любитъ свое отечество; но сїя привязанность не остановила бы художника въ такой землѣ, гдѣ каждой кусокъ хлѣба дорого ему достается, между тѣмъ какъ онъ могъ бы въ другомъ мѣстѣ имѣть лучшїя выгоды.

И такъ должны быть важныя причины, удерживающїя Англїйскаго ремесленника въ отечествѣ. Онѣ есть; онѣ извѣстны каждому просвѣщенному человѣку. Ремесленнику трудно въ Англїи нажить достатокъ и пріобрѣсти почетное имя; за то предметъ его трудовъ важенъ: отечество его есть богатѣйшая страна въ свѣтѣ. Нигдѣ онъ не можетъ быть столько увѣренъ, что собственность ему принадлежитъ, какъ въ Англїи. Законы управляютъ всѣмъ; Король не можетъ сдѣлать въ нихъ ни малѣйшей отмѣны, и самъ подчиненъ ихъ власти такъ точно, какъ послѣднїй ремесленникъ. Тамъ нищїй чувствуетъ свое достоинство; онъ въ рубищѣ, — но гордится своими правами, не меньше Лорда. Голосъ народа въ Англїи не есть пустой звукъ; новѣйшїя произшествїя ручаются за сїю истину. Ремесленникъ понимаетъ самъ, и заставляетъ чувствовать другихъ, что онъ есть часть цѣлаго. Пивоваръ смѣло идетъ въ Парламентъ, и жалуется на первостепеннаго Вельможу. Ны-

струментальной мастеръ, часовщикъ, горшешникъ (Расмденъ, Ведгвудъ, Моджъ) принимаются въ Члены Королевскаго Общества Наукъ, засѣдаютъ вмѣстѣ съ знаменитѣйшими особами (напримѣръ Рамсденъ сидитъ подлѣ Герцога Марлборуга), и строятъ себѣ загородные домы, на подобіе Княжескихъ. Чатамъ и Питтъ, имена незабвенныя въ достопамятной Исторіи нашего времени, суть потомки суконнаго мастера изъ Вилтшира. Лорды не стыдятся стоять въ спискѣ между ремесленниками, получившими привилегію за какое нибудь полезное изобрѣтеніе; такъ на примѣръ подлѣ свѣчнаго мастера написаны имена Лорда Стангопа, которой завелъ типографію, и Лорда Дундональда, которой дѣлаетъ краски. Все это многимъ изъ нашихъ читателей должно быть извѣстно, и ни одинъ разскащикъ статистическихъ анекдотовъ не станетъ съ нами спорить. Вездѣ хорошо! но такими выгодами ремесленники наслаждаются только въ Англіи. И такъ, кто изъ нихъ захочетъ промѣнять извѣстное на неизвѣстное? Не удивительно, что ремесленныя произведенія доведены тамъ до такого совершенства, до котораго въ другихъ земляхъ еще не достигли.

(Изъ Нѣм. Журн.)

VI.

*Къ любезному Философу П**.*

Подражаніе Сарбіевскому (*). См. Кн. II. Ода 7.

Жребій народовъ былъ меньше бы жалокъ,
Еслибъ взносились и падали царства
Медленно, тихо: но рушатся быстро
Горды колоссы.

Счастье не прочно. Безъ отдыху время
Области, грады, людей низвергаетъ;
Вѣки потребны для ихъ возвышенья, —
Въ мигъ упадаютъ.

(*) Казимиръ Сарбіевскій, Польскій Іезуитъ, родился въ 1595 году въ Мазовіи, недалеко отъ Плоцка; учился въ Виленской Академіи, гдѣ послѣ былъ Учителемъ. Для окончанія Богословіи предпринималъ путешествіе въ Римъ, и рѣдкими своими дарованіями приобрѣлъ особенное уваженіе Папы Урбана VIII. Возвратясь въ Вильну, опять преподавалъ Реторику, потомъ Философію, наконецъ, въ званіи Доктора, Богословію. Владиславъ VI, Король Польскій, наименовалъ его своимъ придворнымъ Проповѣдникомъ, и отличалъ всегдашнею милостію. Сарбіевскій писалъ на Латинскомъ языкѣ. Стихотворенія его, а особливо Оды, весьма уважаются Любителями Поэзіи. По мнѣнію Гроція, Сарбіевскій не только равняется съ Гораціемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже превосходитъ его. Онъ умеръ 1640 года. — *Изд.*

Есть ли что твердое въ мірѣ подлунномъ?
Что устояло подъ млатомъ судьбины,
Тяжкимъ ударомъ народамъ грозящей,
И сокрушеньемъ?

Не оскорбляй же Небесъ укоризной,
Смертный Философъ! смотря на могилы,
Сердцу любезныхъ, уснувшихъ спокойно
Впредь до разсвѣта.

Помни, что всѣ мы родимся для смерти.
Тотъ лишь въ юдоли сей жилъ долговѣчно,
Кто добродѣтели шествуя слѣдомъ,
Умеръ для Неба.

Ж. З.

VII.

Смѣсь.

Извѣстно несчастіе, случившееся въ Лиллѣ съ Мосманомъ (*), молодымъ воздухоплавателемъ. Г. Гарнерень думаетъ, что неосторожность была главною причиною погибели его. Легкая лодочка съ низкими краями, слишкомъ далеко и немногими веревками привязанная къ сѣткѣ, которою покрытъ былъ шаръ — вотъ другія причины. Г. Мосманъ, выбрасывая животное съ парашютомъ, уклонился отъ перпендикулярной

(*) О паденіи его и смерти недавно было писано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

линеи; лодочка, потерявъ равновѣсіе, стала качаться, и выбросила его на землю. — Далѣе Г. Гарнерень утверждаетъ, что несчастія, постигшія воздухоплавателей, должно приписывать не охотѣ ихъ летать надъ облаками, но упрямству и неблагоразумію. Каждой могъ предвидѣть, что Пилатръ-Дерозьеръ погибнетъ; онъ соединилъ способъ Монгольфьеровъ со вновь изобрѣтеннымъ, то есть огонь съ горючимъ газомъ; покрылъ шаръ свой позолотою, которая, находясь между облаками, привлекла къ себѣ электрическую матерію. Шары позолоченные и посеребренные красивы, но весьма опасны. Замбескари, употреблявшій сіи средства, всякой разъ претерпѣвалъ ужасныя бѣдствія; очень удивительно, какъ онъ не погибъ отъ своего неблагоразумія. Въ Лондонѣ Люнарди, наполняя шаръ газомъ, велѣлъ его держать молодому человѣку, обмотавъ руки свои веревками; шаръ внезапно поднялся и унесъ его съ собою; руки молодаго человѣка выпутались на воздухѣ отъ колебанія шара; несчастный упалъ на землю, и ушибся до смерти. Въ Испаніи Г. Бушъ рѣшился подняться на Монгольфьеровомъ шарѣ; передъ самымъ возлетѣніемъ товарищи его отказались путешествовать; Г. Бушъ испугавшись объявилъ, что отправится одинъ; велѣлъ спустить шаръ, но въ замѣшательствѣ забылъ перерѣзать веревку, которою шаръ былъ вверьху

привязанъ; снарядъ, поднявшись, вдругъ отскочилъ назадъ, Г. Бушъ упалъ, и переломилъ себѣ ноги. Въ Орлеанѣ Г. Оливари поднялся съ Монгольфьеровымъ шаромъ бумажнымъ на лодочкѣ, въ которой находился спиртъ и другія вещества горючія; натурально, что все это должно было вспыхнуть, — и Г. Оливари умножилъ собою число жертвъ искуства воздухоплавательнаго. — Во всѣхъ сихъ несчастіяхъ виновато не искуство, но сами воздухоплаватели. Люди благоразумные, свѣдущіе и неустрашимые, не могутъ бояться подобныхъ случаевъ. Я не вижу — заключаетъ Г. Гарнеренъ — ничего такого, что побуждало бы отказаться отъ славнѣйшаго изобрѣтенія, которое всегда будетъ занимать пріятнымъ зрѣлищемъ націю просвѣщенную и воинственную.

*

Не задолго передъ симъ напечатана въ Парижѣ превосходная Делилева Поэма въ осми Пѣсняхъ: *Воображеніе*, которую Авторъ обработывалъ около десяти лѣтъ, а можетъ быть и болѣе. Въ разныхъ Журналахъ помѣщены отрывки изъ Поэмы; но рецензіи до сихъ поръ еще мы не получили. Любители Французской Поэзіи увѣряютъ, что если вся Поэма состоитъ изъ такихъ прекрасныхъ стиховъ, какіе напечатаны въ Журналахъ, и если планъ сочиненія выдержитъ безпристрастную критику; то ничего болѣе не

нужно для славы Г-на Делиля. — Всѣ произведенія пера его — кромѣ переведенныхъ *Энеиды* и *Потерянного Рая* — принадлежатъ къ родамъ дидактическому, философическому и описательному (descriptif). Г. Делиль по видимому назначенъ судьбою быть защитникомъ описательной Поэзіи, которую многіе изъ новѣйшихъ Литтераторовъ охуждаютъ и ненавидятъ. Авторъ имѣлъ передъ глазами великіе примѣры, и особенно Лукреція, которой написалъ Поэму *о натурѣ вещей* (de natura rerum), то есть о цѣломъ мірѣ, и о всемъ, что въ немъ содержится. — Говорятъ, что Поэмы философическія бываютъ скучны, описательныя — слабы. Авторъ *Воображенія* умѣлъ воспользоваться всѣми пособіями искуства піитическаго; каждая Пѣснь содержитъ въ себѣ то трогательной эпизодъ, то занимательное отступленіе; съ эпическимъ повѣствованіемъ удачно перемѣшаны картины и описанія.

*

Тому около четырехъ лѣтъ, какъ появилась извѣстная книга: *Герцогиня де ла Вальеръ*. Журналисты въ то время нападали на Автора (Г-жу Жанлисъ), утверждая, что *Историческіе романы* суть пагуба для Литтературы, а особливо если главныя лица раздѣлены отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени. Теперь Г-жа Жан-

лисъ издала новой Исторической Романъ: *Мадамъ Ментенонъ*, которой служитъ продолженіемъ прежде упомянутаго — и *Пересмотръ* (*) опять загремѣлъ противъ Сочинительницы. „Благосклонной отъ публики пріемъ *Герцогини де ла Вальеръ* могъ подать причину къ написанію другаго подобнаго романа; однакожь симъ не оправдывается безразсудной поступокъ. Пусть книга хорошо продается; но это не служитъ доказательствомъ ея достоинства: Г-жа Жанлисъ успѣетъ еще написать по крайней мѣрѣ два или три дурные романа, прежде нежели публика перестанетъ читать ее. Такимъ образомъ и новой романъ, *Мадамъ Ментенонъ*, читаютъ многіе, но не многіе одобряютъ.“ Вотъ что говорятъ о послѣднемъ произведеніи любимой Французской Писательницы!

*

Сказываютъ, что славный Актеръ Г. Тальма недавно представлялъ Наполеону Бонапарте, сколь было бы полезно для благонравія, изящнаго вкуса и для самаго Театра Французскаго, еслибъ велѣлъ онъ уменьшить число театровъ Парижскихъ, которые привлекаютъ къ себѣ зрителей мѣлочными произведеніями и случайными піесами. Какъ ни основательно предложеніе,

(*) La Revue, названіе Журнала.

но Бонапарте сказалъ, что не надобно принуждать народъ въ его удовольствіяхъ. Надѣются однакожь, что послѣдуютъ нѣкоторыя перемѣны. Наполеонъ при семъ случаѣ много говорилъ о духѣ нынѣшняго Французскаго Театра, о лучшихъ драматическихъ Писателяхъ, и объ неудачныхъ представленіяхъ. Онъ думаетъ, что нынѣшніе трагическіе Поэты, каковъ напримѣръ Ренуаръ (надобно замѣтить, что Бонапарте очень любитъ его *Кавалеровъ Храма*), по большей части заставляютъ героевъ своихъ говорить и дѣйствовать по правиламъ людей обыкновенныхъ, и подчиняютъ ихъ *добродѣтели* и *нравственности*, а не таинственной *судьбѣ* или *року*, какъ бывало у Древнихъ. Въ наше время — далѣе говорилъ Наполеонъ — *Политика* можетъ заступить мѣсто *судьбы*, и еслибъ Г. Ренуаръ лица въ своей трагедіи подчинилъ ея власти, то роль *Филиппа Пригожаго* была бы гораздо важнѣе и занимательнѣе. — Издатели Нѣмецкаго Журнала, изъ котораго взята сія статья, не ручаются за истину здѣсь сказаннаго; мы, слѣдуя впрочемъ ихъ примѣру, не можемъ не замѣтить, что въ мнѣніи, приписываемомъ Наполеону, заключается смыслъ глубокой, имѣющій отношеніе къ его характеру.

Англїя изстари почитается отечествомъ чудаковъ. Недавно въ Лондонѣ одинъ поденьщикъ, по древнему обыкновенїю, привязавъ жену свою веревкою за шею, вывелъ ее на рынокъ для продажи. Сбѣжавшїйся народъ едва не разтерзалъ нѣжнаго супруга; къ счастїю, подоспѣли полицейскїе служители, и укротили смятенїе.

*

Испанское Правительство въ Гаваннѣ обнародовало прекрасное узаконенїе, открывающее для черныхъ невольниковъ путь къ скорому полученїю свободы. Когда привезутъ Негра въ Гаванну, тотчасъ впишется имя его и цѣна въ книгу, нарочно для того опредѣленную отъ Начальства. Каждой владѣлецъ обязанъ дозволять невольнику работать на себя по одному дню въ недѣлю; заработавши достаточную сумму денегъ, Негръ можетъ выкупить у господина своего второй, третїй день, и такъ далѣе; а когда заплатитъ за шестой день, въ то время получаетъ совершенную свободу. Цѣна выкупа за каждой день составляетъ пятую часть суммы, заплаченной за невольника.

*

Въ Парижѣ на театрѣ Іозефины (Théâtre de l'Imperatrice) данъ спектакль въ пользу дѣвицы Гюллень — пятилѣтняго робенка. Одинъ Французской Журналъ охуж-

даетъ — и очень справедливо — такую щедрость, на которую имѣютъ право только заслуженные художники, или претерпѣвающіе нужду; а еще болѣе не одобряется то, что для сего зрѣлища выбранъ балетъ самой соблазнительной (la Fille mal-gardée): *несбереженная дѣвушка.* Мать заперла Лизу, дочь свою въ сараѣ; вдругъ вылѣзаетъ изъ подъ соломы любовникъ, которому Лиза давно уже ни въ чемъ не отказываетъ. Оба восхищаются; случай благопріятствуетъ; они обнимаются; волокита становится часъ отъ часу дерзновеннѣе; Лиза не можетъ противиться: мать застаетъ любовниковъ. — Такой балетъ представляли публично дѣти, не старѣе семи лѣтъ! Не показываетъ ли это развращенія нравовъ, тѣмъ болѣе, что младенцы удивляли зрителей своимъ искуствомъ и превосходною игрою? Пускай психологическіе наблюдатели отгадаютъ, что будетъ изъ сихъ Виртуозовъ на 16 мъ или на 20 мъ году ихъ возраста!

❖

Герцогиня Девонширская скончалась въ Лондонѣ 29 Марта, на 49 году отъ рожденія. Сія Дама прославилась въ свѣтѣ красотою, умомъ и знакомствомъ со многими знаменитыми людьми въ Европѣ. Извѣстно, что Г. Делиль переложилъ на Французскіе стихи съ Англинскаго языка Поэму, ею сочиненную подъ названіемъ: *Переходъ черезъ Сен-Готардъ.*

ПОЛИТИКА.

I.

Историческія извѣстія о новѣйшихъ Французскихъ Миссіяхъ въ Остъ-Индіи.

Парижская Семинарія заграничныхъ Миссій (на улицѣ Баккъ) основала пять благочестивыхъ заведеній въ Восточной Индіи, а именно въ Китаѣ (*), въ Тункинѣ, въ богатыхъ областяхъ Кохинхинской и Камбойской, въ Сіямѣ и на берегу Коромандельскомъ.

Сія послѣдняя Миссія, извѣстная подъ названіемъ Малабарской, простирается на весь полуостровъ по сю сторону Гангеса. Пондишери есть главное мѣсто ея. Въ семъ городѣ находятся двѣ церкви: одна для Французовъ, гдѣ служатъ Капуцины; другая для природныхъ тамошнихъ жителей, и состоитъ подъ управленіемъ Священниковъ улицы Баккъ (въ Парижѣ), которые исправляютъ требы для Малабарскихъ Христіянъ, и проповѣдываютъ Евангеліе въ сосѣдственныхъ областяхъ.

(*) Китай собственно къ Восточной Индіи не принадлежитъ.

Тамошніе жители исповѣдуютъ вѣру идолопоклонническую; но Князья и Чиновники суть Магометане, а особливо въ областяхъ, принадлежавшихъ сыну славнаго Гидеръ Али, несчастному Типпо-Саибу, которого владычество низвергнуто Англичанами. Португальцы имѣютъ нѣсколько своихъ проповѣдниковъ на полуостровѣ Индійскомъ; но важнѣйшія Миссіи препоручены Французскимъ Священникамъ, которые разпространились по Мизорѣ, Таньйорѣ и Карнатикѣ до самаго Гангеса.

На сѣверъ отъ Мизоры также есть Христіяне, по большой части изъ обращенныхъ Браминовъ. Жилища ихъ простираются до Мазулипатама.

Главное мѣсто Миссіи въ Сіямѣ есть Банкокъ, столичной городъ страны. Посланы проповѣдники на островъ Юзеламъ, на острова Мерги, въ Сокорантъ и въ Кведу; области сіи недавно отдѣлились отъ Сіямскаго Королевства, и простираются до Малакскаго пролива.

Государь, взошедшій на престолъ Сіямскій послѣ революціи 1780 года, весьма благопріятствуетъ вѣрѣ Христіянской. Онъ призвалъ въ свою столицу Епископа, и дозволилъ прочимъ Миссіонаріямъ проповѣдывать Евангеліе во всѣхъ своихъ областяхъ.

Въ семъ Королевствѣ есть много Христіянъ, живущихъ подъ духовною паствою четырехъ или пяти Французскихъ Священниковъ, которые убѣдительно просятъ, чтобы присланы были къ нимъ сотрудники. Миссія состоитъ подъ изключительнымъ начальствомъ Парижской Семинаріи.

Междоусобныя войны, которыя съ 1780 года разоряли Кохинхину, много помѣшали разпространенію Христіянской вѣры. Законный Король наконецъ усмирилъ мятежниковъ, и возстановилъ тишину въ Государствѣ. Онъ любитъ Христіянъ, и не только запретилъ угнетать ихъ, но даже благосклонно принимаетъ Французскихъ Миссіонаріевъ, изъ уваженія къ умершему Епископу Драдану, которому онъ во время замѣшательствъ поручалъ отвезти въ Европу своего сына. Тогда Французскіе проповѣдники должны были спасаться бѣгствомъ; они почти всѣ умерли, и мѣста ихъ до сихъ поръ остаются праздными въ такой землѣ, гдѣ жители весьма разположены къ принятію Христіянской вѣры. Число новообращенныхъ очень велико.

Сія Миссія разпространилась болѣе Сіямской, и раздѣлена на двѣ части, на верхнюю Кохинхину и нижнюю; послѣдняя граничитъ съ Камбоей.

Не весьма обширное Камбойское Королевство, лежащее между Сіямомъ и Кохинхиною, платитъ дань одному изъ сихъ Королевствъ, съ тѣхъ поръ какъ сила оружія рѣшила судьбу его. Верхняя Кохинхина граничитъ съ Тункиномъ. Сія (то есть Кохинхинская) Миссія состоитъ подъ управленіемъ Епископа, Викарія Апостольскаго престола, и имѣетъ свою Коллегію, для образованія духовенства изъ тамошнихъ жителей. Это есть главной предметъ Миссій; Папа именно того требуетъ: но едва ли сіе намѣреніе исполнится, потому что мало изъ Европы присылаютъ Священниковъ, которые необходимо для сего нужны.

Есть особливая Миссія въ Тункинѣ, лежащемъ на юговосточной сторонѣ Китайскихъ предѣловъ. Тамъ Христіянство ежедневно приобрѣтаетъ новые успѣхи. Число Христіянъ простирается до 300,000. Миссія раздѣляется на два Апостольскія Викаріятства, восточное и западное, содержащія по равному числу Христіянъ. Первымъ управляетъ Испанскій Епископъ, изъ Доминиканскаго ордена; вторымъ — Французской Священникъ изъ Парижской Семинаріи. Въ сей западной части считаютъ около 150,000 Христіянъ. — Французской Епископъ имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ пять или шесть Миссій изъ Парижа, и болѣе тридцати изъ природныхъ жителей.

Сїя Миссїя раздѣляется на двадцать четыре округа; самые меньшїе имѣютъ отъ двадцати до пятидесяти миль въ окружности; въ нѣкоторыхъ считается отъ трехъ до четырехъ тысячь, въ другихъ отъ шести до семи тысячь, а въ иныхъ отъ десяти до двенадцати тысячь Христїянъ.

Европейскїе Священники то занимаются наставленїемъ опредѣленныхъ для духовнаго званїя природныхъ жителей въ Латинскомъ языкѣ и Богословїи, то ѣздятъ по округамъ, препорученнымъ смотрѣнїю тамошнихъ Священниковъ, учатъ ихъ отправлять свою должность и наблюдать порядокъ, и поселяютъ въ молодыхъ людяхъ, воспитываемыхъ для Миссїи, любовь ко смиренїю.

Священники, не имѣя возможности управиться, по причинѣ великаго множества Христїянъ и обширности округовъ, употребляютъ учениковъ, которые помогаютъ имъ во многихъ случаяхъ, и заступаютъ ихъ мѣста. Число такихъ учениковъ простирается до двухъ сотъ пятидесяти.

Кромѣ Коллегїи, гдѣ учатъ Латинскому языку, есть еще особая, въ которой преподаютъ Богословїю молодымъ людямъ, почитаемымъ достойными сана священническаго. Семинарїя состоитъ обыкновенно изъ

пятнадцати или двадцати кандидатовъ, отличныхъ своимъ благонравіемъ, кротостію и усердіемъ ко благочестію. Ихъ производятъ во Священники на тридцать шестомъ или на четыредесятомъ году отъ рожденія; ибо для Индійцовъ нужно долговременное испытаніе, по причинѣ медленныхъ успѣховъ. Семинаріею управляетъ Европейскій Миссіонарій. Сія должность очень важна; многіе Папы для ободренія Миссіонаріевъ объявляли, что посвященіе одного изъ природныхъ жителей ихъ болѣе радуетъ, нежели обращеніе нѣсколькихъ тысячь невѣрныхъ къ Христіянству.

Другое средство къ распространенію вѣры есть учрежденіе нѣкотораго рода монахинь, называемыхъ *друзьями креста*. Ихъ считается около пяти сотъ. Онѣ живутъ въ двадцати пяти разныхъ домахъ, питаются трудами рукъ своихъ, и приносятъ пользу особамъ своего пола; проводятъ время въ трудахъ и покаяніи; вступаютъ въ званіе свое не ранѣе сорока лѣтъ, сперва на годъ, потомъ, если нравится новой образъ жизни, возобновляютъ свою клятву. Имѣя менѣе правъ на духовное званіе, нежели монахини у насъ въ Европѣ, онѣ не уступаютъ имъ въ благочестіи. Присягнувши въ храненіи цѣломудрія, нищеты и послушанія, исполняютъ клятву свою съ такою точностію

что самыхъ даже невѣрныхъ заставляютъ удивляться (*).

Помощники Священниковъ и ученики Миссіи, живущіе въ такъ называемомъ *домѣ Божіемъ*, ходятъ всегда самъ-другъ, для того чтобъ ничего не дѣлать безъ свидѣтеля.

Что принадлежитъ до Китайской Миссіи — Парижская Семинарія посылаетъ Священниковъ для проповѣданія Евангелія въ трехъ провинціяхъ Китайской Имперіи, изъ которыхъ самая меньшая пространствомъ почти ровняется Франціи. Сіи три великія провинціи суть: Сутхуэнъ, Юннанъ и Кунтгеонъ. Столь обширною Миссіею управляетъ Французской Епископъ, четыре или пять Европейскихъ проповѣдниковъ, и около пятнадцати Китайскихъ священниковъ изъ учрежденной Семинаріи для приготовленія тамошнихъ жителей къ духовному званію.

Сіи Миссіонаріи раздѣлены на разныя *Христіянства* — такъ называется городъ или деревня, куда собираются Христіяне всей страны, ввѣренной попеченію одного Священника. *Христіянства* находятся одно отъ другаго разстояніемъ на нѣсколько дней

(*) Въ такихъ лѣтахъ исполнить данные обѣты легче, нежели въ молодости, а особливо обѣтъ цѣломудрія. *Прим. Нѣм. Перев.*

пути. Многолюднѣйшіе приходы состоятъ изъ трехъ или четырехъ сотъ Христіянъ, въ другихъ же по большой части считается оныхъ отъ шестидесяти до осмидесяти. Священники, которыхъ такъ мало, не могутъ часто посѣщать новообращенныхъ, живущихъ между невѣрными среди гоненій, и имѣющихъ великую нужду въ духовной помощи. Священникъ едва ли въ годъ два раза успѣетъ посѣтить свою паству. Многимъ изъ обращенныхъ удается слушать обѣдню не болѣе одного раза въ теченіе года, а другимъ въ два года одинъ разъ.

Для отвращенія сего неудобства заводятъ училища, въ которыхъ избранные мущины наставляютъ неженатыхъ юношей; а смиренныя женщины, и по большой части дѣвицы, посвящаютъ себя на образованіе особъ своего пола. Сіи дѣвицы клятвою обѣщаются въ продолженіе извѣстнаго времени отправлять свою должность. Отъ новообращенныхъ требуютъ пособій для содержанія наставниковъ и наставницъ; ибо Французскія Миссіи, не получая теперь никакихъ пенсій изъ Парижской Семинаріи, и сами терпя недостатокъ, принуждены искать помощи у Христіянъ, по большей части небогатыхъ.

Кромѣ того, другія издержки, необходимыя для успѣховъ проповѣди, употребляющся

на книги. По Китайскимъ книгамъ учить никакъ не можно; почти въ каждой изъ нихъ суевѣрїе смѣшано съ правилами естественной нравственности. Миссїонарїи употребляютъ для сего весьма давно извѣстное здѣсь искусство книгопечатанїя: ибо не льзя положиться на исправность переписчиковъ на такомъ языкѣ, въ которомъ, по причинѣ запутанности въ словахъ, смыслъ легко могъ бы измѣниться, а отъ того вошли бы противные толки, и даже ереси. Мы (*) печатаемъ книги для обращенныхъ и обращаемыхъ, и раздаемъ оныя безденежно.

Богъ низпосылаетъ благословенїе Свое на Миссїи, ибо число новообращаемыхъ ежедневно возрастаетъ. Ученики, которые съ успѣхомъ воспользовались преподаннымъ наставленїемъ, ходятъ между невѣрными, оспориваютъ суевѣрныя мнѣнїя народа, и научаютъ его Религїи Христїянской. Когда жители показываютъ наклонность къ истинному богопочитанїю, въ то время посѣщаетъ ихъ Миссїонарїй, даетъ имъ основательнѣйшїя понятїя о вѣрѣ, приготовляетъ ихъ къ восприятїю крещенїя, и совершаетъ сїе таинство не прежде, какъ черезъ годъ, то есть когда оглашаемые утвердятся въ благочестїи.

(*) Сїя статья сочинена отъ имени Парижской Семинарїи.

Миссїонарїи, посылаемые на берегъ Коромандельскїй, обыкновенно пристаютъ въ Пондишери, и проповѣдываютъ одни въ городѣ, другїе въ окрестностяхъ. — Назначаемые въ Китай, Тункинъ, Кохинхину и Сїямъ, плывутъ въ Макао, гдѣ Парижская Семинарїя имѣетъ своего Прокуратора, черезъ котораго ведетъ переписку съ Миссїями. Макао есть городъ, почти за двѣсти лѣтъ передъ симъ построенный Португальцами на полуостровѣ при Кантонскомъ заливѣ, которой служитъ главнымъ входомъ въ Китайскую Имперїю. Португальцы за сей уголокъ ежегодно платятъ извѣстную денежную сумму. Китайцы построили стѣну, которою раздѣляется полуостровъ отъ твердой земли. Въ стѣнѣ сдѣланы ворота, охраняемыя стражею для воспрепятствованїя Европейцамъ имѣть сообщенїе съ провинцїями. Макао весьма важенъ для тамошнихъ Христїянъ; его можно назвать сборнымъ мѣстомъ Миссїонарїевъ, которые оттуда прокрадываются во внутреннїя области для проповѣданїя Евангелїя. Что касается до столичнаго города, то Миссїонарїи посѣщаютъ его явнымъ образомъ, имѣя на то дозволенїе отъ Императора.

(*Изъ Арх. Мин.*)

II.

Зундъ.

Давно уже слышно было, что Пруссія занявши Ганноверъ, тотчасъ запретитъ ввозить Англійскіе товары въ свои области, и проч. Публичныя вѣдомости подтвердили сіе извѣстіе. Теперь говорятъ, что Пруссія хочетъ, вмѣстѣ съ Французами, запереть Зундъ, чтобы не впускать Англійскихъ кораблей въ Балтійское море. Въ Мониторѣ о томъ написано слѣдующее:

„Нынѣ время нанести Англійской силѣ рѣшительной ударъ; произведенія фабрикъ ихъ и товары Индійскіе не будутъ впускаемы на твердую землю до тѣхъ поръ, пока Англія не обратится къ правиламъ просвѣщенныхъ своихъ Политиковъ. Пускай Англичане плаваютъ на всѣхъ моряхъ: корабли ихъ съ негодованіемъ будутъ отгоняемы отъ пристаней. Пускай товары ихъ накопляются въ магазинахъ: плоды ихъ промышленности не будутъ впускаемы на берега, начиная отъ Дарданеллъ до Зунда;“ и проч.

Сей планъ, еслибъ только онъ исполнился, выгоднѣе всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. Но что честолюбивыя намѣренія Франціи не могутъ свершиться, и что ихъ обширные планы не могутъ простираться до нашего

Балтїйскаго моря, въ томъ порукою рѣшительность и могущество Россїйскаго ИМПЕРАТОРА. Онъ знаетъ Свои силы, знаетъ вѣсъ Своей Имперїи. Шведской Король также не останется спокойнымъ зрителемъ. Сама Англїя, побѣдоносная на моряхъ Англїя, которая вездѣ громитъ сильнаго своего непрїятеля и его союзниковъ, безъ сомнѣнїя отправитъ многочисленный флотъ, очиститъ Зундъ, и возобновитъ сообщенїе съ Балтїйскимъ моремъ.

Можетъ быть дѣйствительно Зундъ будетъ театромъ военныхъ произшествїй; для того не излишнимъ почитается сообщить здѣсь краткое замѣчанїе о семъ проливѣ. — Зундъ на сѣверѣ значитъ то, что на югѣ проливъ Гибралтарскїй; Гельзингеръ и Гельзинборгъ суть столбы Геркулесовы. Не овладѣвъ всею Зеландїею и Шонїею, не можно запереть Зундъ. Сей проливъ, соединяющїй, какъ извѣстно, Балтїйское море съ Сѣвернымъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ не ширѣ трехъ четвертей мили; песчаныя отмѣли при берегахъ Зеландїи и подводные камни къ сторонѣ Швецїи дѣлаютъ дорогу такъ тѣсною, что тяжелые военные корабли не иначе проходить могутъ, какъ по одиначкѣ. Датчане учредили здѣсь свою таможню для собиранїя пошлины, которая приноситъ

знатной доходъ отъ множества плавающихъ кораблей (*).

Предположимъ, что чужестранная Держава овладѣла бы обоими берегами — чего въ нынѣшнее время не въ состояніи сдѣлать коварная политика? — тогда, имѣя въ своей власти Кроненбургъ, Гельзингеръ, батареи и нѣсколько кораблей или вооруженныхъ шлюбокъ, можетъ задержать военные корабли, и не пропустить ихъ въ Балтійское море.

(*Изъ Иностр. Журн.*)

III.

Письмо изъ Бостона.

Въ первой день Марта законодательное Собраніе провинціи Массашуссетской дало аудіенцію десяти Старѣйшинамъ племенъ Индійскихъ. Въ сопровожденіи Генеральнаго Коммиссара, Чиновника Соединенныхъ Областей, они сперва вошли въ залу Совѣта, гдѣ Губернаторъ принялъ ихъ, изъявилъ радость свою о благополучномъ ихъ прибытіи, и пожелалъ такого жь возвращенія. Потомъ ввели ихъ въ Сенатъ, котораго Президентъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

(*) Черезъ Зундъ въ оба пути проходитъ ежегодно отъ 12 до 13,000 кораблей.

„Друзья и братья! привѣтствуемъ васъ предъ огнемъ, горящимъ въ Сенатѣ Массашуссетскомъ. Возходящій пламень да будетъ признакомъ жаркой пріязни, имѣющей на вѣки быть ненарушимою между Соединенными Областями и вашими народами. Вы предпринимали дальнее путешествіе для свиданія съ нами. Президентъ Соединенныхъ Областей есть другъ вашъ; онъ призвалъ васъ въ предѣлы наши для того, чтобы вы опытомъ удостовѣрились, какую любовь питаетъ къ вамъ народъ нашъ и всѣ Начальники. Мы испросили отъ Главы нашего Правительства дозволеніе вручить вамъ серебряныя цѣпи, для того чтобъ вы привѣсили къ нимъ изображенія общаго нашего Начальника. Цѣпи сіи будутъ напоминать вамъ о неразрывныхъ узлахъ, соединяющихъ провинціи съ общимъ отцемъ ихъ. Возвѣстите о семъ дѣтямъ вашимъ! Великій Духъ, пекущійся надъ обширными странами, обитаемыми и необитаемыми, да низпошлетъ благословеніе свое на жилища ваши и семейства во все продолженіе вашего отсутствія, и да приведетъ васъ къ родинѣ путями, чуждыми терній и опасностей!“

Когда переводчикъ изъяснилъ Старѣйшинамъ Индійскимъ рѣчь сію, одинъ изъ нихъ, Татсшуто, подошелъ къ Президенту, и подавъ ему руку, отвѣчалъ:

„Братья! мы шли отъ востока до запада для свиданія съ вами. Мы разнимся съ вами наружнымъ видомъ, — но сердца наши одного цвѣту. Вы должны любить насъ, какъ первобытныхъ, истинныхъ Американцовъ. Прочтите надпись на медаляхъ (на нихъ написано: *Миръ и Дружество*), которыя на себѣ имѣемъ, и вы въ то же время произнесете слова, напечатлѣнныя въ сердцахъ нашихъ. Благодаримъ народъ вашъ за всѣ его услуги. Радуемся, что отецъ послалъ насъ увидѣть народъ его, живущій въ Бостонѣ, — намъ сказано, что сей старинный городъ есть родоначальникъ всѣхъ прочихъ; радуемся, что вы соблаговолили вручить намъ цѣпи, и увѣдомимъ дѣтей своихъ и народъ о всемъ, что отъ васъ слышали. Мы желаемъ посмотрѣть вашихъ воиновъ; ибо наши братья, бывшіе прошлаго года въ Новомъ Йоркѣ, видѣли вооруженныхъ вашихъ людей, и любовались симъ зрѣлищемъ. Мы очень бы опечалились, если бъ не были въ состояніи нашему народу сказать что нибудь о вашемъ войскѣ. Останемся навсегда вашими друзьями.“

Изъ Сената повели Индіянъ въ палату Депутатовъ, гдѣ приготовлены были для нихъ кресла противъ Ораторскаго мѣста. Депутаты, при входѣ Индіянъ, поднялись

съ мѣстъ своихъ и скинули шляпы. Когда всѣ по прежнему сѣли, Ораторъ Палаты, Г. Бижеловъ, поздравилъ Старѣйшинъ слѣдующимъ образомъ:

„Братья! привѣтствуемъ васъ среди великаго Совѣта. Поздравляемъ васъ съ благополучнымъ къ намъ прибытіемъ. Наши отцы не знали васъ; пускай же мы и наши дѣти васъ знаютъ. Искренне желаемъ, чтобы дружество утвердилось между вами и нами, и между дѣтьми нашими. Оба великіе Совѣта наши просили добраго и знаменитаго своего Начальника, чтобы дозволилъ вручить вамъ серебряныя цѣпи, въ залогъ нашей привязанности. Хотя мы и разнимся цвѣтами, но не лишайте насъ своего дружества: будемъ стараться одни другихъ превзойти взаимными услугами. Да продолжается вѣчно миръ между нами. Возвѣстите, братья, своимъ народамъ, что мы желаемъ имъ удачи во всѣхъ предпріятіяхъ. Просимъ Великаго Духа, чтобы даровалъ имъ счастье въ звѣроловствѣ и во всемъ; чтобы низпослалъ имъ времена благопріятныя и обиліе плодовъ. Возвѣстите имъ также, что Бѣлые и народъ Соединенныхъ Областей приняли васъ, и обошлись съ вами усердно и дружески, и что просимъ отъ нихъ взаимной благосклонности, когда наши придутъ въ ихъ области. Мы будемъ молить Великаго Духа, чтобы въ обратномъ путешествіи хранилъ

васъ, и даровалъ вамъ дни ясные и счастливые."

Татшуга отвѣчалъ:

„Братья! съ тѣхъ поръ, какъ находимся между Бѣлыми, видимъ доказательства дружбы и усердія; съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили мѣста, гдѣ обитаетъ отецъ нашъ, Президентъ Соединенныхъ Областей, котораго образъ носимъ на медаляхъ, вездѣ принимали насъ благосклонно; не сомнѣваемся, что и на возвратномъ пути намъ окажутъ тѣ же отличія. Мы составляемъ съ вами одинъ народъ. Хотя кожа на тѣлѣ нашемъ червлена, но сердца наши бѣлы — подобны вашимъ. Мы затвердили отъ васъ слышанное; уши наши отверзты для вашихъ совѣтовъ. Все, все разскажемъ нашему народу; онъ порадуется, и будетъ жить съ вами въ мирѣ и дружествѣ."

Въ продолженіе сей рѣчи Индіянинъ три раза останавливался, а переводчикъ изъяснялъ между тѣмъ слова его. — Сенатъ, чтобъ удовлетворить желаніе Индіянъ, далъ повелѣніе въ понедѣльникъ вывести войско на парадное мѣсто.

(Изъ Варш. Газ.)

IV:

Выписка изъ Парижскаго Журнала о Сициліи:

Сицилія славилась богатствами и изобиліемъ; въ ней процвѣтали науки и художества. Карѳагенцы, Аѳиняне и Римляне посылали высадныя войска для овладѣнія симъ островомъ. Плодородіе земли; прекрасныя мѣстоположенія; многочисленныя стада; тучныя пажити, описаны въ стихотвореніяхъ Ѳеокритовыхъ. Такова въ древности была Сицилія! — Что жь она теперь? страна невоздѣланная; бѣдная и почти безлюдная; остались только слѣды прежняго ея величія. Правда; свойство земли ея не измѣнилось; умъ жителей такъ же дѣятеленъ и остръ какъ и прежде: недостаетъ только сильной руки, которая возвратила бы ей старинную знаменитость, удалила бы случайныя препятства; недозволяющія развиться ея силамъ, и возбудила бы спящую промышленность. Нѣтъ сомнѣнія, что Неаполь не можетъ обойтись безъ Сициліи; которая снабжаетъ его хлѣбомъ и овощами. Сицилія имѣетъ такія выгоды предъ берегами Неаполитанскими; что еслибъ жители ея пришли въ прежнюю силу; и могли расторгнуть узы; такъ давно связующія ихъ съ Неаполитанцами; то сдѣлались бы для нихъ послѣднихъ страшными непріятелями;

или опасными сосѣдами. Воздѣланныя нивы Сицилїйскїя бываютъ покрыты столь высокимъ и густымъ хлѣбомъ, что поля другихъ странъ, въ сравненїи съ ними, можно почитать безплодными. Не много рукъ занимается земледѣлїемъ, слѣдственно небольшая только часть Сицилїи обработана; однакожь и теперь еще Сицилїя называется житницею Неаполя, потому что на землѣ ея отъ одного зерна родится сто, и что вмѣсто прежнихъ пяти миллїоновъ жителей едва считается на островѣ два миллїона. — Сицилїя производитъ оливы, винныя ягоды, померанцы, лимоны и проч. Юлїй Цезарь прославилъ въ Римѣ вино Мессинское, называемое нынѣ Фарїйскимъ. Во времена Плинїя виноградные сады простирались до Таормина; въ окрестностяхъ Сиракузскихъ и теперь еще есть вино превосходное. Въ 1130 году Рожеръ привезъ въ Сицилїю шелковичныя деревья. Хотя Пїемонтъ и Тоскана производятъ большее количество шелку; однакожь и Сицилїя онымъ изобилуетъ, такъ что Англичане ежегодно вывозятъ его множество для своихъ фабрикъ. На берегахъ полуденныхъ растетъ сахарной тростникъ, но жители не умѣютъ дѣлать сахаръ. Прозерпина и теперь еще могла бы рвать прекрасные цвѣты на Эннской долинѣ; Пиндаръ и Ѳеокритъ и теперь еще могли бы воспѣвать стада, пасущїяся

на поляхъ Сицилїйскихъ. Пчелы на горѣ Гиблѣ и нынѣ еще сосутъ влагу изъ чабера, которой сообщаетъ меду прїятной запахъ. Въ лѣсахъ растутъ не только пальмы съ финиками, но даже и тѣ деревья, которыя производятъ зерна кофейныя, привозимыя въ Европу изъ Аравїи. Нѣтъ ни малаго сомнѣнїя, что можно бы разводить въ Сицилїи достаточное количество сахару и кофе, и что Королевство Неаполитанское не имѣло бы нужды въ привозимыхъ изъ за границы сихъ произведенїяхъ. Горы въ Сицилїи изобилуютъ мраморомъ, алебастромъ и агатомъ отличной доброты. Окружающее море служитъ источникомъ богатства для сего счастливаго острова. — Г. Скрозани, уроженецъ Сицилїйскїй, увѣряетъ, что отечество его, даже при нынѣшнемъ своемъ состоянїи, можетъ ежегодно продавать собственныхъ произведенїй болѣе нежели на 25,000,000 франковъ, а именно: хлѣба на 9,000,000, шелку на 4,000,000, плодовъ на 1,800,000, масла на 2,000,000, и вина на 9,000,000 франковъ. — Ежели торговля Сицилїйская обезпечена будетъ отъ нападенїя Варварїйцовъ, то легко можетъ придти въ прежнее свое цвѣтущее состоянїе; тогда оживутъ художества, промышленность и земледѣлїе; тогда жители не захотятъ уже быть факторами своихъ сосѣдовъ, но сами станутъ для себя работать и отправлять торговлю.

Богатства ихъ опять могутъ сдѣлаться предметомъ зависти и опаснымъ подводнымъ камнемъ для новой Карѳагены.

V.

Дѣла Парламентскія.

Въ Верхнемъ Парламентѣ, при засѣданіи 16 Мая, Лордъ Гренвиль предложилъ о прочтеніи въ третій разъ биля относительно ограниченія торгу невольниками.

Герцогъ Кларенсъ сказалъ: „Почитаю долгомъ своимъ желать, чтобы предложеніе о запрещеніи вывозить Негровъ въ неутральныя колоніи было оставлено безъ вниманія. Этотъ биль нанесетъ намъ страшной убытокъ. Теперь у насъ 152 корабля употреблены для торгу невольниками; если положить на каждомъ кораблѣ, круглымъ числомъ, по двѣсти сороку человѣкъ; то выходитъ, что 5000 нашихъ матросовъ заняты для сей торговли. Чрезъ то 2,000,000 фунтовъ стерлинговъ имѣютъ обращеніе, и продается Англійскихъ издѣлій на 3,000,000 посредствомъ вымѣна. Изъ 38,000 невольниковъ, ежегодно вывозимыхъ на Англійскихъ корабляхъ, 22,000 отправляются въ неутральныя колоніи. Что послѣдуетъ, когда вдругъ прекратится столь важная торговля? Оставляю Парламенту произнести рѣшеніе.“

Герцогъ Глучестеръ объявилъ, что одобряетъ биль, подающій надежду къ совершенному уничтоженію торга невольниками.

Лордъ Гренвиль сказалъ: „Радуюсь, что человѣчество нашло себѣ защитника въ знаменитой особѣ! Я увѣренъ, что мы не усомнимся, какую принять надлежитъ сторону — справедливости или разбойничества, корысти или человѣколюбія, купеческой разсчетливости или кровопролитія. Торговля, которая симъ билемъ будетъ у насъ уничтожена, не можетъ занимать собою другихъ народовъ. Французы, Испанцы и Голландцы не могутъ въ военное время отправлять ее. Да и въ мирныя времена — ручаюсь въ томъ — они не имѣли склонности къ сей торговлѣ, ибо всегда къ намъ прибѣгали. Уже въ другой разъ уничтоженъ торгъ невольниками во всей Америкѣ, кромѣ Каролины, гдѣ оной также прекратится въ 1808 году. Данія запретила сей торгъ; Швеція показала, что хочетъ слѣдовать ея примѣру. Прилично ли намъ упрямиться?“ —

Послѣ продолжительныхъ споровъ мнѣніе Герцога Кларенса отвергнуто большинствомъ 43 голосовъ противъ 18. Биль прочитанъ.

IV.

Извѣстія и замѣтанія.

Въ придворномъ Французскомъ Календарѣ нынѣшняго года фамилія Г-на Бонапарте помѣщена въ слѣдующемъ порядкѣ: „Наполеонъ, Императоръ Французовъ, женатъ на Іозефинѣ. Евгеній Наполеонъ (смотри Итал. Королевство). Стефанія-Адріянна-Лудовика-Наполеона (см. Курф. Баден). Іосифъ-Наполеонъ, братъ Императора, Великій Избиратель (см. Неаполь). Лудовикъ-Наполеонъ, братъ Императора, Коннетабль Имперіи, женатъ на Гортенсіи-Евгеніи; родился 10 Апрѣля 1783 года; у нихъ дѣти: Наполеонъ-Карлъ и Наполеонъ-Лудовикъ. Елиза, сестра Императора (см. Лукка и Піомбино). Марія-Павлина, сестра Императора (см. Гвасталла). Аннонсіяда-Каролина, сестра Императора (см. Клев. Герц.). Г-жа Марія-Летиція, мать Императора, родилась 24 Августа 1750.“ — Потомъ слѣдуютъ разныя Государства Европейскія. Подъ Римомъ стоитъ имя Папы VII, а подъ Неаполемъ Іосифа-Наполеона, названнаго Королемъ Неаполитанскимъ и Сицилійскимъ, которой женатъ на Маріи-Юліи; отъ сего супружества родились Каролина-Зенаида и Каролина. Также помѣщены особо Герцогство Клевское и Бергское, Республика Рагузинская, Швейцарія, Княжество Нёвшатель

и Республика Валезская. Подъ статьею: Голландская Республика, постановлено для виду имя Ратпенсїонера.

Это послѣдняя почесть, которую Бонапарте оказалъ Г-ну Шиммельпеннику. Уже извѣстно, что сей Начальникъ Республики сложилъ съ себя званїе, и въ скоромъ времени отправится на житье въ свои помѣстья, лежащїя въ Оберъ-Исселѣ. Не даромъ Бонапарте въ Конституцїи включилъ статью, по силѣ коей Ратпенсїонеръ имѣетъ право отказаться отъ своего сана. Г. Шиммельпенникъ въ письмѣ своемъ, поданномъ Собранїю Ихъ Высокомочїй, пишетъ, что слабое здоровье, и особливо глазная болѣзнь, препятствуетъ ему долѣе управлять Республикою. Въ самую пору! неопытный наблюдатель подумаетъ, что обстоятельства стеклись сами собою, и что Лудовикъ Бонапарте принимаетъ кормило правленїя изъ жалости къ разстроенному положенїю бѣдной Голландїи! — Президентъ Собранїя Фоссъ Ванъ Стеенвикъ принялъ на себя званїе временнаго Ратпенсїонера, до прибытїя Лудовика Бонапарте, которой уже провозглашенъ Королемъ Голландскимъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ обнародованїя новой Конституцїи; между тѣмъ нѣсколько статей изъ нее уже напечатано въ Вѣдомостяхъ. Выписываемъ: „Корона есть наслѣдственная

въ мужескомъ колѣнѣ; женской полъ не будетъ царствовать. Вдовствующая Королева будетъ правительницею малолѣтнаго Короля. Если наслѣдство въ мужескомъ колѣнѣ пресѣчется, Императоръ Французскій дастъ Короля изъ своего Дома, или наименуетъ въ сіе достоинство одного изъ природныхъ гражданъ. — Король получитъ недвижимое имѣніе, приносящее годоваго доходу 500,000 Голландскихъ гульденовъ. На жалованье гражданскимъ Чиновникамъ полагается 1,500,000. Король будетъ имѣть свое пребываніе въ Гагѣ. Всѣ Чиновники должны быть природные граждане, кромѣ придворныхъ. Языкъ, вѣра, обычаи и законы останутся въ нынѣшнемъ состояніи. — Король будетъ имѣть ту же власть, какую Ратпенсіонеръ, относительно назначенія Чиновниковъ. Законодательный Корпусъ долженъ состоять изъ 38 Членовъ, въ числѣ которыхъ семнадцать будутъ избираемы изъ одного Голландскаго Департамента. Сей Корпусъ получитъ безсмѣннаго Президента. Нынѣшніе Члены останутся на своихъ мѣстахъ. Государственный Совѣтъ долженъ состоять изъ 8 особъ; въ немъ будутъ засѣдать Министры. — Долги Государственные принимаются. Между Франціею и Голландіею заключенъ будетъ договоръ торговой.“ — Бросимъ на удачу еще нѣсколько извѣстій, или лучше сказать догадокъ;

помѣщенныхъ въ иностранныхъ газетахъ. Коронованію Лудовика Бонапарте назначено быть въ Амстердамѣ. Іоакимъ Мюра уступитъ свои области новому Королю, а самъ получитъ Швейцарію и титло Королевское. Адмиралъ Веріель въ качествѣ Вице-Короля будетъ управлять Голландіею въ отсутствіе Лудовика. — Въ другое время читатели нашедши въ Журналѣ столько невѣроятныхъ странностей, могли бы сказать: „какой вздоръ! какъ на это положиться?“ Но теперь, къ несчастію, много страннаго сбывается на самомъ дѣлѣ. Нынѣ Журналисты не боятся упрековъ въ излишнемъ легковѣріи, и смѣло выписываютъ одинъ у другаго извѣстія и догадки, изъ которыхъ большая часть оправдывается событіями.

*

Вся надежда на возстановленіе мира между Англіею и Франціею изчезла. Увѣряютъ, что Англія отказалась вступать въ переговоры безъ участія могущественной своей Союзницы. Чего ожидать отъ мирныхъ предложеній властолюбиваго Наполеона, которой на первой случай требовалъ, чтобъ Англія уменьшила число своихъ флотовъ, между тѣмъ какъ самъ безпрестанно умножаетъ войска свои и порабощаетъ независимыя Государства?

Надѣялись также, что несогласія между Англїею и Пруссїею будутъ прекращены миролюбно; однакожь и это не исполнилось. Его Величество Король Георгъ повелѣлъ выдать билеты для перехватыванія всѣхъ кораблей Прусскихъ и тѣхъ, которые принадлежатъ городамъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Пруссіи.

Крѣпость Каттаро до сихъ поръ еще не отдана Австрїйцамъ. Кажется, что дѣла принимаютъ другой видъ, вопреки слухамъ, которые не задолго передъ симъ носились, и были повторяемы въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ. Впрочемъ, дальнѣйшихъ объясненїй по сему предмету надлежитъ ожидать отъ времени.

Кардиналъ Фешъ, дядя Г-на Бонапарте, наименованъ Коадьюторомъ и Преемникомъ Курфирста Архиканцлера Нѣмецкой Имперїи. Слѣдующее объявленїе подано Имперскому Сейму, за подписанїемъ Курфиршескаго Министра Барона Альбини:

„Господа! Постановленїя Депутацїи, въ 1803 году послѣ опустошительной войны сдѣланныя въ качествѣ коренныхъ законовъ Имперїи, подавали надежду Германїи, что исполненїе оныхъ утвердитъ порядокъ и спокойствїе въ Нѣмецкой Имперїи, соединитъ

всѣхъ Членовъ новымъ союзомъ, и обезпечитъ главнѣйшія части Конституціи. Новыя войны, въ которыхъ Имперія не принимала никакого участія, но для которыхъ принуждена была служить театромъ, не только удалили сію надежду, но еще болѣе заставили безпокоиться о слѣдствіяхъ: не трудно предусмотрѣть ихъ. Сіи слѣдствія грозятъ опасностію владѣніямъ и правамъ, основаннымъ на законахъ Имперіи; онѣ заставляютъ бояться, чтобы наконецъ не осталось одной тѣни древней Нѣмецкой Конституціи.

„Его Свѣтлость Курфирстъ Архиканцлеръ, мой Всемилостивѣйшій Государь, въ качествѣ Примаса и Архіепископа Германіи; принялъ на себя всевозможныя попеченія объ утвержденіи Церкви Католической Нѣмецкой въ сходство съ коренными законами Имперіи; но еще не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи. Онъ не могъ даже установить при себѣ Капитула, и имѣлъ причины страшиться при жизни своей, а еще болѣе послѣ смерти, лишенія областей и доходовъ, которые предоставлены ему по опредѣленію Депутаціи.

„Достигши до 63 года своей жизни по пути заботъ и затрудненій, онъ не могъ долѣе откладывать назначенія себѣ помощника въ правленіи, Коадъютора и Преемника, которой при душевныхъ и тѣлесныхъ

силахъ пользовался бы уваженіемъ къ своей особѣ, и имѣлъ бы сильнаго покровителя для защищенія своихъ правъ и преимуществъ; для удобнѣйшаго отправленія дѣлъ по своему званію, и для обезпеченія, послѣ своей кончины, цѣлости и ненарушимости Нѣмецкой Конституціи.

„Руководствуясь сими важными причинами, Его Курфиршеская Свѣтлость думаетъ, что для совершенія своего намѣренія не можно избрать особу достойнѣе Его Преосвященства Г-на Кардинала Феша, котораго предки еще въ 15 и 16 столѣтіяхъ отличались въ Нѣмецкой службѣ, — которой теперь находится въ силѣ своего возраста, — которой причтенъ къ сословію Кардиналовъ Святаго Престола, — и которой соединяетъ въ себѣ всѣ высокія качества, необходимыя для столь знаменитой степени.

„Вотъ особа, которую Его Свѣтлость испросилъ отъ Его Святѣйшества себѣ въ Коадъюторы и Преемники. Уже увѣдомленъ о семъ и Е. В. Нѣмецкій Императоръ, которой въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ безъ сомнѣнія одобритъ такой благоразумной выборъ. Е. С. препоручилъ мнѣ сообщить вамъ, Господа, о семъ важномъ дѣлѣ, и просить, чтобы вы извѣстили о немъ своихъ вѣрителей. Имѣю честь и проч.“

Таково положеніе Германіи! Наполеонъ Бонапарте, явный непріятель всѣхъ наро-

довъ, а особливо сосѣдовъ своихъ и союзниковъ, назначилъ дядю своего помощникомъ Курфирста-Архиканцлера, которой не замедлитъ, подобно Ратъ-Пенсїонеру Шиммельпеннику, сложить съ себя достоинство, чтобъ поскорѣе очистить мѣсто для Кардинала Феша.

❖

Главная квартира Сербовъ теперь находится въ Семендрїи, откуда снабжаютъ оружїемъ и съѣстными припасами войска, стоящїя при рѣкѣ Дринѣ и мѣстахъ окрестныхъ. Мятежники въ сей сторонѣ гораздо сильнѣе своихъ непрїятелей, и занимаютъ весьма выгодныя положенїя. Начальники Сербскїе увѣряютъ, что для нихъ не страшна въ сихъ мѣстахъ даже шестидесятитысячная армїя, и что съ сей стороны непрїятелю не возможно пробиться во внутренность Сербїи. — Турки въ легкихъ стычкахъ съ мятежниками обыкновенно проигрываютъ. До сихъ поръ еще не произведены въ дѣйство рѣшительныя мѣры. Черной Георгъ наблюдаетъ строжайшую дисциплину въ войскѣ. Недавно, во время бытности своей въ Ушицѣ, онъ приказалъ разстрѣлять трехъ Офицеровъ. Каждой начальникъ долженъ безотлучно находиться при своемъ мѣстѣ. Сербы надѣются въ скоромъ времени получить 40,000 человѣкъ вспомогательныхъ войскъ, состоящихъ изъ

Боснійцовъ и Черногорцовъ. Судя по расположенію обстоятельствъ, надобно думать, что Бѣлградъ будетъ занятъ Сербскими войсками.

*

Изъ Венеціи пишутъ, что морская торговля сего города, равно Тріеста и другихъ портовъ Адріятическаго моря, совершенно остановилась, потому что корабли Россійскіе и Англійскіе не дозволяютъ никому появляться на морѣ. Венеціяне теперь принуждены перечитывать старыя Газеты и Журналы; ибо отъ правительства дано повелѣніе Почтъ-амту не раздавать никакихъ листковъ заграничныхъ. — Хотя Г. Богарне возобновилъ нѣкоторыя старинныя обыкновенія, однакожь народъ весьма не доволенъ новымъ правительствомъ. Бездѣйствіе торговли, рекрутскіе наборы, налоги на движимое имѣніе, и тому подобныя тягости, приводятъ въ крайнее уныніе людей, которые и безъ того уже были несчастны, лишась своей независимости, а нынѣ сдѣлались еще несчастнѣе, принуждены будучи платить въ казну съ доходовъ своихъ по 50 процентовъ!

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ, 1806.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О мавзолеяхъ.

Въ нашихъ мавзолеяхъ нѣтъ ничего древняго, кромѣ одного имени; нѣтъ никакого сходства между ними и памятникомъ Царя Галикарнасскаго Мавзола, — памятникомъ, прославленнымъ супружескою любовію, украшеннымъ всѣми богатствами искусства знаменитѣйшихъ художниковъ, и заслужившимъ стоять на ряду между чудесами древняго міра. Теперь ниже слѣдовъ его не осталось; мы не знали бы даже, былъ ли онъ на свѣтѣ, если бы Плиній не написалъ о немъ нѣсколько строчекъ, и если бы прихотливое обыкновеніе не сдѣлало имени его общимъ названіемъ.

Судьба своенравна; она раздаетъ немногимъ жребій славы, для которой честолюбіе

всѣмъ жертвуетъ. Цари Египетскіе оставили по себѣ гробницы для потомства, — и имена ихъ забыты: незнатной Царь Карійскій (Плиній называетъ его царькомъ, regulus) пережилъ свою гробницу, и его имя служитъ общимъ названіемъ памятниковъ надгробныхъ, сооружаемыхъ людьми для сбереженія своего праха, и для напоминанія о себѣ потомкамъ!

Несходство между нашими мавзолеями и древними происходитъ отъ различія мнѣній и обычаевъ, относительно сохраненія физическаго существа нашего. Нѣтъ сомнѣнія, что въ древнія времена благочестивое обыкновеніе, воздвигать гробницы и предохранять тѣла умершихъ отъ истлѣнія, основано было на увѣренности въ воскресеніи для начатія новой тѣлесной жизни. Очень сомнительно; чтобы безъ сей увѣренности, безъ надежды вступить на поприще новой жизни, люди захотѣли расточать сокровища единственно для сохраненія по себѣ имени. Обыкновенныя статуи и памятники могли бы удовлетворить желаніе того безсмертія, какого людямъ сродно ожидать отъ искуственныхъ произведеній.

Такъ! религія только могла ввести въ обыкновеніе у древнихъ сооружать вѣковыя гробницы и мавзолеи. Любовь ко славѣ, ка-

жется, была второю побудительною причиною. Весьма вѣроятно, что для удовлетворенія гордости нашли бы способъ воздвигать памятники инымъ образомъ. — Желаніе, съ возможнѣйшимъ тщаніемъ сберегать тѣла умершихъ, точно было главною причиною сооружать мавзолеи.

Оттуда произошло въ Египтѣ обыкновеніе намащать трупы, — оттуда стараніе скрывать самыя могилы, — оттуда сіи неприступныя твердыни, которыя до нынѣ противятся разрушенію. Подъ каменными ихъ горами и теперь еще, по прошествіи нѣсколькихъ тысящелѣтій, лежатъ муміи Царей Египетскихъ. Пирамиды сдѣланы очень искусно; покушеніе разрушить нѣкоторыя изъ сихъ памятниковъ стоило такого труда, что надлежало отказаться отъ принятаго намѣренія, и оставить ихъ въ прежнемъ состояніи. Корыстолюбіе искало сокровищь, и обманулось въ своей надеждѣ; любопытство могло бы теперь возобновить покушенія свои проникнуть въ сіи таинственныя святилища, но кажется едва ли нашло бы тамъ что-нибудь для своего удовлетворенія.

Можно сказать утвердительно, что въ пирамидахъ не заключены ни сокровища, ни драгоцѣнныя рѣдкости; иначе, это было бы

противно политикѣ, и служило бы поводомъ къ разрушенію огромныхъ памятниковъ. Нѣтъ, древніе не думали искать тамъ сокровищъ; увѣренность, что во гробахъ покойниковъ сокрыты драгоцѣнности, разпространилась между грубыми Аравитянами и новѣйшими жителями Египта. Теперь, кажется, и они вышли изъ заблужденія; ибо испытано на дѣлѣ, что издержки, потребныя для разрушенія пирамиды, весьма велики, и что было бы очень глупо жертвовать наличными деньгами для полученія мнимыхъ сокровищъ.

Вѣроятно, пирамиды простоятъ еще очень долго, и будутъ служить часъ отъ часу вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, что пирамидальная форма надгробныхъ памятниковъ есть самая прочная, болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствующая своему назначенію.

Греки и Римляне давали, хотя и не всегда, такую же форму своимъ памятникамъ. Славный въ древности мавзолей надъ Царемъ Галикарнасскимъ имѣлъ верхъ пирамидальный. Въ Агригентѣ и теперь стоитъ памятникъ подобной фигуры; въ Римѣ показываютъ пирамиду Цестіеву. Но такая простая форма пріятна болѣе для ума, нежели для вкуса. Пылкіе Греки не могли полюбить такого зданія, которое нравилось только уму. Въ искуственныхъ произведе-

ніяхъ надлежитъ соединять богатство изобрѣтающаго генія съ основательностію разсудка: въ томъ состоитъ совершенство. Греки во всѣхъ своихъ произведеніяхъ умѣли соединять сіи свойства, повидимому несовмѣстныя; за то они почитаются законодателями человѣческаго рода во всѣхъ искуствахъ.

Римляне, которые всѣмъ, или почти всѣмъ зодчествомъ своимъ обязаны Грекамъ, также умѣли въ построеніи гробницъ соединять удивительную прочность съ роскошнымъ разнообразіемъ: мавзолеи Августа и Адріяна, мало чѣмъ уступающіе въ огромности Египетскимъ пирамидамъ, стоили великихъ издержекъ.

Римскія гробницы, въ разсужденіи прочности, считаются первыми зданіями послѣ пирамидъ Египетскихъ. Толщина стѣнъ ихъ чрезвычайна; величина камней также. Причина столь удивительной прочности можетъ быть объяснена мнѣніями и обычаями, о которыхъ упомянуто выше. Мавзолей Адріяновъ, имѣющій въ поперечникѣ около трехъ сотъ футовъ, представляетъ груду каменную, почти совершенно плотную, съ немногими сквозными отверстіями, погребами и круглою лѣстницею. Гробница Мешеллы, сохранившаяся

почти неповрежденною до нашего времени, сооружена въ видѣ круглой башни, имѣющей восемдесять футовъ въ поперечникѣ; стѣны ея толщиною въ тридцать футовъ: слѣдственно пустота зданія къ полнотѣ содержится какъ 1 къ 4.

И такъ не льзя сомнѣваться, что и Римляне строили неразрушимые мавзолеи для той же причины, для какой Египтяне, а именно для сбереженія тѣлеснаго своего состава. Въ Египтѣ законы духовные и гражданскіе охраняли цѣлость гробницъ, и преслѣдовали нарушителей.

Думали, что по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ тѣла умершихъ оживутъ для новаго бытія; отъ того мавзолеи почитались домами, назначаемыми для пребыванія покойниковъ; по той же причинѣ оные созидаемы были прочнѣе, нежели домы для живыхъ людей. Діодоръ Сицилійскій пишетъ, что Цари Египетскіе почитали свои чертоги гостинницами, а гробницы чертогами.

Догматы Христіянской Религіи, относительно пребыванія тѣлъ по смерти и воскресенія, не требуютъ, чтобы трупы съ такимъ суевѣрнымъ тщаніемъ были сберегаемы. Сія Религія отдаетъ почести умершимъ, и дозволяетъ имѣть попеченіе о со-

храненіи тѣлъ; но тому есть другія причины. Она повелѣваетъ уважать остатки человѣка, какъ члена Христіянскаго общества; ибо тѣло покойника силою таинствъ соединено съ тѣломъ Главы и Основателя Церкви. Съ начала обрядъ погребенія былъ не что иное, какъ послѣднее освященіе, совершаемое надъ умершимъ; вѣрныхъ, и по смерти ихъ, отдаляли отъ невѣрныхъ, съ которыми они не имѣли сообщенія, живучи въ мірѣ. На семъ мнѣніи основанъ обрядъ отдавать почести умершимъ. Религія Христіянская, принявъ подъ кровъ свой человѣка отъ матерней утробы, провождаетъ его даже за могилу. Въ прочемъ, догматъ о воскресеніи не имѣлъ и не имѣетъ никакого вліянія на сооруженіе надгробныхъ памятниковъ. Мы вѣруемъ, что Богъ, устроившій вещество, по волѣ Своей можетъ разрушить оное; при помышленіи о безпредѣльномъ всемогуществѣ Божіемъ всѣ старанія древнихъ о сбереженіи труповъ кажутся смѣшными и нелѣпыми.

Сходство обыкновеній Христіянскихъ съ языческими, относительно къ сооруженію гробницъ, единственно происходитъ у насъ отъ любви къ умершимъ, отъ чувствительности душъ нѣжныхъ, отъ естественнаго побужденія, которому Религія не во всемъ противится.

Различія во мнѣніяхъ, въ разсужденіи почитанія умершихъ, сохраненія тѣлъ ихъ, и будущей жизни, производятъ разность между Христіянскими гробницами и языческими.

Христіянскій мавзолей не есть зданіе, назначенное для сбереженія трупа; но памятникъ, сооруженный для напоминанія. У насъ погребаютъ мертвыхъ на кладбищахъ, или при церквахъ; слѣдственно не гдѣ строить огромныхъ мавзолеевъ, которые часто ставятся не на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ прахъ покойника, и которыхъ главное назначеніе состоитъ въ напоминаніи объ умершемъ и въ сохраненіи имени его, но не тѣла.

У древнихъ зодчество трудилось надъ сооруженіемъ надгробныхъ памятниковъ; въ новѣйшія времена сія работа почти исключительно досталась въ удѣлъ художеству ваятельному.

Изъ того слѣдуетъ, что характеръ нынѣшнихъ мавзолеевъ не находитъ себѣ образца между древними, въ разсужденіи искусства; ибо изваянные саркофаги, или украшенные оборонною работою гробы, въ которыхъ тѣла умершихъ выставлялись въ храминахъ погребальныхъ, не имѣютъ никакого отношенія ни къ нашей вѣрѣ, ни къ обыкновеніямъ. Думаютъ даже, что вырѣзанные

на гробахъ предметы не всегда приличествовали лежавшимъ въ нихъ покойникамъ. Хотя можно догадываться, что начертанія разныхъ таинствъ означаютъ посвященіе умершаго; хотя стараются открыть другія отношенія сего рода между склонностями, званіемъ, мнѣніями покойника и знаками, изображенными на урнахъ: однакожь всего вѣроятнѣе, что отъ случая зависѣлъ выборъ предметовъ. Ибо извѣстно, что сіи изваянные саркофаги приготовляемы были заблаговременно, и что художники сами не вѣдали, для кого ихъ дѣлали.

Рѣзная работа на гробницахъ у древнихъ не соотвѣтствуетъ понятіямъ и обычаямъ Христіянскимъ ни выборомъ предметовъ, ни ихъ расположеніемъ. Древніе всемѣрно старались избѣгать напоминаній о смерти и въ разговорахъ и въ искусственныхъ представленіяхъ; иногда они образомъ Сна давали знать о томъ, чего не смѣли начертать въ настоящемъ видѣ.

Можетъ быть пестрота нашихъ мавзолеевъ происходитъ отъ того, что мы не имѣемъ древнихъ образцовъ. Въ славнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, ничего сдѣланнаго по явной необходимости; догматы вѣры (сказано выше, что вѣра Христіянская дозволяетъ сооружать

гробницы, не требуя того рѣшительно) не входятъ въ планы нашихъ художниковъ. Мы не имѣемъ въ семъ родѣ, такъ называемаго, главнаго образца (type), или по-крайней мѣрѣ сей образецъ измѣнялся по мѣрѣ продолженія времени.

Въ средніе вѣки, то есть въ вѣки невѣжества, образецъ мавзолеевъ былъ весьма простъ; тогда обыкновенно представляли мертваго лежащимъ на спинѣ, сложа руки, — представляли въ такомъ положеніи, въ какомъ покойникъ лежалъ до погребенія, или въ какомъ воображали его лежащимъ во гробѣ. Таковы были всѣ памятники готическіе, находившіеся въ Аббатствѣ Св. Дениса и въ каѳедральныхъ Французскихъ Соборахъ; таковы находящіеся теперь въ подземельяхъ Святаго Петра, перенесенные туда изъ древней Соборной церкви.

По возрожденіи искуствъ охота воздвигать памятники получила болѣе дѣятельности; они сдѣлались предметомъ честолюбія вельможъ и соревнованія между художниками.

Первое въ семъ родѣ произведеніе — которое огромностію превосходило бы всѣ прочія, если бъ планъ художника не остался безъ дѣйствія — былъ памятникъ, на-

чертанный Микель-Анжеломъ для Юлія II; художникъ сдѣлалъ нѣсколько статуй, представляющихъ Папу, но только одна изъ нихъ докончана славнымъ Моисеемъ, и служитъ нынѣ главнымъ украшеніемъ сдѣланнаго въ маломъ видѣ мавзолея для сего Папы въ церкви Св. Петра in Vincoli. Вазари сохранилъ намъ начертаніе цѣлаго памятника. Но можно ли по первому рисунку, столь несовершенному, угадывать намѣреніе изобрѣтателя, и производить такую важную работу? Я скажу только, что сей единственный памятникъ, составленный изъ ваянія и зодчества, служилъ образцемъ для искусныхъ художниковъ XVI вѣка, которые въ церкви Св. Дениса сдѣлали мавзолеи Лудовика XII, Франциска I и Генриха II.

Микель-Анжело для памятниковъ, сооруженныхъ надъ Медицисами, выдумалъ другой образецъ, которому долгое время подражали художники. Каждой изъ сихъ памятниковъ представляетъ сидящую статую покойника съ двумя аллегорическими лицами, помѣщенными на гробѣ; однѣ имѣютъ наружность пріятную, другія нѣсколько принужденную.

Гильйомъ де ла Портъ съ великимъ успѣхомъ слѣдовалъ сему образцу при сооруженіи мавзолея Папѣ Павлу III въ церкви

Св. Петра. Такого жь рода почти всѣ памятники, украшающіе сію великолѣпную церковь; они величественны, и имѣютъ передъ другими то преимущество, что соотвѣтствуютъ архитектурѣ храма. Ваятельное искуство не выходитъ изъ своихъ предѣловъ; никакія постороннія прикрасы не портятъ симетріи мѣста, на которомъ воздвигнуты мавзолеи.

Когда надлежало сооружить мавзолей Папѣ Александру VII надъ входомъ въ древнюю ризницу въ церкви Св. Петра, Бернини воспользовался случаемъ, и для большаго дѣйствія помѣстилъ дверь сію въ своемъ планѣ. Онъ закрылъ входъ завѣсою, и представилъ Смерть въ видѣ остова, поднимающую одною рукою завѣсу, другою подающую Папѣ водяные часы, показывая, что приближилея конецъ его жизни. Сіе живописное изобрѣтеніе въ скульптурѣ имѣло желаемой успѣхъ, какъ по новости своей, такъ и по славному имени художника, которой умѣлъ давать отличной характеръ всѣмъ своимъ произведеніямъ. Бернини принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые богатствомъ генія и оригинальностію дѣйствовали на умы своихъ современниковъ. Сей знаменитый художникъ сообщилъ ваятельному искуству то, что принадлежало одной живописи — смѣлость, легкость, разнообразіе, контрасты.

До тѣхъ поръ надгробная скульптура не выходила еще изъ предѣловъ умѣренности и приличій. Но спустя нѣсколько времени, простыя системы сіи начали казаться незамысловатыми, холодными и скучными. Вольность живописная введена въ скульптуру; каждой выдумывалъ новые планы. Такимъ образомъ произошли мавзолеи драматическіе.

Каждому захотѣлось отличаться новостями. Начали представлять лица дѣйствующими. Призваны въ помощь всѣ очаровательныя прелести искуства — облака, уборы, и проч. Выставили на сцену мертвыхъ, умирающихъ, Время, остовы косою вооруженные; развалившіяся гробницы, воскресеніе, похищеніе, и такъ далѣе. Мавзолеи сдѣлались поэмами, театральными явленіями, картинами.

Изъ числа многихъ новыхъ изобрѣтеній, надъ которыми потѣли художники въ продолженіе цѣлаго столѣтія, едва ли найдется два или три замысловатыхъ, трогательныхъ, извиняющихъ дерзость скульптуры, выступившей за предѣлы, для нее назначенные. Непріятно смотрѣть на живописной обманъ, самъ себя обнаруживающій, на аллегорическія выдумки, на пиѳическія фигуры, которыя въ представ-

ленїи портятъ и подлинный смыслъ и переносный; несравненно болѣе плѣняютъ спокойная красота, кроткая прелесть, выраженїе истины: онѣ въ простой статуѣ тѣмъ болѣе трогаютъ насъ, чѣмъ менѣе примѣтны усилїя художника.

Всего несноснѣе въ сихъ драматическихъ расположенїяхъ то, что ваятель думалъ обойтись безъ помощи наукъ отвлеченныхъ; и что знатокъ во всѣхъ сихъ произведенїяхъ находитъ погрѣшности противъ коренныхъ правилъ ваятельнаго искусства. За то онѣ почти всѣ забыты, или почитаются достойными забвенїя.

Изъ многихъ мавзолеевъ, сооруженныхъ въ Вестминстерѣ, ни одинъ васъ не остановитъ, ни одинъ не останется у васъ въ памятї, кромѣ статуи Шакеспировой и, можетъ быть, нѣкоторыхъ изъ числа поставленныхъ въ послѣднїя тридцать лѣтъ.

Многїя изъ нашихъ церквей прежде были обезображены живописными изобрѣтенїями уборовъ, пирамидъ, кипарисовъ, пламенниковъ, символическихъ знаковъ надгробныхъ. Памятники — которые могли бы прилично украшать стѣны въ нашихъ храмахъ и часовняхъ, еслибъ соотвѣтствовали архитектурѣ — разставлены были въ безпорядкѣ,

заслоняли собою части архитектурныя, и не рѣдко занимали ихъ мѣста.

Дурной и странной вкусъ изобрѣтеній въ мавзолеяхъ заставлялъ наконецъ жалѣть о грубыхъ памятникахъ готическихъ, которые не говорятъ ничего уму, но за то не говорятъ ему ничего ложнаго, — не трогаютъ, но и не прозводятъ отвращенія, — въ нихъ нѣтъ искуства, но нѣтъ и того, что противно искуству.

Надобно признаться, что образецъ (type) готическихъ памятниковъ не важенъ, не занимателенъ, чуждъ всего, что нравится въ скульптурѣ. Но не справедливо ли и то, что образецъ драматическихъ мавзолеевъ далеко уклонился отъ истины и приличій, которыхъ никогда не должно терять изъ виду?

Дѣйствіе можетъ входить въ скульптуру; но сродно ли сему художеству представлять дѣйствія многосложныя? Мнѣ укажутъ на барельефы. Соглашаюсь; однакожь думаю, что ваятельное искуство въ семъ родѣ можетъ удобнѣе *напоминать* о дѣйствіяхъ, нежели *представлять* ихъ. Въ томъ состоитъ существенная разность, примѣчаемая между барельефами древнихъ и нашими. Художники новѣйшихъ временъ, при-

мѣняясь къ изобрѣтеніямъ и расположеніямъ живописи, захотѣли дѣлать картины изъ мрамора и бронзы, и представлять многія дѣйствія, не заботясь о томъ, что для начертанія обширнаго плана на малой поверхности необходимо нужна очаровательность красокъ, которыя чудеснымъ образомъ увеличиваютъ пространство, и безъ которыхъ не возможно изобразить отдаленности на картинѣ. Напротивъ того древніе не знали отдаленности въ барельефахъ, которые у нихъ не были картинами, но только надписями въ лицахъ, — и это сообразно свойствамъ художества, которое не должно соединять многіе предметы на одномъ мѣстѣ.

Если дѣйствіе не можетъ входить въ оборонную работу, если ваятельное искусство въ барельефахъ не можетъ дѣлать картинъ: то дозволено ли ему представлять оныя изъ отдѣленныхъ фигуръ, расположенныхъ на мѣстахъ, занятыхъ по произволу, — на мѣстахъ, на которыхъ не означено, откуда начинается картина, и гдѣ происходитъ дѣйствіе? Когда спрашивается, можетъ ли, должно ли художество дѣлать то или другое? — то сей вопросъ значитъ: „требуетъ ли того польза художества?“ то есть прибавляются ли чрезъ то средства, которыми художество плѣняетъ, — его пред-

ставленія получатъ ли отъ того большую выразительность, болѣе ли будутъ онѣ трогать, — не теряетъ ли искуство съ одной стороны болѣе, нежели сколько съ другой приобрѣтаетъ?

Вопервыхъ можно сказать, что прелесть живописи никогда не будетъ сообщена тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ скульптура тщетно старается подражать своей соперницѣ. Съ какимъ бы остроуміемъ ваятель ни расположилъ фигуры и групы въ мнимыхъ своихъ картинахъ, — никогда не будетъ между ними той гармоніи, какую видимъ въ картинахъ живописныхъ. Его фигуры, будучи отдѣлены однѣ отъ другихъ, всегда кажутся тѣмъ, чѣмъ онѣ суть въ самомъ дѣлѣ, то есть фигурами принесенными изъ другаго мѣста, и которыя опять назадъ отнести можно. Важное преимущество живописи состоитъ въ томъ, что она изображаетъ предметы выпуклыми на гладкой поверхности, въ пространствѣ обманчивомъ. Сего преимущества тамъ нѣтъ, гдѣ круглое въ самомъ дѣлѣ кругло, гдѣ нѣтъ для чувствъ обмана, которое нравится въ искуствѣ.

Далѣе можно сказать, если скульптура ограничивается подражаніемъ формѣ

предмета, достоинство ея состоитъ въ томъ, что она можетъ со строжайшею точностїю изобразить сїю форму; и что совершенство, до котораго она въ семъ достигла, есть главное преимущество ея. Живопись замѣняетъ недостатокъ въ формахъ многими другими качествами; скульптура почти ничѣмъ не можетъ замѣнить своихъ недостатковъ: слѣдственно польза сего искуства требуетъ, чтобы оно занималось такою работою, гдѣ главное достоинство состоитъ въ совершенствѣ формы, и гдѣ сїе достоинство тотчасъ представляется глазамъ зрителя. Скульптура не должна привязываться къ содержанїямъ, которыя, принадлежа къ области другаго искуства, не только не требуютъ чистоты и исправности въ формахъ, какъ главнаго достоинства, но отвлекаютъ ваятеля отъ нихъ, а зрителю препятствуютъ наслаждаться ими.

Наконецъ, разсматривая, въ чемъ состоитъ ваятельное искуство, какъ въ разсужденїи простоты способовъ, изъ которыхъ оно составлено, такъ и относительно ко впечатлѣнїямъ, производимымъ упомянутыми способами, тотчасъ видимъ, что сїе искуство, для существенной пользы своей, должно не разширяться, но стѣснять себя сколько можно болѣе, — что сила его про-

исходитъ не отъ множества предметовъ, но отъ совершенства въ отдѣлкѣ немногихъ, — что одна статуя, изваянная искуснымъ рѣзцомъ, достаточно удовлетворяетъ умъ и воображенїе зрителя, — и что одна голова своею живою выразительностїю трогаетъ болѣе, нежели цѣлая група.

Если сїи разсужденїя основательны, не менѣе справедливо и то, что художники, занимая у скульптуры украшенїя для мавзолеевъ, часто удаляются отъ истинной цѣли. Скажу рѣшительно: мавзолеи картинные и драмматическїе потому производятъ слабое впечатлѣнїе, что въ нихъ господствуютъ смѣсь и неопредѣленность, и что душа зрителя, будучи развлекаема разными искуствами, ни однимъ не наслаждается совершенно.

Сравнивши между собою всѣ славнѣйшїе памятники въ Европѣ, ихъ изобрѣтенїя и расположенїя; разсмотрѣвши окомъ критическимъ ихъ системы и отношенїя къ архитектурѣ, надобно согласиться, что мавзолеи, воздвигнутые въ Римской церкви Св. Петра, основаны на системѣ ближайшей къ ваятельному художеству; — что въ нихъ аллегорїя употреблена приличнѣе, — что планъ соотвѣтствуетъ въ нихъ важности памятниковъ, — что они не портятъ мѣстной

симетрїи, и что наконецъ служатъ украшенїемъ храма.

(*Съ Франц.*)

II.

О каталогѣ книгъ, привозимыхъ на Лейпцигскую ярмарку.

Извѣстный Академикъ Берлинскїй Ф., нѣкогда поднося Фридриху II роспись сочиненїй своихъ, сказалъ: „Voilà mes pechés! вотъ мои грѣхи!“ — Доброй человѣкъ, желая пошутить, сказалъ сущую правду, и Фридрихъ могъ бы на сїю чистосердечную исповѣдь отвѣчать: „*иди, и къ тому не согрѣшай!*“

Увидѣвъ каталогъ Лейпцигской ярмарки, я обыкновенно восклицаю: *вотъ грѣхи Германїи!* Ежегодно увеличивающаяся толщина его означаетъ неплодїе: говорятъ, что у толстыхъ людей не родятся дѣти, и что ненатурально вздувшееся брюхо есть признакъ водяной болѣзни. Нашъ Лейпцигской каталогъ, въ отношенїи къ ежегодно выходящимъ каталогамъ Англїйскимъ, Французскимъ, Италїянскимъ и Испанскимъ, есть Фараонова тощая корова, которая, сожравши семь жирныхъ, не дѣлается дороднѣе.

Мудрый Соломонъ изрекъ: грѣхъ погубляетъ человѣка. Мы можемъ также сказать: грѣхи Нѣмецкихъ Писателей суть казнь Германіи — эстетическая, умственная и нравственная.

Постараемся жь, для блага пишущихъ, печатающихъ и читающихъ, предложить здѣсь нѣкоторыя разсужденія о семъ важномъ предметѣ.

На невоздѣланной нивѣ родится множество негодной травы; отъ безпорядка во внутреннемъ управленіи происходитъ избыточество въ Авторахъ. Еслибъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ было больше мануфактуръ и фабрикъ; меньше было бы книгопродавцовъ. Еслибъ мы — подобно дѣтямъ, которыя бросаютъ покрытой ржавчиною грошъ, и хватаются за блестящій шелегъ — не привязывались болѣе къ чужестраннымъ товарамъ, нежели къ своимъ; то промышленность, торговля и земледѣліе, сіи источники государственнаго богатства, оживились бы и процвѣли; тогда многія руки взялись бы за челнокъ, за шило, за скобель, за плугъ, вмѣсто того что теперь рабочая гусиными перьями, показываютъ, что взялись не за свое дѣло.

Множество людей, какъ говорятъ, *учащихся*, то есть желающихъ доставать себѣ

хлѣбъ произведеніями головы и пера, означаетъ бѣдность тѣхъ, которые питаются трудами рукъ своихъ. Пашутъ и сѣютъ на *Парнассѣ*, потому что не имѣютъ *полей*; странствуютъ по пути *ко храму славы*, потому что *въ рабочихъ и лавкахъ* нѣтъ мѣста. Всѣ сіи *Гласы истины*, всѣ *Вздохи истины* (*), были не что иное, какъ отголоски тощаго желудка.

Другая причина Нѣмецкаго многописанія — Университеты. Въ богатой Англіи ихъ только два; напротивъ того у насъ въ Германіи на всѣхъ проѣзжихъ дорогахъ выстроены гостинницы Мудрости, въ которыхъ богиня угощаетъ полки молодыхъ странниковъ. За то уже въ Англіи прикащикъ болѣе получаетъ жалованья отъ купца, нежели у насъ отъ Владѣтельнаго Князя Профессоръ — хотя сей послѣдній долженъ образовать Совѣтниковъ и Духовниковъ для своего отечества! Сверхъ того всѣ духовные и свѣтскіе Чиновники въ Нѣмецкихъ Государствахъ получаютъ такъ мало жалованья, что по неволѣ должны приниматься за авторство. Удивительно ли, что безпрестанно читаемъ въ вѣдомостяхъ о продажѣ *Самаго лучшаго пошлино-собира-*

(*) Сочиненія, выходившія въ опасное время Французской революціи.

теля, *Самаго лучшаго писаря на заставѣ*, *Визитатора*, и тому подобныхъ сочиненій? Удивительно ли, что въ Журналахъ печатаются судебные документы, взятые изъ архива? . . . Къ чести человѣческихъ усилій должно признаться, что многіе Писатели, искавшіе ключа къ *свѣстному гулану*, нашли ключь ко *храму славы*; многіе приобрѣли безсмертіе, подвергаясь опасности умереть отъ голоду.

Нашъ достопочтенный Музеусъ — котораго *Физіогномическое путешествіе* съ удовольствіемъ будутъ читать и тогда, какъ *Черепословіе* Галлево и *Физіогномика* Лафатерова потеряютъ свою цѣну — увѣнчалъ главу свою неувядаемымъ *лавромъ*, потому что не имѣлъ ни гроша на разведеніе *овощей* въ огородѣ; онъ написалъ *Нѣмецкаго Грандиссона* единственно для того, чтобъ за вырученныя деньги купить садикъ, которой послѣ былъ для старика единственною утѣхою.

Одинъ изъ славнѣйшихъ Нѣмецкихъ Писателей произвелъ на свѣтъ много сиротокъ, а еще больше романовъ безъ имени сочинителя; теперь любимѣйшее произведеніе, писанное авторомъ для пропитанія своего семейства, употребляется на обертку въ одной богатой книжной лавкѣ.

Я зналъ въ нѣкоторомъ Нѣмецкомъ Университетѣ Профессора, у котораго было четверо дѣтей: одинъ очень рѣзвой мальчикъ; другой — шалунъ, дерзкой и необузданной; третій — угрюмой нелюдимъ; четвертой — настоящій флегматикъ. Добродушной отецъ не отчаявался видѣть нѣкогда своихъ дѣтей въ хорошемъ состояніи, и обыкновенно утѣшалъ жену, которая часто безпокоилась: „не бойся ничего, другъ мой! весельчакъ Фрицъ будетъ комическимъ стихотворцемъ и романистомъ; въ кипящей крови Рудольфа пылаютъ тирады трагическія; угрюмой Генрихъ будетъ хорошимъ педагогическимъ писателемъ; а тяжелой Павелъ обогатитъ поле словесности выборами изъ чужихъ сочиненій!“ Добрая, но малодушная мать, слыша отъ мужа о тирадахъ и выборахъ, потеряла надежду когда-либо утѣшаться благополучіемъ дѣтей своихъ.

И такъ Нѣмецкое многописаніе не что есть иное, какъ *грѣхъ*, ибо проистекаетъ изъ *грѣховныхъ* источниковъ. *Романы*, *драмы*, *педагогическія сочиненія*, *журналы* и *карманныя книжки*, большею частію наполняютъ многогрѣшныя статьи Лейпцигскаго каталога. Невѣроятное дѣло! всякой, сыгравши романъ въ своей жизни, пишетъ книгу; посмотрѣвши на представленіе странствующихъ комедіянтовъ, сочиняетъ драму; имѣя школу

въ своемъ распоряженіи, берется учить публику! Наши журналы суть не что иное, какъ кружки, которыя носятъ изъ дому въ домъ для собиранія денегъ. — Въ моемъ присутствіи человѣколюбивой Ценсоръ поправилъ десятокъ грамматическихъ ошибокъ въ объявленіи о Журналѣ, довольно извѣстномъ, которое сочинено было самимъ Издателемъ! Человѣкъ, не написавшій во всю жизнь свою ни одной стихотворной строчки, издаетъ *Календарь Музъ*! Авторъ сочиненій, которыхъ никто не читалъ, и о которыхъ никто не знаетъ, судитъ книги, и для отмщенія за свою неизвѣстность, мрачитъ имена другихъ; а молодые кандидаты авторства прославляютъ его мужемъ ученымъ, остроумнымъ, знаменитымъ!

Отъ такого множества книгъ вкусъ націи необходимо портится, разумъ читателей помрачается. Отрывки и мѣлочныя сочиненія, въ журналахъ помѣщаемыя, отнимаютъ время, которое надлежало бы употребить на чтеніе книгъ полезныхъ. Наши молодые люди, едва имѣя о вещахъ понятіе, считаютъ себя учеными мужами! невѣжды, съ календарями и журналами въ карманѣ, съ вытверженными приговорами о сочиненіяхъ на языкѣ, съ именами нечитанныхъ книгъ въ головѣ, бредятъ объ учености! *Трансцендентализмъ* и *Шеллингіанизмъ*

скрываются подъ щегольскими шапочками съ развѣвающимися перьями; уста, которымъ суждено твердить о волокитствѣ и нарядахъ, въ жаркихъ спорахъ произносятъ имена славнѣйшихъ Философовъ. Молодые мущины соблазняютъ дѣвушекъ; а дѣвушки даются въ соблазнъ, слѣдуя образцамъ, начитаннымъ въ романахъ и драмахъ. Дочь отказывается отъ руки достойнаго человѣка, сынъ не соглашается жениться на достойной дѣвицѣ; потому что женихъ и невѣста, избранные благоразумными родителями, не походятъ на идеальной образецъ, описанный въ новѣйшемъ романѣ!

У насъ *карманныя книжки* переплетены въ красивой сафьянъ — за то не имѣемъ прочныхъ кожъ для башмаковъ; славимся глубокою Метафизикою — и не имѣемъ исправныхъ фабрикъ; мы богаты романами — и терпимъ недостатокъ въ мануфактурахъ. Списокъ писателей у насъ толстѣетъ; то же дѣлается и со спискомъ о купцахъ, пришедшихъ въ несостоянїе разплачиваться съ заимодавцами. Мы пишемъ — и голодны; читаемъ — и ни чему не научаемся; таемъ отъ чувствительности — и измѣняемъ супругамъ! Скажу болѣе: велемудрїе отравляетъ насъ ядомъ; сбивчивая Философїя дѣлаетъ насъ софистами; свободныя Науки заражаютъ насъ моральными болѣзнями.

Небо! даруй намъ, вмѣсто излишняго велемудрія, болѣе благоразумія; вмѣсто исправно выходящихъ періодическихъ изданій, вѣрной доходъ съ нашихъ капиталовъ; вмѣсто свободнаго книгопечатанія, свободное плаваніе по Эльбѣ! даруй намъ благословенную жатву, и *не такъ толстые каталоги Лейпцигской ярмарки!*

(*Сокращ. пер. съ Нѣмецк.*)

III.

Краткое извѣстіе о жизни покойнаго Евгенія Булгара, Архіепископа и Кавалера.

Евгеній Архіепископъ, бывшій Славенскій и Херсонскій, Ордена Св. Александра Невскаго Кавалеръ, Членъ Санктпетербургскихъ Академіи Наукъ и Экономическаго Общества — Мужъ просіявшій Христіянскимъ благочестіемъ, Ангельскими добродѣтелями, глубокою ученостію и постояннымъ трудолюбіемъ — скончался въ Свято-Троицкой Александроневской Лаврѣ въ 27 день минувшаго Мая на *девятидесятомъ* году своего возраста. Незабвенный Іерархъ до самаго конца долголѣтной жизни своей былъ полезенъ Церкви и человѣчеству; поддерживалъ славу языка, на которомъ Димо-

сѳены, Эсхины гремѣли передъ многочисленнымъ собраніемъ просвѣщенныхъ Аѳинянъ, и Вселенскіе Учители проповѣдывали святыя истины въ первые вѣки Христіянства. ЕКАТЕРИНА Великая признала рѣдкія достоинства Евгеніевы; приняла подъ Свою защиту дарованія, заслужившія удивленіе Ученыхъ и любителей учености. Подробнѣйшее описаніе жизни и трудовъ сего Святителя оставляя почтенной Особѣ, съ успѣхомъ занимающейся сочиненіемъ новаго Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ, помѣщаемъ краткое о немъ извѣстіе. Сего требуетъ отъ насъ долгъ уваженія и признательности къ покойному, котораго ученымъ произведеніемъ украшенъ Вѣстникъ Европы (*).

Предки Евгенія были Булгары, еще до завоеванія Турками Константинополя поселившіеся на островахъ Іоническихъ. Онъ родился въ Корфу 21 Августа 1716 года — въ то время, когда Турки держали сей островъ въ тѣсной осадѣ — и нареченъ Елевѳеріемъ. Живучи съ дѣтскихъ лѣтъ въ въ домѣ родственниковъ матери своей, онъ

(*) Отвѣтъ Преосвященнаго Евгенія къ Архіепископу Станиславу Сестренцевичу, о томъ, что древніе Сарматы говорили языкомъ Славенскимъ. См. Вѣст. Евр. 1805, № 9.

научился языкамъ: Греческому древнему и новѣйшему, Италїянскому и Латинскому; потомъ проходилъ словесныя Науки, Философїю и Богословїю въ разныхъ тамошнихъ школахъ. Въ 1739 году вступилъ въ чинъ монашескїй, и посвященъ во Іеродїакона. Въ 1740 году переѣхалъ въ Венецїю, обучался Математическимъ наукамъ у славившагося тогда Іосифа Сукчїя. Венецїянскїе Греки избрали его Катихизаторомъ и Проповѣдникомъ къ своей церкви Св. Георгїя Побѣдоносца. Съ 1742 года находился въ Епирскомъ главномъ городѣ Яннинѣ Ректоромъ Гимназїи, заведенной тамъ фамилїею Маруццїевъ, и училъ юношество Философскимъ, Математическимъ и Богословскимъ наукамъ до 1753 года. Въ сїе время Патрїархъ Кириллъ призвалъ Евгенїя въ Константинополь, и опредѣлилъ Ректоромъ училищь въ Ватопадскую Лавру, гдѣ онъ находился пять лѣтъ. Въ 1760 году опять онъ приѣхалъ въ Константинополь; Патрїархъ Серафимъ опредѣлилъ его Ректоромъ своей Гимназїи, съ обыкновеннымъ титломъ *Вселенскаго Учителя и Начальника Философовъ.* Неблагопрїятныя обстоятельства, случившїяся съ Патрїархомъ, заставили Евгенїя выѣхать изъ Константинополя. Съ 1763 года онъ жилъ въ Лейпцигѣ семь лѣтъ; между тѣмъ посѣщалъ Гальскїй и Геттингенскїй Университеты для свиданїя съ та-

мошними Учеными, изъ которыхъ со многими, а особливо съ Лейпцигскими, и послѣ велъ дружескую переписку. Патріархъ Самуилъ въ 1767 году прислалъ ему грамату на титло Референдарія Вселенскаго Апостольскаго Престола Константинопольскаго. Въ то же время Евгеній перевелъ *Наказъ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія* съ Французскаго языка (которому научился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ) на Греческій, посвятилъ труды свои Августѣйшей Сочинительницѣ, и изъявилъ желаніе быть въ Ея подданствѣ. Великая Монархиня, уважая извѣстную ученость Іеродіакона Евгенія, пожаловала ему 1000 рублей на проѣздъ въ Россію; по прибытіи его въ С. Петербургъ повелѣла отпускать по 1500 рублей годоваго жалованья, дозволила ему являться во Дворцѣ, и часто удостоивала его благосклоннымъ собесѣдованіемъ. Въ 1775 году, Императрица отправляясь въ Москву для торжествованія мира съ Турками, повелѣла ѣхать туда же и Евгенію. Августа 30 по волѣ Государыни онъ посвященъ во Іеромонаха. 9 Сентября данъ Святѣйшему Сѵноду Указъ объ учрежденіи въ Новороссійской и Азовской Губерніяхъ Славенской и Херсонской Епархіи, въ которую велѣно „посвятить во Архіепископа Грека Іеромонаха Евгенія, яко Мужа высотою разума, благочестіемъ и всѣми добродѣтельми для упа-

„ сенія стада Христова отлично одаренна-
„ го.“ Въ присутствіи Императрицы Евгеній хиротонисанъ въ здѣшнемъ Николаевскомъ Греческомъ монастырѣ Октября 1 числа тогожь года. Въ слѣдующемъ году Санктпетербургская Академія Наукъ приняла его въ Почетные свои Члены. Послѣ четырехъ-лѣтняго управленія Епархіею, Преосвященный Евгеній уволенъ отъ должности съ пенсіею по 2000 рублей, и съ дозволеніемъ имѣть свое пребываніе въ С. Петербургѣ. Въ 1792 году Экономическое Общество приняло его въ свои Сочлены; а 1797 онъ пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Александра Невскаго.

Длинной списокъ сочиненій и переводовъ Преосвященнаго Евгенія лежитъ передъ нами. *Тридцать шесть* сочиненныхъ и *двадцать шесть* переведенныхъ книгъ и тетрадей, изданныхъ и неизданныхъ, на Еллиногреческомъ, простомъ Греческомъ, Латинскомъ и Италіянскомъ языкахъ, приведутъ въ недоумѣніе каждаго, кто понимаетъ всю трудность ученыхъ упражненій, всю важность сихъ подвиговъ. Богословія и Стихотворство, Философія и Политика, Исторія и науки Математическія, Музыка и Гимнастика были предметами его занятій. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Лейпцигѣ, въ Галѣ, въ Вѣнѣ, въ Амстердамѣ, въ Венеціи печатались и печатаются сочиненія и переводы трудо-

любиваго Пастыря. Упомянемъ сперва о тѣхъ, которыя изданы и нынѣ издаются на иждивенїи братьевъ Господъ Зосимовъ. Въ прошломъ году мы имѣли случай замѣтить (см. No 5. 1805.), съ какимъ великодушїемъ сїи почтенные люди жертвуютъ важными издержками для распространенїя полезныхъ знанїй и для блага страждущаго человѣчества.

Сочиненїя Преосвященнаго Евгенїя, напечатанныя иждивенїемъ Господъ Зосимовъ, суть слѣдующїя: *Примѣчанїя на пять книгъ Моисеевыхъ*; писаны на простомъ Греческомъ языкѣ. 2 Тома. въ Вѣнѣ, 1801. *Разсужденїе о великодушномъ претерпѣнїи смерти*; на томъ же языкѣ. Въ С. Петербургѣ, 1804. *Церковная Исторїя перваго Христїянскаго вѣка*; на томъ же языкѣ. Въ Лейпцигѣ, 1805. *О мнѣнїяхъ Философовъ.* въ Вѣнѣ, 1806. 605 *Критическихъ замѣчанїй на Изъясненїе Неофита Пелопонесскаго* и проч.; на Еллиногреческомъ. Въ Вѣнѣ, 1806. *Начальныя основанїя Метафизики и Физики*; на Еллиногреческомъ. Въ Вѣнѣ, 1806. *Метафизика, содержащая Онтологїю, Козмологїю и Психологїю*; на Еллиногреческомъ. Въ Венецїи, 1806. — Переводы: *Эбергардовы древности*, встрѣчающїяся въ Гомеровыхъ сочиненїяхъ, и *Квириновы древности Корцирскїя*; съ Латинскаго на Еллиногреческїй.

Въ Москвѣ, 1804. *Три Трактата* въ оправданіе Христіянской вѣры; два съ Французскаго, а третій съ Латинскаго на простой Греческой. Въ Лейпцигѣ, 1804. *Блаженнаго Августина четыре книги* подъ общимъ титуломъ: *Взываніе*; съ Латинскаго на Еллиногреческій. Въ Лейпцигѣ, 1804. *Гравезандово введеніе въ Философію*; съ Латинскаго на Еллиногреческій. Въ Москвѣ, 1805. *Андрея Бурдигальскаго толкованіе на 4 книгу Грамматики Ѳеодора Газы*; съ Латинскаго на Еллиногреческій. Въ Вѣнѣ, 1806. *Такуетовы Основанія Геометріи.* Въ Вѣнѣ, 1806. *Антонія Генуензія основанія Метафизики.* Въ Вѣнѣ, 1806. *Іеронима Меркуріала о Гимнастическомъ искусствѣ*; съ Латинскаго на Еллиногреческій. издается въ Венеціи. — Почитаемъ не лишнимъ повторить, что кромѣ сихъ книгъ Господа Зосимы издали на собственномъ иждивеніи многіе полезные труды покойнаго Архіепископа Никифора Ѳеотокія, бывшаго Астраханскаго, пріѣхавшаго въ Россію по призыву Евгенія, — напечатали для того же употребленія, то есть для раздачи въ Греческихъ училищахъ *безденежно.* Прибавимъ еще, что Преосвященный Евгеній въ духовномъ завѣщаніи всѣ свои рукописи предоставилъ въ полное распоряженіе Г-дъ Зосимовъ.

Къ числу важнѣйшихъ трудовъ, и по содержанію своему любопытнѣйшихъ сочиненій

и переводовъ Архїепископа Евгенїя, кромѣ упомянутыхъ выше, принадлежатъ: *Виргилїя Марона Георгики и Энеида*, переведенныя на Еллиногреческой стихами, въ 4 Томахъ въ листъ, — и *Адама Зерникова Богословскїе Трактаты*, съ Латинскаго на Еллиногреческїй, въ 2 Томахъ въ листъ же — напечатанныя въ С. Петербургѣ на казенномъ иждивенїи; *Историческое розысканїе о времени крещенїя Великой Княгини Ольги*, сочиненное на Латинскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ Русскимъ переводомъ напечатанное въ С. Петербургѣ; *Трактатъ о Музыкѣ*, писанный 1775 года на простомъ Греческомъ языкѣ по прозьбѣ Оберъ-Егермейстера Семена Кириловича Нарышкина, — у нѣкоторыхъ Любителей Словесности хранится Руской переводъ сего сочиненїя; *Трактатъ о воспитанїи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей*, писанъ въ 1784 году на Еллиногреческомъ языкѣ по требованїю Императрицы; *Отвѣтъ на вопросъ Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина*, предложенный по приказанїю Государыни Императрицы, *какъ лучше и пристойнѣе можно обратить Польскихъ Унїятовъ*, — писанъ 1793 года на простомъ Греческомъ языкѣ. — Рѣчи и Стихи, сочиненныя на разные торжественные случаи, Возраженїя, Отвѣты, Мнѣнїя, Критики, Мѣлкїя стихотворенїя, Письма, наполняютъ сей удивительной списокъ.

Въ эпитафіи, сочиненной самому себѣ за нѣсколько мѣсяцовъ передъ кончиною, Святитель излилъ чувства души, твердо уповающей на заслуги Христовы.

IV.

Велизарій.

Романсъ.

Малюшка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
„ Тронитесь жертвою Судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

❋

Вотъ шлемъ того, которой былъ
Для Готовъ, Вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей, —
И Міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

❋

Несчастной; за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,
Водилъ Царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ;
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

*

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ Славы;
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы:
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ Промыслъ Твой, Создѣтель!
И я — сиротка; въ юныхъ дняхъ
Спалъ Велизарью благодѣтель! . . . "

А: Мрзлкв.

V.

Смѣсь.

Въ Англіи многіе люди заработываютъ себѣ пропитаніе одинкою перьевъ. Сія статья промышленности не маловажна, хотя впрочемъ это кажется довольно страннымъ. Въ Лондонѣ есть много лавокъ, наполненныхъ только однѣми перьями, цѣлыми и очиненными. Англичанинъ любитъ во

всемъ удобность, и охотно платятъ деньги, чтобъ избавиться отъ лишняго труда. Присудственныя мѣста и коммерческія конторы закупаютъ для себя готовыя перья лучшаго разбора; нѣкоторые люди сбираютъ перья, бывшія уже въ употребленіи, поновляютъ ихъ, и продаютъ желающимъ. Очиненныя перья отправляются въ обѣ Индіи и въ Америку; каждый корабль, отплывающій изъ Англіи, везетъ нѣсколько связокъ готовыхъ перьевъ для продажи. Англичане, живущіе въ колоніяхъ, выписывая для себя бумагу и прочія принадлежности письменныя, обыкновенно требуютъ присылки перьевъ готовыхъ лучшаго разбора. Хотя въ Англіи у каждаго есть ножикъ, которымъ могъ бы поправлять перо на свою руку, или снова очинивать, но изо ста человѣкъ едва ли десять покупаютъ цѣлыя перья. Отъ того происходитъ, что немногіе тамъ умѣютъ очинивать, и что хорошо очиненное перо есть вещь, которою дорожатъ. За то уже въ Англіи дурной почеркъ руки есть рѣдкость. Очинить перо по правиламъ искуства, почитается дѣломъ труднымъ. Нѣкто Вилькесъ, извѣстный умѣньемъ присѣкать кончикъ пера, недавно началъ преподавать Ѳеорію и Практику *очиниванія перьевъ*. Онъ основываетъ искуство свое на множествѣ правилъ, которыя привелъ въ систему, и назвалъ *Наукою очинивать перья*.

Извѣстная Г-жа *Радклифъ* принадлежитъ къ лучшимъ Англійскимъ Писательницамъ, не смотря на важныя погрѣшности, находящіяся въ ея сочиненіяхъ. Одинъ Рецензентъ Эдинбургскій пишетъ, что едва ли самъ Гомеръ могъ возбудить въ читателѣ такой ужасъ, какой производитъ сія необыкновенная женщина. Слѣдующее обстоятельство показываетъ, какъ уважаются ея сочиненія. За новѣйшій романъ свой, которой хочетъ напечатать, она требуетъ 1500 фунтовъ стерлинговъ. Книгопродавцы предлагаютъ 1000; но Сочинительница не соглашается, и вѣрно получитъ требуемую сумму. — Жаль, что у насъ въ Россіи мало извѣстны сочиненія Г-жи *Эджерворть*, весьма благосклонно принимаемыя Лондонскою публикою. Слава сей дѣвицы, почитаемой ученѣйшею и пріятнѣйшею Писательницею, ежедневно возрастаетъ. Новый романъ ея — *Элеонора*, заслужилъ отличное одобреніе.

*

Россійская Публика въ прошломъ году извѣщена была посредствомъ Журналовъ (*) о краденомъ перепечатаніи *Картины Европы* перевода Г-на Измайлова (Владиміра), которой предостерегалъ любителей чтенія отъ покупки книги, напечатанной, для прикры-

(*) См. Сѣверный Вѣстникъ и Другъ просвѣщенія.

шія обмана, со всѣми ошибками, находившимися въ первомъ изданіи. Нынѣ, какъ извѣстно, въ типографіи Г-на Бекетова принимается подписка на вновь исправленной переводъ *Картины Европы*, котораго каждой экземпляръ отмѣченъ рукою Г-на Измайлова, для отличія отъ краденаго изданія. Дерзкіе промышленники должны были предвидѣть, что воровство ихъ сдѣлается извѣстнымъ публикѣ; но вѣрно имъ не всходило на умъ, что о семъ безчестномъ поступкѣ узнаютъ и въ чужихъ краяхъ. Г. Пробстъ Гейдеке въ Журналѣ Konstantinopel und St. Petersburg, въ которомъ онъ теперь участвуетъ, помѣстилъ для иностранцевъ извѣстіе о сей кражѣ, и перевелъ замѣчаніе Г-на Измайлова о томъ, что ни въ новомъ Уставѣ о цензурѣ, ни въ прежнихъ узаконеніяхъ нѣтъ статьи, которою запрещались бы хищенія сего рода. — Въ Государствѣ благоустроенномъ и просвѣщенномъ есть общій законъ противъ кражи; а что неправедное, тайное присвоеніе чужой собственности есть кража, въ томъ никто не сомнѣвается (*). Законодатель не можетъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, не можетъ и не имѣетъ причины для каждаго назначать особое наказаніе. Во Франціи болѣе типогра-

(*) Смотр. Указъ 1781 года Апрѣля 23 дня, статьи 4 и 7.

фій, слѣдственно болѣе подложныхъ книгъ: частыя жалобы заставили правительство сдѣлать особое постановленіе для обезпеченія собственности Ученыхъ и Литтераторовъ отъ наглости похитителей. Издатели обыкновенно припечатываютъ на книгахъ объявленіе, что изданіе ихъ состоитъ подъ защитою законовъ; однакожь изъ того не слѣдуетъ заключать, будто прежде законы не преслѣдовали хищниковъ: иначе ни одинъ издатель не могъ бы почитать книги собственною своею, и каждой злонамѣренной типографщикъ, не боясь наказанія, пользовался бы правами Авторовъ. — На первой случай довольно, что корыстолюбцы подложными изданіями своими заслужили общее презрѣніе; фабрика ихъ почитается опаснѣйшимъ подводнымъ камнемъ для кораблей съ ученымъ грузомъ.

*

При семъ Нумерѣ прилагается картинка, на которой представлено великолѣпное зданіе новой биржи, недавно заложенной въ С. Петербургѣ. Пишутъ, что оно совершено будетъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Все зданіе простирается въ длину на 39, въ ширину на 37 саженей. Каждая изъ главныхъ фасадъ будетъ имѣть по 10 столбовъ смѣшеннаго Дорическаго ордена, и каждая боковая сторона по 12. Зала биржи стоять

будетъ на обширной площади, имѣющей видъ продолговатаго полукруга, котораго основанїемъ служатъ Коллегїи. На обоихъ пунктахъ, гдѣ сей полу-кругъ примыкаетъ къ набережной, возвышаются ростральныя колонны, украшенныя символическими знаками торговли и мореплаванїя; на верху каждой изъ нихъ колоссальныя статуи держатъ по земному шару, которые въ зимнїя ночи должны служить маяками для кораблей, плывущихъ изъ Кронштадта.

ПОЛИТИКА.

I.

О состоянїи политическихъ дѣлъ Европы въ продолженїе 1805 года и первыхъ трехъ мѣсяцовъ нынѣшняго.

Ежели миръ есть состоянїе спокойствїя, когда все становится на своемъ мѣстѣ, когда вражда прекращается, честолюбивыя намѣренїя уничтожаются, довѣрїе поселяется, Государства отдыхаютъ, торговля получаетъ новое бытїе, земледѣлїе процвѣтаетъ, духъ народа спостѣшествуетъ устроенїю своего благоденствїя, — то Европа давно уже миромъ не наслаждалась.

Но ежели миръ есть прекращенїе непрїятельскихъ дѣйствїй, наружная тишина, въ продолженїе которой осторожность спитъ, бодрствуетъ честолюбїе, — то надлежитъ признаться, что послѣ Амьенскаго съѣзда можно было ожидать мнимыхъ выгодъ такого мира.

Почему Европа обманулась въ сїю эпоху? потому что она несправедливо судила о сильной причинѣ, остановившей ея движенїя, и

что не знала намѣренїй человѣка, предложившаго ей минутной отдыхъ.

Трактатъ Амьенскїй утвердилъ счастїе Французской Республики, но счастїе Наполеона Бонапарте только начиналось въ сїе время. Европа десять лѣтъ сряду прошивилась безумїю Французовъ; успѣхъ оружїя закрылъ ихъ ошибки — и намѣренїя Францїи исполнились.

Монархи не признали нужнымъ вмѣшиваться во внутреннїя распоряженїя сего непостояннаго Государства, какой-бы родъ правленїя оно себѣ ни избрало; соглашались на всѣ честолюбивыя затѣи, на всѣ требованїя, чтобы только оставить его въ томъ спокойномъ состоянїи, какого, казалось, оно само желало.

Пожертвованїя, которыми воевавшїя Державы согласились купить миръ съ Францїею, были такого рода, что утвердили бы ее на прочномъ основанїи, если бы Францїя по прежнему стала Монархїею, достойною уваженїя, въ которой выгоды Государя неразлучны съ общими выгодами; но Кабинеты, вмѣсто того чтобъ прилѣжно обозрѣть все дѣло, видѣли только наружность, и не угадывали, что можетъ впредь случиться. Уполномоченные думали, что удовле-

творяя честолюбіе націи, именемъ которой заключались трактаты, угодять всѣмъ, — и не видѣли, что въ тоже время положили основаніе для такого зданія, которое потомъ вознеслось до облакъ.

Чего еще недоставало Франціи, увеличенной десятью провинціями и пятою частью многолюдства, обезопасившей свои границы, и окружившей себя малыми Государствами, которыя принуждены были угождать ея подвижкѣ? ничего! — Чего недоставало человѣку, управлявшему Франціею? всего!

Европа надѣялась на миръ, потому что для Франціи не нужны были завоеванія.

Бонапарте, желая утвердить свое могущество, сотворить новую Имперію, пристроить свое семейство, выдумывалъ обширные планы, которые долженствовали навлечь войну, между тѣмъ какъ многіе Кабинеты льстили себя истиннымъ спокойствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто нарушилъ сіе спокойствіе? Не народы ли, которыхъ Судьба принудила согласиться на миръ невыгодный? Нѣтъ! но человѣкъ, по слѣдствію сего самаго мира оставшійся еще весьма далеко отъ цѣли, до которой достигнуть онъ домогался.

Пускай себѣ тридцать милліоновъ человѣкъ, ослѣпленныхъ счастіемъ и дарованіями, провозглашаютъ *миротворцемъ Европы* того, кто воспламенилъ войну въ Европѣ; голоса тридцати милліоновъ замолчатъ передъ однимъ . . . . передъ голосомъ Истины.

. . . . . .

. . . . . .

Взаимное признаніе существенной силы между договаривающимися Державами есть главное основаніе трактатовъ. Держава, умножающая, или перемѣняющая средства свои въ Политикѣ, первая разстроиваетъ гармонію, нарушаетъ миръ, и чрезъ то освобождаетъ другую отъ условій, которыя съ тѣхъ поръ уже не существуютъ.

Сія аксіома политическая всѣми принята; слѣдственно, кто станетъ спорить, что не сама Франція нарушила трактатъ Амьенскій въ то же время, когда его подписала?

Англія, хотя не говорила ничего рѣшительно объ участи Италіи, однакожь совсѣмъ не думала, что однимъ почеркомъ пера Пьемонтъ присоединенъ будетъ ко Франціи. Не заботясь впрочемъ о формѣ правленія Французскаго Государства, она дозволяла себѣ

надѣяться, что демократическая Конституція черезъ два года не приметъ наружности монархической.

Бонапарте, вложивъ мечь свой въ ножны, тотчасъ началъ дѣйствовать перомъ. Завоеванія, симъ оружіемъ приобрѣтенныя, не столько блистательны, за то болѣе прибыточны. Когда Англія, въ сходство Амьенскаго трактата, разснащала корабли въ своихъ гаваняхъ, Французская Политика сплетала сѣти махіавелическаго коварства. Мальту надлежало отдать въ слабыя руки, которыя не могли бы удержать ее; Кабинетъ Лондонской увидѣлъ, что слѣдуя внушенію благоразумія, не надобно лишать себя единственнаго залога, находившагося въ его власти.

Такимъ образомъ положено вести морскую войну подъ предлогомъ независимости торговли. Тайная экспедиція, приготовляемая въ Голландіи, встревожила Англію; самовластіе, присвояемое Французскимъ правительствомъ на твердой землѣ, заставляло Англичанъ быть самовластными на моряхъ; Франція угрожала, Англія боялась тайныхъ ударовъ, и чтобъ прекратить свое безпокойство, рѣшилась сдѣлать нападеніе. Нарушеніе народнаго права задержаніемъ путешественниковъ въ Парижѣ, вкоренив-

шаяся національная ненависть, не совсѣмъ потушенная прежняя вражда, довершили начатое, — и Бонапарте, котораго толпа неизвѣстныхъ стихотворцевъ уже наименовала Бриттанскимъ, какъ другой Калигула, прискакалъ въ Булонь требовать сдачи Альбіона; между тѣмъ догадливое правительство Англійское притворилось крайне испуганнымъ, чтобъ именемъ *опасности*, грозящей отечеству, соединить всѣ партіи.

Въ такомъ положеніи находилась Европа въ началѣ 1805 года, когда сильнѣйшія Державы принуждены были принять участіе въ дѣлѣ, на которое онѣ взирали съ живѣйшимъ безпокойствомъ. Французскіе Журналисты и Дипломатики проповѣдывали, что ихъ Начальникъ сражается за свободу морей; но истина и разумъ говорили, что если Франція силою оружія откроетъ себѣ путь въ обѣ Индіи, тогда равновѣсіе навсегда разрушится, и не останется никакой надежды къ возстановленію онаго. — Ежели Европа почитала Амьенской трактатъ охранительною граматою своего спокойствія, то сія грамата потеряла дѣйствіе съ тѣхъ поръ, какъ Начальникъ Французскаго народа захватилъ всю власть въ свои руки. Какое безпокойство должны были произвести безпрестанныя угрозы, хищенія, присоединенія, тре-

бованія, затѣи, титла! и все сіе дѣлалось съ такою поспѣшностію, какой примѣра не видимъ въ Исторіи.

Бонапарте не хочетъ сражаться; не желаетъ побѣдъ; ему нужно только управлять и властвовать! Сдѣлавшись Императоромъ, Королемъ, Законодателемъ, похитителемъ чужихъ областей, онъ раздаетъ короны, и при всемъ томъ увѣряетъ, что не вводитъ никакихъ новостей! Распоряжая по своей волѣ осмьюдесятью милліонами человѣкъ, божится, что не нарушаетъ равновѣсія (*)! Какъ согласить такія противности, такія затѣи, одна другой несоотвѣтствующія?

Система правильная приличествуетъ Государямъ, которыхъ власть основана на гармоніи общей Политики; но счастливый похититель, бичь народовъ, дѣйствуетъ по системѣ разрушительной. Основателю новой династіи не льзя желать постояннаго теченія дѣлъ; ибо отъ замѣшательства зависятъ его успѣхи. Европа должна отъ него ожидать мира, войны, договоровъ,

(*) Его честолюбіе простерлось еще далѣе: съ нѣкотораго времени онъ твердитъ, что въ политической системѣ нужна превозмогающая сила; а уже не равновѣсіе.

нарушенiй; ибо хищникъ не можетъ иначе утвердиться, какъ на развалинахъ. Продолжительной миръ вреденъ для Бонапарте; тишина была бы слишкомъ длиннымъ промежуткомъ между затѣями прежними и будущими; она привела бы въ бездѣйствiе, оледенила бы его честолюбiе.

Бонапарте сѣетъ въ то время, когда ведетъ войну, а пожинаетъ при заключенiи мира. Такимъ образомъ по системѣ своей представляя двойное лице, то завоевателя, то миротворца, онъ подбираетъ, что клонится къ паденiю, а что противится — вырываетъ съ корнемъ. Онъ привилъ родню свою къ древнимъ деревамъ, у которыхъ прежде обрубилъ вѣтви.

Францiя осталась при своихъ владѣнiяхъ — твердятъ поклонники Наполеоновы; ничего не присвоила послѣ Амьенскаго мира; перемѣнивъ свою конституцiю, заняла степень, на которую имѣла право по своему могуществу . . . . . Но человѣкъ, управляющiй Францiею, развѣ не есть существенная часть Францiи? когда жадное честолюбiе его похищаетъ области, развѣ Францiя не бросается на добычу съ нимъ вмѣстѣ?

Англiя склонила къ войнѣ Державы твердой земли — далѣе вопiютъ рабы Г-на

Бонапарте; Англія начала войну, предложила вспомогательныя деньги, закупила непріятелей, и пролила рѣки человѣческой крови; Англія захотѣла отвести отъ себя страшной потокъ, грозившій разрушеніемъ; для нее Россія, Австрія и Швеція подняли оружіе — хотя существенная польза Австріи требовала, чтобъ она соединилась съ тѣмъ, кто сражался за свободу мореплаванія, и хотя благоразуміе требовало отъ Россіи не вмѣшиваться въ войну, *затѣянную понапрасну*.

Затѣянную по напрасну? Нѣтъ! никогда еще не было столь важныхъ, столь побудительныхъ причинъ къ началію войны.

Мы сказали уже, и теперь повторяемъ съ надежною смѣлостію, произходящею отъ увѣренности, что перемѣнное состояніе войны и мира выгодно для хищника, которой, возложивъ на себя корону, представляетъ Европѣ все свое семейство, и для каждой головы сей гидры требуетъ по коронѣ!

Похищеніе Лукки и Піомбино было только одно изъ тѣхъ предуготовленій, которыя Бонапарте употребляетъ, чтобъ узнать мнѣніе Государей. Давъ Княжество одному изъ неизвѣстнѣйшихъ своихъ родственниковъ, не отличившемуся никакимъ подвигомъ,

ни военнымъ, ни гражданскимъ, онъ хотѣлъ только показать, какія милости готовилъ для прочихъ. Евгеній Богарне изъ Полковника дѣлается Генераломъ, Вице-Королемъ; потомъ входитъ въ родство съ однимъ изъ первыхъ Домовъ въ Европѣ. Степени, назначаемыя для Мюра, Лудовика, Іеронима, а можетъ быть и для самаго Лукіяна, суть такія загадки (*), которыя Европа съ ужасомъ должна отгадывать. Вѣрно для нихъ готовятся не малые удѣлы; вѣрно они получатъ что-нибудь болѣе, нежели Княжество Піомбинское; вѣрно для нихъ назначаются цѣлыя Государства! и горе Монархамъ, которые должны уступить мѣста симъ похитителямъ!

Къ числу несчастныхъ Королей, о которыхъ Государи Европейскіе обязаны были позаботиться, принадлежитъ Король Сардинской. Политика ничего рѣшительнаго не опредѣлила объ его участи. Въ Трактатахъ Люневильскомъ и Амьенскомъ ничего не упомянуто о столь постыдномъ небреженіи. Только одна великая Держава, при послѣднихъ переговорахъ съ Франціею, позаботилась о выгодахъ своего обиженнаго Союзника. Присоединеніемъ Пьемонта ко Франціи, безъ всякаго вознагражденія, нанесена обида

(*) Нѣкоторыя изъ нихъ уже перестали быть загадками.

покровительствующей великой Державѣ, и миръ Амьенской нарушенъ немедленно по заключеніи.

Послѣ сего поступка, Герцогство Пармское однимъ почеркомъ пера присоединено къ Италіянской Республикѣ. Неаполю угрожала опасность, и скоро Англичане не смѣли бы показаться ни въ одной пристани, начиная отъ Текселя до Венеціи — кромѣ Португаліи; ибо Французы вездѣ предписывали законы. Еслибъ Англія отдала Мальту Королю Обѣихъ Сицилій, тогда надлежало бы ей навсегда отказаться отъ сообщенія съ полуденною Европою, — тогда не имѣла бы она другихъ путей для отправленія своей торговли, кромѣ Зунда и устьевъ Везера и Эльбы. Еслибъ Франція держалась въ своихъ границахъ, то Мальта была бы отдана, и болѣе не оставалось бы никакого замѣшательства; но могъ ли Британской Кабинетъ, когда Бонапарте посылалъ войска свои для занятія всей Италіи, — могъ ли, говорю, Британской Кабинетъ лишить себя единственнаго средства, съ помощію котораго удерживаетъ при себѣ господство на Средиземномъ морѣ?

Если непремѣнно надлежало добираться до источника произшествій, чтобы доказать, какимъ образомъ Бонапарте былъ начинщи-

комъ морской войны; то безъ сомнѣнія уже отъ насъ не потребуютъ такой точности въ разсужденіи множества причинъ, заставившихъ Австрію и Россію взять сторону Англіи. Не одно, не многократныя нарушенія трактатовъ утомили наконецъ терпѣніе упомянутыхъ Державъ; нѣтъ, безпрестанныя хищенія и притязанія такъ скоро однѣ за другими слѣдовали, что не льзя не удивляться, почему такъ долго смотрѣли на нихъ съ равнодушіемъ. Министры, занимаясь внѣшнимъ величіемъ Франціи, не обращали взоровъ своихъ на бездну, поглощающую доходы ея. Если бъ они знали состояніе сборовъ и налоговъ, если бъ имъ извѣстна была необходимая расточительность Правительства Французскаго, то, подписывая миръ, напередъ они угадали бы, что Бонапарте для выгодъ своихъ скоро опять подниметъ оружіе. Если бъ они разсмотрѣли донесенія Трибуната, которой тогда имѣлъ еще бытіе и значительность политическую, — если бъ вслушались въ послѣдніе вздохи законодательныхъ и управляющихъ Сословій, которымъ теперь велятъ собираться для того, чтобъ молчать, поклоняться и благоговѣть; то увидѣли бы, что трактаты о военныхъ вспоможеніяхъ, подписанные въ Мадритѣ и Гагѣ, или, лучше сказать, подати наложенныя на всѣ Державы, окружающія Францію, были единственнымъ источникомъ, откуда Прави-

тельство брало деньги для дополненія недостатка въ своихъ доходахъ; они догадались бы, что войны и смятенія, столь пагубныя для другихъ Государствъ, суть средства, которыми Бонапарте можетъ держаться на счетъ бѣдныхъ своихъ сосѣдовъ.

Нѣтъ ни одного Государства въ Европѣ, котораго мнимый *миротворецъ* послѣ Амьенскаго трактата не нарушилъ бы правъ или выгодъ. Союзники и непріятели, сопредѣльные и отдаленные, слабые и сильные, — всѣ испытали на себѣ дѣйствіе неистовства его, и каждое Государство, имъ притѣсняемое, во всемъ находитъ для себя или препятства или униженіе.

Бывъ Консуломъ, то есть первымъ Чиновникомъ Французской Республики, Бонапарте присвоилъ самодержавіе, и похитилъ у націи власть, ввѣренную ему на время; разорилъ Испанію, обязавъ ее выдавать вспомогательныя деньги на военныя издержки; угрозами вымучилъ у Португаліи страшныя суммы; перемѣнивъ нѣсколько разъ конституцію Голландіи, наполнилъ сію Республику своими войсками, когда она не имѣла въ нихъ никакой нужды, и потомъ вывелъ войска обратно, когда надлежало защищать Голландію отъ непріятельскаго нападенія.

Самовластвуя въ Италіи, онъ Республику, самимъ же имъ сотворенную, переименовалъ Королевствомъ; Пьемонтъ присоединилъ ко Франціи; Генуу сдѣлалъ приморскимъ своимъ городомъ; похитивъ островъ Эльбу у Тосканы, уже по окончаніи войны держалъ свой гарнизонъ въ Ливорнѣ, и давалъ повелѣнія Флоренціи; привыкши играть святою Религіею, приковалъ Верховнаго Первосвященника къ своей колесницѣ; пылая свирѣпствомъ противу внука Лудовика XIV, котораго имя мучительно для совѣсти похитителя онъ истощилъ всѣ привязки, всѣ клеветы на Королевство Неаполитанское, и поступилъ съ нимъ, какъ голодной волкъ Лафонтеновъ съ невиннымъ ягненкомъ.

Притворяясь умѣреннымъ въ разсужденіи Нѣмецкой Имперіи, онъ старается питать въ ней несогласія, продлить бытіе хаоса вознагражденій, и съ помощію дипломатическихъ хитростей завязать Гордіевъ узелъ, для того чтобъ послѣ разсѣчь его мечемъ своимъ.

Бонапарте не только не уважаетъ никакихъ Государствъ, не изключая Франціи, болѣе или менѣе себѣ подчиненныхъ, но оскорбляетъ и тѣ, въ разсужденіи которыхъ надлежало бы ему поступать осторожнѣе. Онъ хотѣлъ войны, и несправе-

дальностями своими принудилъ Европу поднять оружіе. Еслибъ онъ не затѣвалъ расширять свое могущество; то не огорчилъ бы Австріи возложеніемъ на себя второй короны, которая не прибавляла новаго блеска къ первой, — не вывелъ бы въ мирное время тридцать тысячь человѣкъ на равнину Маренгскую, гдѣ за пять лѣтъ до того предписалъ прелиминарныя статьи мира.

При заключеніи Люневильскаго трактата, онъ поручился за независимость Голландіи и Швейцаріи. Австрія также участвовала въ поручительствѣ. Не смотря на то, Ландаманъ Швейцарскій и Ратъ-Пенсіонеръ Голландскій были не что иное, какъ Префекты, дѣйствующіе по волѣ и законамъ Бонапартевымъ. . . . . Республика Италіянская, по силѣ того же трактата, никогда и никакъ не долженствовала состоять подъ управленіемъ общимъ съ Франціею; не смотря на то, Республика сія получила новое образованіе въ одно время съ Франціею, и досталась одному и тому же деспоту! Когда Австрія осмѣлилась изъявить свое удивленіе и представить жалобы; Люневильскій миротворецъ, сидя на Миланскомъ престолѣ, отвѣчалъ — присоединеніемъ Лигурійской Республики ко Франціи.

Еслибъ Бонапарте не хотѣлъ войны, ему не для чего было бы островъ Мальту считать важнымъ для себя мѣстомъ, когда пристани Лигурїйская, Магонъ, Порто-Феррайо, Анкона, Ливорно, Чивитавеккїя были открыты для кораблей его и торговли. Еслибъ онъ не имѣлъ намѣренїя завладѣть Египтомъ и Мореею; какая нужда досадовать, что Россїйскїя эскадры плаваютъ на морѣ Іонїйскомъ? Еслибъ онъ боялся, чтобъ не загорѣлась война въ Сѣверной Европѣ; за чѣмъ Министрамъ его на Регенобургскомъ Сеймѣ говорить тономъ повелительнымъ?

Война, возгорѣвшаяся на твердой землѣ, есть дѣло Англїи — кричатъ со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ! Еслибъ не совершилось въ Миланѣ вѣнчанїе на Королевство, еслибъ Лигурїя не была присоединена ко Францїи, — Г. Новосильцовъ приѣхалъ бы въ Парижъ, и война не началась бы въ 1805 году.

Бонапарте не хочетъ войны? за чѣмъ же безпокойная голова его безпрестанно заботится о дѣлахъ заграничныхъ? за чѣмъ его воображенїе всегда показываетъ себя готовымъ опереживать его могущество? Гдѣ страна въ Европѣ, Имперїя, Королевство, Республика, Княжество, вольной городъ, которыя не были бы оскорблены его затѣями? гдѣ малая область, которой онъ

не хотѣлъ бы предписывать законы? гдѣ Государство, котораго выгодами располагать или управлять онъ не принимался? Есть ли хоть одинъ Монархъ, которому онъ не предлагалъ округленій, вознагражденій, замѣнъ? . . . Всегдашнею готовностію своею дѣлить провинціи онъ думаетъ сперва утишить, потомъ усыпить благородное честолюбіе въ великихъ Державахъ, и увѣренъ, что сими раздѣлами рушитъ навсегда равновѣсіе, которое для Государствъ второстепенныхъ гораздо спасительнѣе, нежели приобрѣтенія, противныя справедливой Политикѣ.

Въ Германіи не осталось области, въ дѣла которой онъ не вмѣшался бы. По праву меча своего, Курфирстовъ заставляетъ перемѣнять титла, побѣжденныхъ Государей перемѣнять мѣста; Владѣтельные Князья не имѣютъ вѣрнаго пристанища; Дворянство ограблено; никто не можетъ безопасно владѣть своею собственностію. Бонапарте перемѣщаетъ, низвергаетъ, возводитъ, и спокойныя отдаленныя Государства заставляетъ выдти изъ круга бездѣйствія политическаго.

Если Данія хранитъ неутралитетъ, — Бонапарте сердится, для чего она впускаетъ Англичанъ въ свои пристани. Если Швеція изъявляетъ негодованіе, — онъ

предлагаетъ внуку Великаго Фридерика отнять Померанію у преемника Великаго Густава. Отъ Юга до Сѣвера, отъ Стралзунда до Неаполя, онъ простираетъ угрозы и мщеніе, и говоритъ только о наказаніи Королей. Будучи не въ состояніи досягнуть до Россіи, которая по отдаленности своей не боится его пронырства и сплетней, а по могуществу своему презираетъ его дерзость, онъ притѣсняетъ ея Союзниковъ. Пруссія, которая съ такою вѣрностію хранитъ договоры, что жертвуетъ имъ даже свободою Германіи, а можетъ быть своимъ достоинствомъ и славою, пребываетъ въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Европа пожирается пламенемъ; Бонапарте, сей гибельный потокъ, не признающій никакой преграды народныхъ правъ, вторгается въ области ея, нарушаетъ неутралитетъ, и принуждаетъ ее возопить противъ насильства предъ лицемъ изумленной Европы; но Политика скоро заглушила голосъ совѣсти . . . . . Всѣ Государства — не изключая Турціи, старинной союзницы Французовъ, оставившей ихъ во время Египетской экспедиціи, и склонившейся на сторону Англіи, своей защитницы — всѣ Государства, или обманутыя, или униженныя, теперь походятъ на болезливыхъ птицъ, скрывающихся отъ хищнаго ястреба, которой за ними гоняется.

Если Европа имѣла справедливѣйшія причины желать, чтобы грозящія бѣдствія удалены были, и чтобы право народное, безпрестанно нарушаемое, воспріяло характеръ святости; то Россія особенно должна была вступиться въ сіе дѣло: того требовали отъ нее достоинство и выгоды Имперіи.

Охотники судить о дѣлахъ не знаютъ, или притворяются, будто не знаютъ, что существенныя силы Государства состоятъ не только въ обширности владѣній, въ многолюдствѣ, въ богатствѣ, но еще въ причинахъ моральныхъ, даже метафизическихъ, которыя столь же необходимы для его благосостоянія, какъ и предметы, чувствамъ подлежащіе. Честь націи, слава ея оружія, правота ея Политики, твердость въ намѣреніяхъ, благодушіе Монарха, суть также основаніе могущества, какъ произведенія земли, торговля, жители. Нападать на сіи важныя, но сокрытыя *части*, значитъ нападать на *цѣлое*. Государство, теряющее свой вѣсъ у сосѣдовъ и довѣріе у союзниковъ, лишается болѣе, нежели то, у котораго отнимаютъ отдаленныя Провинціи.

Французское Правительство не угрожало нападеніемъ на Россійскія области, но въ теченіе трехъ лѣтъ отводило отъ себя тре-

бованія Россіи, нападало на ея Союзниковъ, и не показывало уваженія, должнаго великой Державѣ. Король Сардинскій, полагаясь на статьи, прибавленныя къ Парижскому трактату, съ твердою увѣренностію ждалъ исполненія условій; не смотря на то, Пьемонтъ присоединенъ ко Франціи, и Королъ Сардинскій не получилъ никакого вознагражденія. Чины Германской Имперіи упросили Россію признать послѣднюю Нѣмецкую конституцію, и поручиться за ея ненарушимость; Бонапарте, вопреки поручительству и многократнымъ представленіямъ, безпрестанно грабилъ Германію.

Когда Россія, желая открыть пути для вывоза произведеній изъ южныхъ своихъ провинцій, и привести въ цвѣтущее состояніе торговлю на Черномъ морѣ посредствомъ сообщенія со Средиземнымъ, раздѣлила съ Блистательною Портою честь покровительства надъ Республикою Семи Острововъ, не присвоивая себѣ самодержавной власти; Бонапарте, въ качествѣ Начальника новой Республики, простеръ деспотическія требованія на всѣ порты Италіи.

Политическія и дружественныя причины возложили на Россію священную обязанность помогать Королю Неаполитанскому, какъ вѣрнѣйшему своему Союзнику. Между тѣмъ

какъ въ Февралѣ 1801 года Г. Колычевъ посланъ былъ въ Парижъ для переговоровъ, на которые вызвался самъ Бонапарте; и которыхъ основанїемъ долженствовала быть независимость Королевства Обѣихъ Сицилїй, — во Флоренцїи мѣсяца Марта подписанъ насильственной трактатъ, и состоянїе сего Королевства, къ которому Россїя съ благороднымъ безкорыстїемъ простирала руку помощи, сдѣлалось бѣдственнѣе прежняго.

Россїя видѣла, что Францїя въ странахъ сосѣдственныхъ и у отдаленныхъ народовъ противуполагала препятства въ ея намѣренїяхъ, противилась ея желанїямъ, не уважала правъ ея, оскорбляла покровительствуемыхъ ею, заключала въ тюрьму подданныхъ ея, старалась ослабить довѣрїе къ ней, а особливо покушалась оспоривать у нее политическую важность, приобрѣтенную въ знаменитое царствованїе безсмертной ЕКАТЕРИНЫ.

И такъ еще до начатїя войны положенїе Россїи перемѣнилось относительно ко Францїи. Примѣтивъ, что голосъ ея не имѣетъ прежняго влїянїя на дѣла Европы, она вняла совѣтамъ чести своей и славы, и рѣшилась возвратить себѣ силою оружїя то, что наглость и неправда у нее похищали.

Англія не имѣла нужды закупать Кабинеты Европы, и умножать число непріятелей Франціи; Бонапарте самъ посѣялъ вражду, и возбудилъ къ себѣ ненависть цѣлаго Свѣта. Вмѣсто награды за довѣренность народа, слишкомъ простодушнаго, которой, утомясь отъ войны и безначалія, отдалъ ему плодъ десятилѣтняго замѣшательства; онъ не устыдился обнаружить презрѣніе къ Королевству Лудовика XIV, и затѣялъ еще присвоить своему семейству наилучшую часть Европы, рѣшась утвердить свое гиганцское величіе, хотя бы то стоило крови всѣхъ Французовъ.

Напрасно Французскіе журналисты и сочинители коварныхъ замѣчаній, помѣщаемыхъ въ Монитёрѣ, обвиняютъ политику Двора Англійскаго во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя произходятъ отъ честолюбія Кабинета Тюйльерійскаго. *Союзъ заключенъ въ Апрѣлѣ, то есть за три мѣсяца до присоединенія Генуи ко Франціи* — кричатъ отголоски Французскаго Правительства. Изъ того слѣдуетъ ли, что Англійское золото вооружило Государства, которымъ не надлежало противиться затѣямъ Бонапартевымъ? что присоединеніе Желѣзной короны къ коронѣ Карла Великаго не долженствовало безпокоить Государя, обладающаго Венеціею? что вступленіе въ Неаполитанское Королевство Французской арміи

подъ начальствомъ Генерала Сенъ-Сира, ничего не значило для Россіи, которая принуждена была съ великими издержками переправить наблюдательное войско на островъ Корфу? и что, не думая о союзѣ, надлежало имѣть безпредѣльную довѣренность къ правителю кроткому и боязливому, которой въ два года похитилъ только двѣ короны, и которой присоединилъ къ своимъ владѣніямъ не болѣе десяти Провинцій?? Нѣтъ! Россія, Австрія и Швеція соединились для собственной взаимной пользы, для отмщенія за обиды, для удаленія насильства, для обезпеченія своей независимости. Франція, не будучи побуждаема ни одною изъ причинъ законныхъ вести войну, дерется и истощаетъ себя, для того чтобъ посадить родню Бонапартеву на всѣхъ престолахъ Западныхъ; въ такомъ случаѣ не чего инаго дѣлать, какъ взводить небылицы на Кабинетъ Британскій, и увѣрять простодушныхъ Парижскихъ жителей, что всѣ Государи Европы соблазнились вспомогательными деньгами, и не уважая собственныхъ выгодъ своихъ, поднялись противъ Франціи! Но развѣ сильныя Державы должны смотрѣть равнодушно, когда малыя независимыя Области, ихъ вѣрныя союзницы, исчезаютъ; когда образуется колоссъ, безпрестанно возрастающій, и когда нельзя даже предвидѣть, гдѣ онъ остановится?

Англїи стоило только двадцать милїоновъ ливровъ — говорятъ далѣе Журналисты — *отвести войско отъ береговъ приморскихъ къ Рейну . . . .* Это правда; однакожь деньги были не главною побудительною причиною; онѣ только помогли исполнить предпрїятїе.

Война принесла Францїи двѣсти милїоновъ ливровъ контрибуцїи. — Неудачныя слѣдствїя союза развѣ доказываютъ, что онъ совсѣмъ былъ не нуженъ? Французы умѣютъ грабить и въ мирное время. Если Испанїя, Португаллїя, Голландїя, Италїя каждой годъ платятъ Францїи по двѣсти милїоновъ, которые остаются внутри Государства, то разница еще не велика для Европы, что Германїя заплатила войскамъ великїя суммы; ибо по слѣдствїю военной расточительности большая часть сихъ денегъ возвратилась къ своимъ источникамъ. Побѣды выгодны для Бонапарте, потому что придаютъ блескъ его могуществу; но онѣ разорительны для Французовъ, и для подвластныхъ народовъ; а въ разсужденїи побѣжденныхъ вся разница въ томъ состоитъ, что они потеряли въ одинъ день столько, сколько Бонапарте коварною своею политикою вымучилъ бы у нихъ въ нѣсколько лѣтъ.

Союзъ съ Англїею всегда пагубенъ для неосторожныхъ Государей, которые прини-

маютъ ея сторону — говорятъ тѣже Журналисты; *истина сія подтверждена прежде произшествіями съ Штатгалтеромъ и Королемъ Сардинскимъ, а недавно несчастіями Австріи и низверженіемъ Короля Неаполитанскаго.* Есть ли какое-нибудь отношеніе между связями съ Англіею и неистовствомъ Франціи, которая уже десять лѣтъ опустошаетъ и грабитъ? Четыре упомянутыя Государства изъ угожденія Англіи объявили войну народу спокойному и миролюбивому, или возставали противъ буйной націи? Франція нападала на сосѣдовъ не по той же ли причинѣ, какая заставляетъ бродящій напитокъ литься черезъ край сосуда? Англія, послѣ уже принявшая участіе въ ссорахъ, развѣ виновата, что союзницы ея, о которыхъ сказано выше, не имѣли мужества, ее одушевляющаго?

Почему же первоклассныя Державы принялы вспомогательныя деньги, между тѣмъ какъ Франція, по видимому, дѣйствовала собственными силами, и не заботились о посторонней помощи? Потому что сіи Державы пятьнадцатилѣтнимъ безначаліемъ не покупали права все грабить и расхищать; потому что онѣ свято уважаютъ законы, безпрестанно нарушаемые Французами, и платятъ деньги за вещи, требуемыя для войска, между тѣмъ какъ Французы хватаютъ

всё даромъ. — Не останавливаясь надъ рѣшенїемъ вопроса: *прекратилась ли революцїя во Францїи*, можно утвердительно сказать, что она дѣйствуетъ по правиламъ переворотной республики. Слова изчезли, но вещи остались. Верховная власть не переходитъ отъ одного къ другому; мечь ужаса не въ рукахъ каждаго; но буря злоключенїй, удерживаемая только одною рукою, всегда готова расторгнуть оковы свои, и распространить опустошенїя.

Союзъ со Францїею, по увѣренїю тѣхъ же журналистовъ, *былъ всегда полезенъ Державамъ: свидѣтельствуютъ Баварїя, Виртембергъ, Баденъ* . . . . Ахъ! сїи самые свидѣтели, нынѣ лишенные силы и голоса, доказываютъ противное тому. Если бъ, не нарушая уваженїя къ несчастїю, можно было Владѣтелей Баварскаго, Виртембергскаго и Баденскаго спросить, какїя выгоды они получили, упавъ, такъ сказать, съ высоты Курфиршескаго достоинства Имперїи независимой. . . . Называть счастливыми сїи благородныя отрасли знаменитѣйшихъ предковъ, значило бы безжалостно ругаться надъ ихъ несчастїемъ!

Достаточными доводами уже опровергнутъ коварной упрекъ, будто Россїяне и Австрїйцы служили на Аганнекомъ жало-

ваньѣ. Имѣя чужія войска въ своихъ повелѣніяхъ, разпоряжая ими единственно для своей пользы, Держава можетъ сказать, что содержитъ войска на своемъ жалованьѣ. Такъ въ Американскую войну Англія, заплативъ деньги, посылала восемнадцать тысячь солдатъ Ландъ-Графа Гессенъ-Кассельскаго въ Канаду, до которой Ландъ-Графу не было никакого дѣла. Австрійскій Императоръ, будучи принужденъ вывести на Адижъ 50,000 человѣкъ войска для наблюденія движеній Бонапартевыхъ, имѣлъ право и прежде начатія войны принять отъ Англіи вспомогательныя деньги на издержки, чтобъ съ большею смѣлостію спросить новаго Короля Италіянскаго, къ чему клонятся его предпріятія?

Когда Тюйльерійскій Кабинетъ въ тайнѣ сочиняетъ политическіе романы, которые угодно Фортунѣ производить въ дѣйство, Мониторъ проповѣдуютъ, что сама Мудрость трудится надъ устроеніемъ блага Вселенной; но когда Державы съ своей стороны изобрѣтаютъ средства къ защищенію себя — это, по мнѣнію Французскихъ журналистовъ, *сколы*, *измѣна*, *постыдные переговоры*. Франція, думая, что она одна только имѣетъ право располагать Міромъ, точно такъ поступаетъ съ Европою, какъ человѣкъ, которой, увидѣвъ трудолюбиваго Гол-

ландца, починивающаго свою плотину во время наводненія, сказалъ бы ему: бѣднякъ, оставь свою работу, и не споръ съ Океаномъ!!

Ежели Англіи удастся составить четвертой военной союзъ, то Австрія, потерявшая при первой коалиціи Нидерланды, при второй Италію и лѣвой берегъ Рейна, при третей Тироль, Швабію и Венеціянскія области, безъ сомнѣнія при четвертой лишится своей короны. — Можетъ быть! Но если Англія и Европа съ почтительнымъ молчаніемъ станутъ ожидать исполненія плана, затѣваемаго нынѣ Кабинетомъ Тюйльерійскимъ; то Австрія, какъ сопредѣльная Держава Федеративной Западной Имперіи, тотчасъ подпадетъ игу Феодальному, и сохранитъ свои провинціи не иначе, какъ посредствомъ тяжкаго порабощенія себя, — а это еще горестнѣе, нежели паденіе!

Возвратимся къ Россіи, которую въ Парижѣ *винятъ* за участіе въ военномъ союзѣ. *Три раза составлялись коалиціи противу Франціи*, говорятъ журналисты, *въ правленіе трехъ же разныхъ Государей!* Что жь изъ того слѣдуетъ другое, ежели не то, что Россія три раза была принуждаема поднимать оружіе, и что три раза надлежало отводить опасность?

Императрица ЕКАТЕРИНА II, занимаясь дѣлами, имѣвшими къ Ней ближайшее отношенїе, готовилась присоединиться къ первой коалицїи, и дать ей характеръ того величїя, которой носили на себѣ всѣ Ея дѣянїя: кончина помѣшала исполниться Ея великодушнымъ, мудрымъ начинанїямъ. ПАВЕЛЪ I принялъ на Себя трудъ разполагать второю коалицїею; если Онъ поспѣшилъ въ концѣ 1799 года призвать обратно Свои войска, — причиною тому послѣдовавшая перемѣна во Францїи, а равно и то, что Бонапарте, какъ казалось, обѣщалъ быть столько умѣреннымъ и благоразумнымъ, сколько послѣ явилъ себя честолюбивымъ и буйнымъ. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ принялъ участїе въ третей коалицїи потому, что политика Бонапартева сдѣлалась опаснѣе революцїонныхъ неистовствъ, которыя въ первые два раза усмирять предпринимали.

Послѣ тысячекратныхъ нарушенїй Францїею мирныхъ договоровъ, Санктпетербургскїй Дворъ, кроткїй при самой увѣренности въ своемъ могуществѣ, не только не охотно приступалъ къ новой коалицїи, но даже отправилъ Господина Новосильцова для переговоровъ, которыхъ цѣлїю было возстановленїе тишины и великодушное забвенїе всѣхъ оскорбленїй. Хотя Россїя не имѣла со Фран-

цїею политическихъ сношенїй послѣ уничтоженїя Республики; однакожь, изъ любви къ спокойствїю, препоручила посланной отъ себя дипломатической Особѣ вступить въ переговоры съ Начальникомъ Французской нацїи, которой могъ принять ее какъ обладатель Имперїи.

Вѣроятно, непосредственно за симъ признали бы Наполеона въ новомъ достоинствѣ, хотя Россїя, болѣе нежели кто другой, имѣла право оспоривать оное, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ Австрїя оказала снизхожденїе: но присоединенїе Лигурїи разрушило всю надежду на переговоры. И такъ Санктпетербургскїй Кабинетъ не по наущенїю Англичанъ дѣйствовалъ; ибо Англичанамъ нужна была поспѣшная рѣшительность. Державы, заключившїя потомъ военной союзъ, приняли такїя мѣры, что казалось въ то время, будто Бонапартево честолюбїе само пеклось о выгодахъ Англїи.

Не могши удалить войны, безъ того чтобъ не встрѣтить препятствъ и неудобствъ несноснѣйшихъ, нежели самыя бѣдствїя военныя, Россїя приступила къ благороднымъ мѣрамъ, приличнымъ ея могуществу и положенїю. Договоръ союзный между Англїею и Россїею подписанъ въ Санктпетербургѣ 11 Апрѣля 1805, на условїи не

начинать никакихъ дѣйствій до того времени, пока уполномоченная Особа не возвратится; Господинъ Новосильцовъ принужденъ былъ еще въ Берлинѣ оставить дальнѣйшее путешествіе; 21 Іюля Австрія присоединилась къ союзу — и началась война.

Ежели когда-либо Политика, которой Исторія дѣлаетъ часто справедливые упреки, крошкими своими планами могла стоять выше военнаго искуства, утверждающаго или уничтожающаго сіи планы; то безъ сомнѣнія въ то время, какъ Россія поднимала оружіе за свободу Европы. Ей нужны не завоеванія, не раздѣлы, не побѣды, не исполинскіе планы, не частныя выгоды: освободить Ганноверъ, возвратить независимость Республикамъ Голландской и Швейцарской, удовлетворить Короля Сардинскаго, обезопасить Королевство Неаполитанское, очистить островъ Эльбу, возстановить равновѣсіе въ Европѣ — вотъ чего Россія требовала. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ помышлялъ не о распространеніи Своихъ владѣній, не объ умноженіи числа подданныхъ и сокровищъ — нѣтъ! Онъ искалъ довѣрія Своихъ Союзниковъ, любви народовъ, почтенія Европы, уваженія непріятелей.

На какой конецъ Союзники посылали войска? вопіютъ люди, неимѣющіе никакого

понятія объ отношеніяхъ моральныхъ къ вещественнымъ предметамъ: *съ какою надеждою хотѣли пробиться сквозь три ряда крѣпостей, которыми защищена Французская граница?* Съ надеждою, не завоевать Францію, но остановить управляющаго ею человѣка въ гигантскихъ его затѣяхъ, — заставить Французовъ почувствовать, чего стоитъ имъ безпокойной характеръ начальника, которому они дозволили захватить бразды правленія. — Безъ сомнѣнія, не легко въ одинъ или въ два счастливые похода отнять у Французовъ крѣпости, какобы Майнцъ, Страсбургъ, Тіонвиль и Мецъ; но развѣ Бонапарте, этотъ счастливой солдатъ, совсѣмъ неприступенъ? Кто не знаетъ, что онъ самъ и всѣ его исполинскія усилія подлежатъ превратностямъ Фортуны? Кто нѣсколько разъ терпѣлъ уронъ въ Италіи, кто помрачилъ славу свою, странствуя по пескамъ Сирійскимъ, кто мнимыми побѣдами выморилъ въ Египтѣ лучшее свое войско, и допустилъ истребить флотъ при устьѣ Нила, — тотъ не ужели изъятъ изъ всѣхъ несчастій, и Европа не имѣла ли права покуситься освободить себя отъ несноснаго безпокойства?

Помня о бѣдствіяхъ войны, не должно забывать и объ униженіи, которое заставляютъ сносить въ мирное время. Государи,

подвергнувшіе себя непостоянству счастія военнаго, и при самыхъ неудачахъ сохранили блескъ своего достоинства, болѣе нежели тѣ, которые не отважились явиться на полѣ брани.

Бонапарте, проигравъ рѣшительное сраженіе, былъ бы не что иное, какъ сокрушенный идолъ, какъ Далай-Лама, обнаруживший тайну мнимаго своего безсмертія . . . . Тогда затихли бы восклицанія въ войскахъ, погасла бы ревность доставлять рекрутъ, подвластные народы освободились бы отъ постыдной обязанности давать жалованье Французскимъ солдатамъ . . . . Тогда прекратились бы *усердныя* приношенія, и *патріотическія* пожертвованія; тогда не слышны были бы высокопарныя поздравленія ласкательствующихъ Префектовъ, и похвальныя слова лицемѣрныхъ Епископовъ; тогда истина заступила бы мѣсто обмана, и гигантъ превратился бъ въ обыкновеннаго человѣка. Народъ, которой попеременно то *обожаетъ*, то *ненавидитъ*, не умѣетъ повиноваться съ кротостію; онъ послѣ радостныхъ восторговъ оказываетъ омерзѣніе. Если Французы, одинъ разъ образумившись, узнаютъ, сколь велики ихъ пожертвованія, и въ какомъ они находятся состояніи; тогда очаровательность изчезнетъ, и Франція увѣрится, что она льетъ кровь свою,

истощается для неблагодарнаго, которому предавъ себя всю, не насытила и тѣмъ его честолюбія.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Нумерѣ.)

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Слухи о начавшихся мирныхъ переговорахъ между Англіею и Франціею занимаютъ нынѣ и Журналистовъ и читателей. Не задолго передъ симъ, какъ извѣстно, Лорды Ярмутъ и Элджинъ, Полковникъ Аберкромби и другіе Англичане, которые задержаны были во Франціи, отпущены обратно въ ихъ отечество. Сказываютъ, что они привезли съ собою бумаги съ важными предложеніями отъ Французскаго Правительства, и немедленно отдали оныя Г-ну Фоксу. Сіе обстоятельство еще большее возбудило вниманіе въ публикѣ тѣмъ, что Лордъ Ярмутъ, пробывши нѣсколько дней въ Лондонѣ, опять *отправился* во Францію. Извѣстной Министерской Журналъ Morning-Chronicle полагаетъ, что сей Лордъ поѣхалъ для исправленія собственныхъ дѣлъ. Впрочемъ, утвердительно ничего не сказано; только похваляется осторожность Правительства, которое не объявляетъ до времени, что нужно со-

держать въ тайнѣ. Въ другомъ Журналѣ, Англійскомъ же, написано: „Мы желаемъ мира; Правительство наше того же хочетъ, и старается приближить сію счастливую эпоху: но смѣемъ утверждать, что пока не приобрѣтемъ новыхъ залоговъ, кромѣ тѣхъ, которые уже имѣемъ въ рукахъ своихъ, пока не овладѣемъ всѣми колоніями Французскими и Испанскими, или по крайней мѣрѣ пока не заставимъ ихъ отложиться отъ нынѣшнихъ Правительствъ, пока не истребимъ непріятельскихъ флотовъ, и даже запасовъ приготовляемыхъ въ пристаняхъ, — до тѣхъ поръ наше нынѣшнее Министерство, при всей своей дѣятельности, при всемъ благоразуміи, не получитъ отъ Бонапарте согласія на такой миръ, которой сохранилъ бы независимость нашего отечества, и оставилъ бы при насъ величіе и могущество."

Что ни случится впредь, по крайней мѣрѣ теперь всѣ признаки показываютъ мирное расположеніе Кабинетовъ. Прусаки со Шведами, по видимому, скоро помирятся; войска ихъ стоятъ спокойно на границахъ Лауэнбургскихъ. Между Пруссію и Англіею также идутъ переговоры. Хотя война Пруссіи объявлена въ Лондонѣ торжественно при звукѣ трубномъ; однакожь увѣряютъ, что кровопролитія не будетъ, и что Прусаки *выдутъ изъ Ганновера*. Французскія войска

готовятся оставить Германію, и отдать Австрійцамъ Браунау, потому что споръ за крѣпость Каштаро (которая, по убѣжденію Вѣнскаго Кабинета, возвращена Австрійцамъ, для отдачи кому слѣдуетъ, по силѣ Пресбургскаго трактата) уже не существуетъ. И такъ, почти можно бы смѣло ручаться, что вожделѣнная тишина оживитъ изнемогшую Европу, еслибъ рушитель общаго спокойствія вмѣстилъ свое честолюбіе въ предѣлахъ Франціи. Не говоря о прочемъ; пріятно ли, напримѣръ, Султану, что въ то самое время, какъ Бонапарте на публичной аудіенціи увѣрялъ Посла его въ искренней дружбѣ, Французскія войска занимали Республику Рагузанскую, которая платитъ дань Портѣ, и состоитъ подъ ея покровительствомъ?

Герцогства Веневентъ и Понте-Корво были причиною несогласій между Папою и Фердинандомъ, Королемъ Неаполитанскимъ. Г. Бонапарте, для *уничтоженія* сихъ замѣшательствъ — такъ пишетъ онъ въ посланіи своемъ къ Сенаторамъ — присоединивъ оба Герцогства ко Франціи въ качествѣ помѣстьевъ Имперіи, отдалъ ихъ во владѣніе, одно Министру Талейрану, другое Маршалу Бернадотту, которыхъ наименовалъ Герцогами. Церковной Области и Неаполитанскому Королевству обѣщаны вознагражденія.

Павлина (сестра Наполеонова) и супругъ ея Князь Боргезе успѣли уже сдѣлать весьма прибыточной оборотъ изъ своего имѣнія. Герцогство Гваститалла, очень дешево, какъ извѣстно, имъ доставшееся, продано Королевству Италіянскому за шесть милліоновъ Миланскихъ ливровъ, изъ коихъ 1,500,000 будутъ выданы немедленно, а уплата прочихъ расположена по срокамъ. Титло Герцогское остается при Павлинѣ и ея супругѣ. Сдѣлка самая выгодная!

Испанія при нынѣшнихъ обстоятельствахъ легко можетъ лишиться богатыхъ владѣній своихъ въ Южной Америкѣ. Генералъ Миранда, которому помогаютъ Англичане, есть непріятель весьма опасный для Испаніи. Новѣйшія извѣстія показываютъ, что къ нему присоединилось множество недовольныхъ, и что онъ уже овладѣлъ Луманою и Каракасомъ. Правительства Испанское и Французское обвиняютъ Республику Соединенныхъ Областей, полагая, что она управляетъ дѣйствіями сего Генерала; однако жь извѣстно, что она сама жалуется на несправедливость и притѣсненія Англичанъ, слѣдственно нѣтъ ей нужды споспѣшествовать ихъ намѣреніямъ.

Великобриттанскіе Парламенты занимаются Остъ-Индійскими дѣлами, и разсматри-

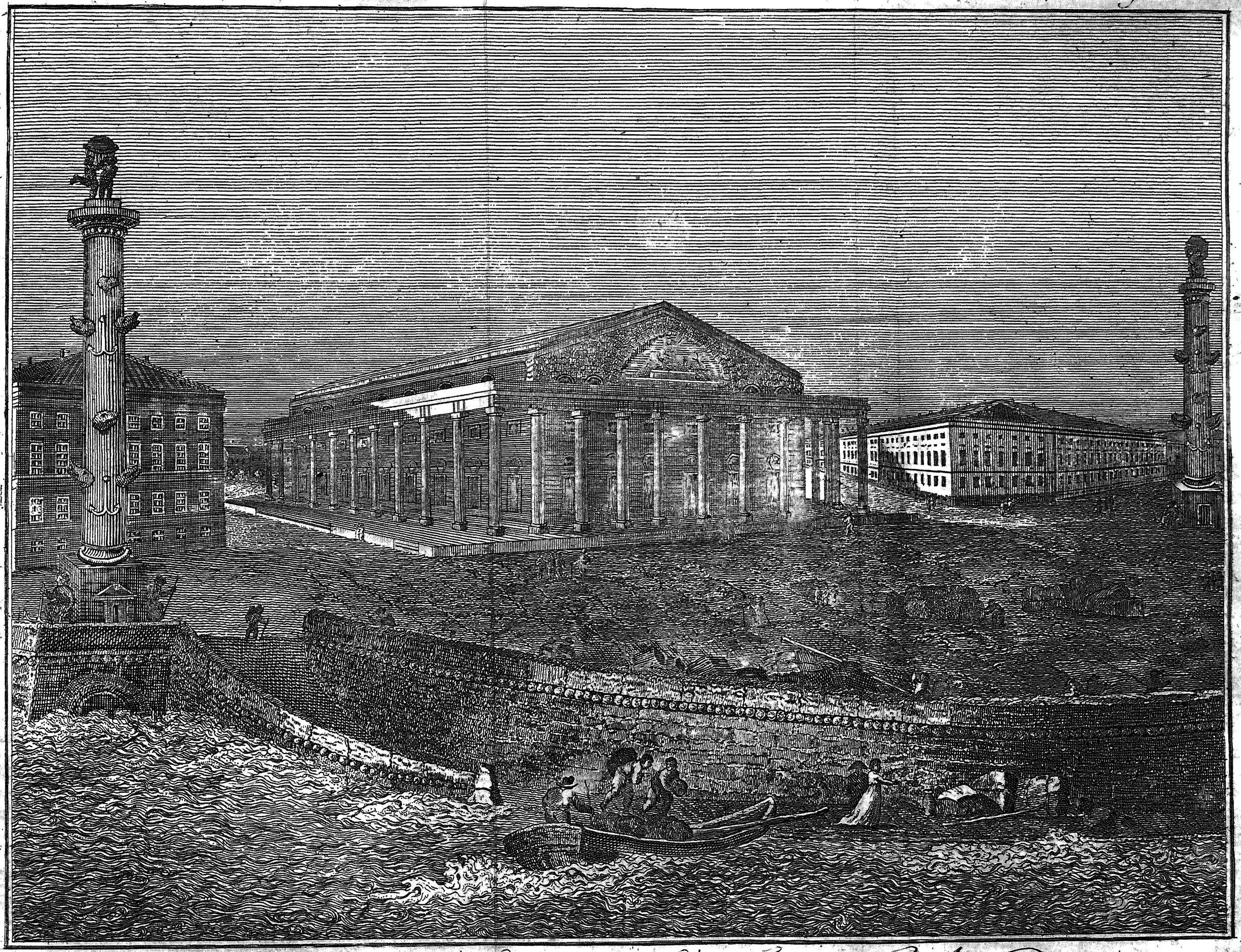
ваютъ поступки прежняго Генералъ-Губернатора, Маркиза Веллеслея, которой грабилъ и обижалъ Удскаго Набоба. Рѣшительно положено отозвать обратно и нынѣшняго Остъ-Индійскаго Генералъ-Губернатора Джорджа Барлова; Король уже подписалъ повелѣніе. Министры хотятъ, чтобы его мѣсто заступилъ Лордъ Лаудердаль, и стараются убѣдить къ тому Компанію. Извѣстно, что Король можетъ отозвать Генералъ-Губернатора изъ Остъ-Индіи: но назначеніе преемника ему зависитъ отъ Директоровъ Компаніи. Другіе утверждаютъ, что въ Остъ-Индію на мѣсто Г-на Барлова отправится Лоръ Говикъ (Грей). — Въ Нижнемъ Парламентѣ были жаркіе споры о предложеніи Г-на Виндама, въ разсужденіи семилѣтняго срока военной службы, и объ уничтоженіи торгу невольниками. — Дѣло Лорда Мельвиля, котораго судили за употребленіе казенныхъ денегъ на частныя надобности, кончилось въ его пользу: Верхній Парламентъ объявилъ его невиннымъ.

Въ Прибавленіи къ No 39 *Сѣверной Пчелы* напечатано было, что Дворъ Вѣнскій согласился пропустить войска Французскія черезъ наслѣдственныя Области въ Истрію и Далматію; что признаетъ всѣ перемѣны, сдѣланныя Французскимъ Правительствомъ въ раз-

ныхъ Государствахъ, равно и тѣ, которыя впредь сдѣланы быть могутъ; что отрекается отъ системы неутралитета, и обязуется держать сторону Франціи, съ кѣмъ бы она ни воевала. — Отъ Издателя *Пчелы* потребовали съ угрозами, чтобъ онъ впредь съ большею разборчивостію помѣщалъ статьи о дѣлахъ политическихъ, и чтобъ опровергъ ложныя извѣстія, въ листкахъ его напечатанныя. Письмо писано изъ Вѣны. Слѣдственно тамошнее Правительство, при всѣхъ неудобствахъ своего положенія, не хочетъ даже, чтобы Европа подозрѣвала его въ тѣсной дружбѣ съ Наполеономъ Бонапарте.

При семъ Нумерѣ картинка.

Ies No 14. Occm. Copen. 1800.



Видъ новой биржи въ С. Петербургѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1806.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Любовь послѣ брака.

Доримонъ вступилъ въ свѣтъ, имѣя всѣ качества, которыми обращаютъ на себя вниманіе модныхъ обществъ. Природа щедро осыпала его своими дарами; воспитаніе обработало ихъ, и довело до совершенства. Доримонъ былъ красивъ, уменъ, плѣнялъ своими талантами, любилъ науки и художества, и даже могъ разговаривать о нихъ со знатоками. Каждой старался заслужить его одобреніе, каждой искалъ его благосклонной улыбки — столько-то имѣли довѣрія къ его тонкой разборчивости! Молодые люди получаютъ два воспитанія: сперва они учатся у своихъ наставниковъ; потомъ достаются въ руки женщинъ. Доримонъ, окончивъ оба курса учебные, бросился

въ вихрь свѣтскихъ приключеній. Красавицы любили его сперва за томную нѣжность, которая до крайности плѣнительна въ новичкѣ; потомъ за *непостоянство*, которое также имѣетъ свои выгоды, предохраняя молодаго человѣка отъ неотвязчивости. Ловкой Доримонъ не упускалъ ни одного слова, ни одного взгляда, обѣщающаго побѣду; за то уже по первому знаку къ отступленію немедленно оставлялъ свою добычу, не ожидая отказа. Вотъ совершенство любовной науки! Доримонъ наслаждался плодами своего искуства. Нѣсколько лѣтъ съ ряду жизнь его была не что иное, какъ цѣпь удовольствій, или покрайней мѣрѣ тріумфовъ. Онъ прошелъ всѣ три степени славы, принадлежащей героямъ волокитства: то есть, чувствительности, любезности, опытности, — послѣдняя бываетъ продолжительнѣе другихъ, даже и у женщинъ.

Но слава и удовольствія не защищаютъ отъ скуки. Бывали минуты, въ которыя Доримонъ чувствовалъ какую-то тягость, — не отъ усталости, но отъ пресыщенія. Въ такомъ непріятномъ расположеніи духа, въ одинъ вечеръ онъ пріѣхалъ домой передъ ужиномъ. Занимаясь побѣдами и славою нашего героя, мы-было забыли, также какъ и самъ Доримонъ, что онъ имѣлъ супругу; къ стати теперь вспомнимъ о ней. Празд-

ный Доримонъ, искавши глазами по комнатѣ самъ не зная чего, вдругъ вскричалъ: *ба*! какъ человѣкъ, которому пришла въ голову нечаянная мысль; тотчасъ позвалъ слугу, и велѣлъ справиться, можетъ ли Г-жа Доримонъ принять его. Слуга, изумленный такимъ приказаніемъ, не вѣря ушамъ своимъ, просилъ Господина повторить сказанныя слова, и тогда уже рѣшился исполнить повелѣніе — однакожь все еще съ недовѣріемъ и боязнію.

Г-жа Доримонъ была любезна, и даже красавица. Возложивъ на себя супружескія *цѣли*, и такимъ образомъ сдѣлавшись совершенно *свободною*, она увидѣла, что надобно выбрать любое — или пользоваться выгодами свободы, или жить въ одиночествѣ. Молодая женщина въ такомъ случаѣ знаетъ на что рѣшиться. Г-жа Доримонъ, можетъ быть скучая уединеніемъ, являлась въ обществахъ; тамъ видѣлась иногда съ мужемъ своимъ, но никогда не искала его. Они совсѣмъ не думали другъ о другѣ, слѣдственно не было никакой надобности ни искать, ни прятаться. Г-жа Доримонъ была совершенно спокойна, и сердце ея не вѣдало, имѣетъ ли она мужа. До свадьбы они видѣлись весьма рѣдко, а послѣ свадьбы — еще рѣже. Не мудрено догадаться, что Г-жа Доримонъ занималась средствами нравиться людямъ,

съ которыми проводила время. Будучи умна и пригожа, легко находила удовольствія, если не для сердца, то покрайней мѣрѣ для суетности.

Можетъ быть Г-жа Доримонъ находилась въ такомъ же расположеніи духа, какъ и мужъ ея, когда онъ прислалъ спросить, можно ли съ нею видѣться. Крайне удивясь такому неожиданному вопросу, она не смѣла даже толковать его значенія, и велѣла сказать, что приметъ съ удовольствіемъ Г-на Доримона. Онъ является; спрашиваетъ, не безпокоитъ ли своимъ посѣщеніемъ, и садится. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, зашла рѣчь о погодѣ, о дневныхъ новостяхъ. Разговоръ, впрочемъ ничего незначущій и не занимательный, продолжился нѣсколько времени, потому что оба разговаривающіе умѣли сдѣлать его пріятнымъ. Г. Доримонъ примѣтилъ, что уже поздно. Г-жа Доримонъ велѣла запирать двери. Онъ попросилъ дозволенія съ нею отужинать. „Вамъ не понравится мой ужинъ — отвѣчала хозяйка; однако жь, если вы соглашаетесь, я очень рада.“ — Накрыли на столъ; ужинъ былъ очень веселой, хотя и нешумной; тихое удовольствіе имѣло для нихъ какую-то новость; мужъ и жена плѣнялись взаимною любезностію; одинъ и другая внутренно радовались новому знакомству; часы непримѣтно про-

текали, и Доримонъ разстался, будучи весьма доволенъ симъ свиданіемъ.

Спустя два дни, Доримонъ готовился ѣхать на званой концертъ; уже ввечеру поздно пришли увѣдомить его, что концертъ отложенъ до другаго времени. Чѣмъ заняться до ужина? Сказать правду, ему не трудно было бы найти себѣ забаву, но по счастью опять онъ вспомнилъ о Г-жѣ Доримонъ, которая въ этотъ день была нѣсколько нездорова. Онъ отправилъ къ женѣ своей записку съ прозьбою, о дозволеніи провести съ нею вечеръ до ужина. Предложеніе принято весьма благосклонно; Доримонъ былъ еще любезнѣе, нежели прежде. Насталъ часъ ужина; Г-жа Доримонъ сама уже просила его остаться. Г. Доримонъ, давъ слово быть въ другомъ мѣстѣ, но желая угодить милой своей супругѣ, согласился исполнить ея требованіе. Разговоръ былъ столько же занимателенъ, какъ и прежде, но гораздо свободнѣе. „Не правда ли — сказала Г-жа Доримонъ смѣясь, что тамъ, гдѣ ожидали васъ, никакъ не отгадаютъ, кому вы пожертвовали даннымъ словомъ?“ — Г. Доримонъ улыбнулся, и спустя минуту, отвѣчалъ: Я хочу открыть вамъ, сударыня, мое мнѣніе, въ которомъ можетъ быть найдете болѣе чистосердечія, нежели учтивости. Повѣрите ли, что послѣ вашей свадьбы

вы сдѣлались несравненно любезнѣе! — „Послѣ моей свадьбы? Прекрасно! если не ошибаюсь, свадьба моя была въ одно время съ вашею.“ — Я знаю; но вы не можете себѣ представить, какая счастливая перемѣна послѣдовала съ вами съ того времени. Простите мою искренность, сударыня! въ васъ было тогда что-то принужденное, какія-то монастырскія ухватки . . . . а теперь васъ нельзя узнать. Не скажу, чтобы вы тогда были умнѣе . . . . даже на лицѣ вашемъ разцвѣли новыя прелести. — „Не имѣя намѣренія платить вамъ за учтивость — отвѣчала Г-жа Доримонъ — признаюсь, я думала о васъ то же самое, что теперь вы обо мнѣ сказали. Однакожь — прибавила она, спохватившись — если бъ кто-нибудь подслушалъ нашъ разговоръ, то посмѣялся бы надъ нами. Право, это походитъ на любовное открытіе!“ — Клянусь вамъ, сударыня! что вы перемѣнились; я готовъ повторить . . . . . — „Передъ свидѣтелями? это было бы соблазнительно.“ — Такимъ образомъ разговоръ продлился долѣе, нежели надѣялись. Г-жа Доримонъ, взглянувъ на часы, объявила мужу, что пора уже разстаться, и примолвила съ ласковою улыбкою: „наступилъ часъ непозволенной!“ Г. Доримонъ, уже простившись съ хозяйкою, воротился назадъ, и спросилъ: Я обыкновенно по утру одинъ пью шоколадъ, и всегда

скучаю: не дозволите ли мнѣ позавтракать съ вами? — „Какъ вамъ угодно“ — отвѣчала Г-жа Доримонъ. Они разстались.

На другой день мужъ и жена завтракали вмѣстѣ. Доримону пришло на мысль, что частыя посѣщенія могутъ показаться подозрительными, и онъ готовъ былъ потребовать отъ своего камердинера обѣщанія не разглашать тайны. Завтракъ окончился очень весело. Г-жа Доримонъ смѣялась и даже шутила; оба признались, что вмѣстѣ завтракать гораздо веселѣе, нежели порознь. На другой и на третій день происходило то же. Въ одно утро Доримонъ сказалъ: „Мы ужинали съ вами два раза, и кажется ни вы, ни я не скучали; я былъ бы очень радъ, если бъ опять . . . .“ — Съ охотою. — „Не льзя ли нынче же?“ — Въ вечеру мужъ и жена въ третій разъ ужинали вмѣстѣ. Разговоръ былъ еще занимательнѣе. Они уже не расточали острыхъ словъ, менѣе говорили, чаще взглядывали другъ на друга. Г-жа Доримонъ примѣтила, что становилось поздно, — но на часы не смотрѣла. Г. Доримонъ жаловался на лѣность, и говорилъ, что имѣетъ нужду въ отдыхѣ. Словомъ сказать, наши супруги разстались не въ вечеру, но по утру, напившись шоколаду. Доримонъ, восхищенный новою побѣдою, въ тотъ же день отправил-

ся съ женою въ деревню, гдѣ провелъ нѣсколько дней очень весело, безъ праздниковъ, безъ баловъ, безъ музыки. Сказываютъ, что онъ еще далѣе простеръ свою *безразсудную дерзость*: приѣхавши изъ деревни, явился въ Оперѣ съ Г-жею Доримонъ, и сидѣлъ вмѣстѣ съ нею въ своей ложѣ! Вотъ до чего доводитъ одна минута неосторожности! Вступаешь въ связь непримѣтнымъ образомъ; спохватишься на концѣ дороги, но поздно, то есть въ то время, когда не льзя уже назадъ воротиться!!

Имберъ.

II.

О происхожденіи и нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ Вендовъ, или Вандаловъ Лузатскихъ.

Большая часть Лузаціи (Лаузица), лежащей въ Сѣверной Германіи между Шлезіею, Богеміею, Миснією (Мейссеномъ) и Маркъ-Брандербургомъ, населена потомками тѣхъ древнихъ Вендовъ, или Вандаловъ, которые занимали нѣкогда пространство между Эльбою, Одеромъ и Вислою, и которые прославились своими переселеніями и прохожденіями чрезъ богатѣйшія провинціи Римской Имперіи даже до Африки. Сіи народы произошли не отъ Тевтоновъ, но были одно-

родцы тѣмъ многочисленнымъ, воинственнымъ, частїю живущимъ кочевьями, частїю упражнявшимся въ землепашествѣ, племенамъ, которыхъ древнѣйшїе Писатели, смѣшивая со множествомъ другихъ народовъ, называли общимъ именемъ Скиѳовъ, — которыхъ уже во времена Плинїевы начали отличать отъ Германскихъ народовъ, и называть Сарматами (*), — которыхъ границы старался опредѣлить Тацитъ, и которыхъ позднѣйшїе Писатели Римскїе называютъ Славами; подъ симъ именемъ они извѣстны были въ среднихъ вѣкахъ. Наши Историки не всегда различали Славянъ отъ народовъ Германскихъ и Цельтическихъ, которыхъ также не должно смѣшивать между собою. Нѣкоторые новѣйшїе Писатели въ изслѣдованїяхъ своихъ приняли старинную ошибку въ разсужденїи Цельтовъ и Скиѳовъ, и почитая ихъ за одинъ народъ, по прежнему называли Цельто-Скиѳами, — хотя Страбонъ упоминалъ имя сїе для примѣра, чтобы показать, какъ мало знали тогда Европу. Нынѣ стоитъ только предпринять путешествїе по сей части Свѣта, или узнать начала нѣкоторыхъ употребительныхъ языковъ, и тотчасъ можно увѣриться, что языки раздѣляются на три великїя семейства, по различїю происхожденїя народовъ.

(*) См. Плин. Кн. IV, Гл. 12.

Племена Цельтическія приняли языкъ Римлянъ, своихъ повелителей, можетъ быть потому, что онъ имѣлъ съ ихъ языкомъ большее сходство, нежели вообще думаютъ. Сіи племена и языкъ ихъ смѣшались съ народами Германскими въ Англіи, въ древней Белгіи, и даже въ Нижней Бретани, въ которой, равно какъ и въ Княжествѣ Валлисскомъ, множество употребляется словъ Нѣмецкихъ; можетъ быть остатокъ настоящихъ Цельтовъ и языка ихъ сохранился между горами Шотландскими. Германскія племена теперь могутъ разумѣть своихъ однородцовъ, живущихъ въ Исландіи, Норвегіи, Швеціи, Даніи, Швейцаріи и Австріи; они въ Сѣверной Германіи взяли верхъ надъ Славянами, а въ Южной Швеціи надъ Финнами, особливымъ народомъ, которой нынѣ обитаетъ въ сѣверныхъ частяхъ Европы и Азіи, но прежде занималъ обширнѣйшія пространства, — ибо Венгры, поселившіеся въ областяхъ, нынѣ ими обитаемыхъ только съ 894 года, суть отрасль Финновъ. Славяне занимаютъ большую часть Европейской Россіи, Польшу, Моравію, нѣсколько другихъ Австрійскихъ провинцій (*), также Славонію, Сербію и Далматію. Они завоевали сіи Области у Римлянъ, когда западная Имперія начинала кло-

(*) Каринтію, Стирію, Фріуль и проч.; здѣсь они называются Виндами.

ниться къ упадку. Со временъ Константина Венды поселились въ Дакіи и Панноніи. Нарѣчія всѣхъ сихъ народовъ весьма сходны между собою, но разнятся отъ прочихъ языковъ. Тацитъ сомнѣвался, принадлежатъ ли Венды къ Сарматамъ, или нѣтъ; нѣкоторые новѣйшихъ временъ Писатели также сомнѣвались въ томъ, слѣдуя Римскому Историку. Но стоитъ сравнить языкъ сего народа съ нарѣчіями языка Славянскаго, чтобъ увидѣть, сколь они сходны между собою. Вотъ первые два стиха изъ Вендской Библіи, напечатанной въ Баутценѣ, главномъ городѣ Лузаціи, 1742 году:

1. W ſpoczatku ſtwori Boh nebeſſa a ſemiu.
2. A ſemia bieſche puſta a proſna, a czma bie na wobokoszi, a Bozi Duch lietaſche na wodach.

То же самое на Польскомъ языкѣ:

1. Na poczatku ſtworzyl Bog niebo y ziemie.
2. A ziemia byla nekształtowna y proſna, y ciemnosc byla nad przepaſcia: a Duch Bozy unaszal sie nad wodami.

(Прилагаемъ и Славянской переводъ изъ нашей исправленной Библіи:

1. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.
2. Земля же бѣ невидима, и не устроена: и тма верху бездны: и Духъ Божій ношашеся верху воды.)

Впрочемъ, кажется, что Вендами назывались вообще многіе народы, жившіе въ союзѣ, и что каждой изъ нихъ имѣлъ кромѣ того особое имя. Жители Лузаціи, которыхъ Нѣмцы называютъ Вендами, сами себя именуютъ Сербами; имя сіе переселившимися народами перенесено въ страны отдаленныя. Извѣстные Сербы, которые нынѣ воюютъ съ Турками, и о которыхъ часто упоминается въ газетахъ, суть новидимому отдѣленное племя Вендовъ. Можетъ быть слѣды Азіятскаго происхожденія сихъ народовъ — о которыхъ Геродотъ оставилъ намъ память, и которыхъ начало надлежитъ относить къ древнимъ Скиѳскимъ переселеніямъ — сохранились до временъ Плинія и Птолемея, полагающихъ Сербовъ, или Сирбовъ, между рѣками Дономъ и Волгою.

Карлъ Великій держалъ въ послушаніи Вендовъ Сѣверной Германіи; но въ царствованіе слабыхъ потомковъ сего Монарха, они безпрестанно дѣлали нападенія на своихъ сосѣдовъ. Арноулъ призвалъ въ помощь себѣ Венгровъ, которые потомъ разорили Германію; въ сіе-то время Венгры заняли мѣста, гдѣ нынѣ обитаютъ. Наконецъ Генрихъ I, прозванный Птицеловомъ, поражалъ Вендовъ нѣсколько разъ отъ 927 года до 931. Онъ поселилъ Нѣмцовъ въ Сѣверной Саксоніи, и построилъ крѣпости для защищенія своихъ

владѣнїй отъ набѣговъ сихъ племенъ воинственныхъ. Такимъ образомъ Государство ихъ мало по малу ослабѣло, потомъ было покорено Германїи, наконецъ совсѣмъ уничтожилось въ 1152 году по смерти Пребыслава, послѣдняго Короля ихъ, жившаго въ Брандебургѣ. Теперь не осталось ниже слѣдовъ сихъ народовъ въ Сѣверо-Западной части Германїи, откуда Венды совсѣмъ выгнаны; въ Верхней Саксонїи Нѣмцы мало по малу усилились; черезъ триста лѣтъ не осталось ниже языка Вендскаго, которой сохранился только въ Лузацїи, потому что сїя область до 1635 года принадлежала къ Богемїи, населенной, какъ извѣстно, также Славянами.

Лузатскїе Сербы, находящїеся нынѣ въ подданствѣ Курфирста Саксонскаго, съ древнимъ языкомъ сохранили многїя обыкновенїя, напоминающїя обряды стариннаго богопочитанїя; которое оставлено ими въ десятомъ вѣкѣ, по принужденїю Отона Великаго, сына Генрикова.

Венды почитали, кромѣ другихъ идоловъ, *Чернобога*, то есть злаго бога. Есть въ Лузацїи гора, и теперь извѣстная подъ симъ именемъ; вѣроятно, на ней былъ храмъ, или по крайней мѣрѣ статуя сего божества. Идолъ обыкновенно имѣлъ на-

ружность чернаго цвѣта, и держалъ въ одной рукѣ молнїю, въ другой — родъ копья или рогатины. Передъ обѣдомъ дѣлали возлїянїе въ честь *Чернобога*.

Сїи народы, начиная годъ свой отъ весенняго равноденствїя, обыкновенно отправляли такъ называемый *праздникъ мертвыхъ*; при чемъ совершали торжественной ходъ, неся надъ головами колоссальную фигуру соломенную, которая означала *зиму* и *смерть*; ее бросали въ воду, или въ огонь. Подобные ходы отправляются и нынѣ въ деревняхъ Лузатскихъ, даже въ Саксонїи, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Богемїи. Въ округахъ, гдѣ обрядъ сей сохранился ненарушимо, поютъ въ продолженїе хода: „Несемъ смерть за городъ; возвращаемъ весну къ себѣ; здравствуй весна веселая! здравствуйте нивы зеленыя!“ и проч.

Другой великой праздникъ древнихъ Вендовъ посвященъ былъ жатвѣ; его обыкновенно торжествовали въ осеннее равноденствїе. Народъ собирался передъ истуканомъ бога *Свѣтовида*, которой былъ величиною двенадцати футовъ, имѣлъ четыре головы съ длинными бородами; грудь его покрыта была бронею, а на боку висѣлъ длинной мечь; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ лукъ со стрѣлами, въ правой — сосудъ,

подобный рогу. При торжествованіи жатвы наполняли рогъ сей виномъ, которое надлежало хранить до другаго праздника. Если вино въ сосудѣ уменьшалось, это предзнаменовало неурожай въ наступающемъ году. Въ такомъ случаѣ жрецы увѣщевали народъ быть воздержнымъ, и повелѣвали очищаться отъ грѣховъ. Пиршествами и плясками сопровождались праздники по благополучномъ окончаніи года. Теперь ни идолы, ни обрядъ рога уже не существуютъ; но торжество до сихъ поръ отправляется подъ именемъ *пляски похвалы* (то есть богу).

Не далеко отъ Баутцена показываютъ мѣсто въ рѣкѣ Шпре, куда брошенъ истуканъ съ высокой горы, при уничтоженіи идолопоклонства; память о подобномъ произшествіи, по видимому, сохранилась въ окрестностяхъ села Оберъ-Одервица. Это подтверждается слѣдующимъ обыкновеніемъ: въ Троицынъ день молодые люди изъ окружныхъ деревень собравшись на гору, откалываютъ большія каменныя глыбы, и спускаютъ ихъ въ рѣку. Въ другое время никто не всходитъ на гору.

Среди сихъ памятниковъ древняго язычества находится Геррнгутъ, главное селеніе Моравскихъ братьевъ, которые дѣй-

ствительно въ братскомъ обществѣ своемъ строго наблюдаютъ законы благонравія. Въ семъ мѣстечкѣ, совсѣмъ на другія не похожемъ, люди разныхъ націй, соединенные горячимъ усердіемъ къ вѣрѣ, живутъ вмѣстѣ на общемъ содержаніи, и питаются отъ своего трудолюбія. У нихъ построенъ особливой домъ для братьевъ женатыхъ, другой для сестеръ незамужнихъ, третій для братьевъ неженатыхъ; въ каждомъ домѣ обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ; живущіе въ послѣднихъ двухъ спятъ въ общихъ комнатахъ. Каждой домъ имѣетъ общую храмину для моленія; кромѣ того всѣ собираются въ церковь, гдѣ благочестивыя души въ пѣсняхъ доброгласныхъ возносятъ хваленія ко Творцу міра, и гдѣ почтенные старцы младшую братію свою поучаютъ добродѣтели. Обряды ихъ просты, но трогательны; одежда — самая смиренная; жизнь — заботливая и тихая; страсти невинны въ семъ обиталищѣ мира и братолюбія. Кладбище Геррнгутское есть прелестной садъ, котораго мѣстоположеніе живописно. Сіе общество, поселившееся здѣсь не прежде 1717 года, ежегодно продаетъ собственныхъ издѣлій почти на милліонъ Французскихъ ливровъ. Часть выручаемыхъ денегъ употребляется на содержаніе проповѣдниковъ, находящихся во всѣхъ краяхъ свѣта. Въ Гренландіи учреждено

общество, въ которомъ считается около тысячи душъ; кромѣ того Моравскіе братья завели свои колоніи въ Шлезіи, въ Саксоніи, въ Герцогствѣ Шлезвигскомъ, въ Англіи, въ Швеціи и въ Соединенныхъ Областяхъ Американскихъ (*).

Венды строгостію благонравія не походятъ на Моравскихъ братьевъ. Любятъ роскошь и шумныя удовольствія. Женщины ихъ расточительны въ нарядахъ: въ воскресные дни и праздники онѣ надѣваютъ вдругъ по нѣскольку корсетовъ, одинъ другаго красивѣе и богаче. Въ каждой деревнѣ по праздничнымъ днямъ жители собираются во множествѣ, и проводятъ время въ пляскахъ при звукѣ трехструнной скрипки и волынки. Любимая пляска ихъ есть родъ балетнаго вальса. Во время сельскихъ работъ своихъ поютъ общенародныя пѣсни, которыя дышатъ веселостію, или по крайней мѣрѣ удовольствіемъ; извѣстнѣйшая начинается слѣдующимъ образомъ: „Будь веселa, Аннушка! нѣтъ нужды, что ты не „посѣяла ни зерна хлѣба.“ Пастухи играютъ на флейтѣ, и часто вызываютъ другъ друга на споръ, подобно древнимъ Сицилійскимъ или Аркадскимъ.

(*) И въ Россіи. *И.*

Свадьбы у нихъ торжествуются съ веселостію, съ пышностію сельскаго гостепріимства. Другъ жениховъ, съ вѣнкомъ на головѣ, перевитый лѣнтами, на черномъ конѣ, также въ лентахъ, ѣздитъ по окружнымъ деревнямъ для приглашенія гостей; иногда самъ женихъ ему сотовариществуетъ. Въ день свадьбы женихъ одѣтъ бываетъ въ черное платье; невѣста имѣетъ на головѣ очень высокой, золотыми звѣздочками усѣянной чепецъ, а на шеѣ ожерелье изъ старыхъ серебряныхъ денегъ. Многія подруги, точно такъ же убранныя, провожаютъ ее въ церковь; прочее собраніе слѣдуетъ за ними; двѣ пожилыя женщины отправляютъ должность матери, которая дома приготовляетъ пиршество. Сіи женщины несутъ корзинки съ пирогами, и потчиваютъ предстоящихъ. Во многихъ селеніяхъ каждой изъ гостей, составляющихъ свиту, несетъ кружку съ пивомъ, которое подноситъ встрѣчающимся на улицѣ; въ другихъ мѣстахъ обычай требуетъ нести въ рукахъ по трости. Кажется, что въ старину вмѣсто тростей употребляемы были мечи; еще и теперь другъ жениха, приглашающій гостей, на сей случай привѣшиваетъ себѣ предлинную саблю. На столъ за обѣдомъ обыкновенно подаютъ холодныя блюда съ мясомъ. Пиршество оканчивается веселою пляскою.

Венды вообще гостепріимны. Въ достаточныхъ домахъ всегда лежитъ на столѣ хлѣбъ для бѣдныхъ. Въ праздники угощаютъ всѣхъ проходящихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ.

Нѣмцы, которые часто принимаютъ въ свою службу Вендовъ, не могутъ нахвалиться ихъ вѣрностію, опрятствомъ и прилѣжаніемъ.

Между молодыми Сербами остались воинскія игры — метаніе стрѣлъ или копей въ цѣль, бросаніе камней, борьба. Вызывая на борьбу обыкновенно говорятъ: *выходи одинъ на одинъ!* Изъ сихъ молодыхъ людей бываютъ превосходные солдаты.

Таковъ остатокъ народа, котораго имя сдѣлалось у насъ однозначительнымъ съ *варварами*, отчасти по недоразумѣнію, а отчасти по дѣйствію случая, потому что Римскіе Историки весьма жалуются на корыстолюбіе сихъ народовъ, похитившихъ изъ Италіи всѣ мастерскія произведенія искуствъ, и что корабль, плывшій въ Африку съ симъ грузомъ, погибъ въ морѣ. Одинъ ученой Нѣмецъ написалъ весьма любопытное Разсужденіе, въ которомъ доказываетъ, что названіе *Вандализма*, данное разрушительному неистовству Французскихъ

террористовъ, гораздо оскорбительнѣе для памяти древнихъ Вендовъ, нежели для изверговъ, которыхъ думали обезславить симъ наименованіемъ.

(*Съ Франц.*)

III.

О бѣдности Поэтовъ.

Уже тысячу разъ было говорено и повторяемо, что бѣдность неразлучна съ Поэзіею. Какой-то Авторъ вздумалъ даже подать благоразумной совѣтъ родителямъ, чтобы они какъ можно старались таить отъ дѣтей судьбу Ученыхъ; ибо, по его мнѣнію, бѣдность, всегдашній товарищъ сихъ *несчастныхъ*, сдѣлаетъ весьма вредное впечатлѣніе въ молодыхъ людяхъ. Бальзакъ пишетъ объ одномъ Королевскомъ любимцѣ, которой хвалился тѣмъ, что двенадцать Поэтовъ, бывшихъ въ его службѣ, умерло съ голоду. Это ужасно! но можно ли повѣрить сему? Неспорно, если подъ именемъ Поэта разумѣетъ онъ всякаго площаднаго рифмотворца; впрочемъ, бѣда не великая, умираютъ ли съ голоду такіе пѣвцы, или не умираютъ. Что жь касается до истинныхъ, слѣдственно рѣдкихъ Поэтовъ, — можно смѣло утверждать, что Музы имѣютъ

попеченіе объ ихъ жребіи, и не допускаютъ, чтобы они терпѣли нужду.

„Гомеръ былъ нищій!“ такъ говорятъ по большой части; нѣкто Іосифъ Барбарій даже не полѣнился написать толстую книгу De miseria Poëtarum Graecorum, *о бѣдности Греческихъ Поэтовъ.* — Хорошо! за то Соломонъ былъ Царь; онъ сочинялъ высокія Пѣсни, и — жилъ въ изобиліи. А Фридрихъ Великій, нашъ Сѣверный Соломонъ, развѣ былъ не Поэтъ?

Но — скажутъ опять — сіи Поэты не Стихотворству обязаны своимъ счастіемъ!

А Вольтеръ, *владѣлецъ* Фернейскій? . . . Не Музы ли соорудили ему замокъ? — А Бензерадъ, жившій при Дворѣ Лудовика XIV, — Бензерадъ, о которомъ воспѣлъ одинъ изъ его современниковъ: „О ты три краты блаженный! ты шутишь надъ вельможами, и не боишься ихъ ненависти; страстно любишь древнихъ, и надъ тобою не смѣются; пишешь стихи, и собираешь сокровища!“

А Мольеръ, сынъ обойщика, — Мольеръ, которому Ѳалія приносила 30,000 ливровъ годоваго доходу?

А Пріоръ, Англійскій Поэтъ, сынъ столяра, племянникъ трактирщика, слу-

жившій мальчикомъ въ домѣ своего дяди? Лордъ Дорсетъ, замѣтивъ дарованія въ немъ, отдалъ его учиться, — и Пріоръ отправлялъ важнѣйшія Государственныя должности.

А Попе, которому переводъ Иліады принесъ 200,000 фунтовъ стерлинговъ? А Гольдони, которой оставилъ Ѳемиду для Ѳаліи, — и былъ счастливъ?

Сколько можно бы насчитать Стихотворцевъ, которыхъ Музы, единственно Музы надѣлили богатствомъ! Я не упомянулъ ни объ одномъ изъ Нѣмецкихъ Поэтовъ, — сказать правду, потому что ни одного такого не знаю. Виландъ не богатъ; Шиллеръ былъ еще не богаче. Нельзя утверждать, чтобы хорошій Нѣмецкій Поэтъ терпѣлъ крайнюю нужду; однакожь вѣрно Муза у насъ никому не построитъ замковъ. Впрочемъ несправедливо было бы винить въ томъ Стихотворство. Только Германія подлежитъ изключенію изъ общаго правила, именно потому, что знатныя особы стыдятся своего отечественнаго языка, что онѣ лучше разумѣютъ Французской, нежели Нѣмецкой, и что почти при всѣхъ Дворахъ говорятъ только на первомъ. Однакожь не всегда было такъ, и не всегда будетъ. Мы имѣемъ Разсужденіе одного ученаго Лейпцигскаго Профессора Бема, на-

печатанное 1756 года подъ титуломъ: De insigni favore Maximiliani I Imperatoris in Poësin, то есть *Объ отличномъ благоволенїи Императора Максимилїана I къ Стихотворству.* Сїе сочиненїе достойно оставаться въ памяти вопервыхъ потому, что оно утѣшительно для бѣдныхъ Стихотворцовъ, вовторыхъ — что хорошо написано.

Коцебу.

IV.

Замѣчанїя на новую книгу: Опытъ о наукѣ быть счастливымъ (*).

Научить людей быть счастливыми, значитъ оказать важную услугу человѣчеству — если только можно тому научиться.

Г. Дрозъ, извѣстный уже по нѣкоторымъ трудамъ своимъ, а особливо по Роману подъ титуломъ: *Лина*, не побоялся писать *о счастьи*, не смотря ни на множество сочиненїй о семъ предметѣ, ни на безполезность подобныхъ сочиненїй.

Авторъ удивляется, что до сихъ поръ не заведены Академїи и Коллегїи, въ которыхъ была бы преподаваема *Наука сдѣ-*

(*) Essai sur l'art d'être heureux. Par Ioseph Droz. Paris. 1806.

латься счастливымъ, и что не назначены награды для распространенія сей науки, столь необходимой для человѣческаго рода .... Не ошибается ли Г. Авторъ? всѣ Академіи основаны именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по возможности доставить сколько-нибудь счастія человѣчеству. Всѣ награды, назначаемыя за науки, за полезныя изобрѣтенія, за труды механическіе, что иное суть, какъ не награды за распространеніе *Науки счастья*?

Всѣ Трактаты о нравственности, начиная со временъ Эпиктета и Плутарха до нашихъ дней, суть въ самомъ дѣлѣ Трактаты *о способахъ быть счастливымъ*. Можно написать множество превосходныхъ правилъ относительно къ сему предмету; но счастіе зависитъ не отъ того, какъ мы о немъ думаемъ, а отъ того, какъ поступаемъ. Сія истина очень проста; мы всѣ увѣрены въ ней, хотя не всѣ соображаемъ съ нею свое поведеніе. Разумъ показываетъ дорогу: страсти, обстоятельства, привычки, ежеминутно заставляютъ насъ отъ нее уклоняться.

Video meliora probo que —
Deteriora ſequor.

Въ чемъ состоитъ счастіе? Всѣ Философы и Г. Дрозъ отвѣчаютъ: въ добродѣтели. Въ чемъ состоитъ добродѣтель?

въ навыкѣ дѣлать добро. Изъ того слѣдуетъ, что человѣкъ, имѣющій хорошія привычки, есть счастливѣйшій. Но всегда поступать по хорошимъ своимъ привычкамъ очень трудно — а въ томъ все дѣло!

Между тѣмъ каждой изъ насъ смотритъ на *счастье* съ особой точки зрѣнія; перемѣнивъ мѣсто, видимъ *счастіе* въ другомъ образѣ. Маркиза Дюшатле, на примѣръ, которая оставила намъ свои разсужденія о *счастіи*, говоритъ о себѣ, что „она пишетъ для свѣтскихъ людей, имѣющихъ вѣрной хорошій доходъ, — словомъ, для людей, которые *не стыдясь могутъ оставаться при своемъ состояніи* . . . .“ — Она совѣтуетъ, если они охотники до вкусныхъ блюдъ, какъ можно болѣе объѣдаться, потомъ отъ неваренія въ желудкѣ лѣчиться воздержаніемъ: это средства быть счастливымъ!

И такъ бѣдная Маркиза увѣрена, что небогатый человѣкъ *не стыдясь, не можетъ оставаться при своемъ состояніи* . . . . Она девяносто девять частей человѣческаго рода осуждаетъ къ стыду и несчастію! Хотя Мораль ея господствуетъ въ наше время, хотя алчность къ богатству сдѣлалась жесточайшею горячкою; не смотря на то, есть еще люди, незаразившіеся ею, которые *не стыдятся* быть небогатыми, и тѣмъ не меньше наслаждаются счастіемъ.

Г. Дрозъ полагаетъ, что почти каждой можетъ имѣть удѣлъ свой въ счастіи; требуется только пять необходимыхъ принадлежностей, которыя, правду сказать, рѣдко бываютъ вмѣстѣ, и которыхъ большая часть отъ насъ не зависитъ. Вотъ онѣ: *спокойство духа, свобода, довольство, здоровье, привязанность къ нѣкоторымъ изъ подобныхъ себѣ.*

Горацій почти въ томъ же полагаетъ счастіе.

Quid voveat dulci nutricula majus alumno,
Quam ſapere & fari ut poſſit quae ſentiat; utque
Gratia, fama, valetudo contingat abundè,
Et mundus victus, non deficiente crumenâ?

Въ другомъ мѣстѣ онъ проситъ для себя здоровья и достатка, обѣщаясь постараться съ своей стороны о спокойствѣ духа.

Det vitam, det opes; animum aequum mî ipſe parabo.

Кажется, Вольтеръ судилъ еще справедливѣе, приписывая счастіе всѣмъ сословіямъ гражданскимъ, и утверждая, что истинное равенство людей состоитъ въ возможности быть счастливымъ.

Avoir les mêmes droits à la felicité,
Voilà la veritable & ſeule égalité.

Коллень д'Арлевиль въ своемъ *Оптимистѣ* говоритъ:

Allez ; le ciel eſt juſte,
Et l'ouvrier actif, le payſan robuſte
Ont auſſi leurs plaiſirs, plaiſirs purs, naturels.

Конечно всѣ люди *могутъ* быть счастливы, — но не многіе *умѣютъ* сдѣлаться такими.

Вообще правила Г-на Дроза весьма благоразумны; слогъ его чистъ, и даже возвышенъ. Въ самыхъ его мечтахъ видна доброта сердца. Прочитавъ книгу Г-на Дроза, каждой захочетъ имѣть его своимъ другомъ.

Объ его Философіи, правилахъ и стилѣ можно судить по слѣдующей Главѣ. *О довольствѣ.*

„Довольство и тогда было бы для насъ безцѣннымъ благомъ, когда бы имѣло только одну выгоду — споспѣшествованіе къ сохраненію независимости. Благоразумный человѣкъ, которой можетъ удовлетворять умѣренныя нужды свои, ни отъ кого не зависитъ; его свобода, спокойствіе, добродѣтель — находятся въ безопасности. Сохрани Богъ, чтобы я хотѣлъ ослабить презрѣніе, заслуживаемое людьми, которые спокойствомъ совѣсти жертвуютъ пріобрѣтенію достатка! это безумцы, неумѣющіе изъ двухъ золъ выбрать меньшаго. . . .

„При нынѣшнемъ состоянiи общежитiя, человѣкъ самой умѣренной имѣетъ множество потребностей; привычка и примѣры не позволяютъ довольствоваться только необходимымъ, и безъ достатка не льзя наслаждаться утѣхами въ жизни. Человѣкъ, находящiйся въ состоянiи смежномъ съ нищетою, всегда безпокоится, не можетъ обогащать познанiями умъ свой, и долженъ проводить все время свое въ трудной работѣ. Если къ такой тягости присоединится еще печаль объ участи бѣднаго семейства, то нѣтъ состоянiя, которое было бы сего ужаснѣе.

„Кто хочетъ счастливо провести жизнь свою, тотъ долженъ сперва вычислить, сколько доходу надобно ему, чтобъ наслаждаться довольствомъ; и если имѣнiе оказывается недостаточнымъ, поспѣшить трудами своими дополнить недостающее количество. Но если, достигнувъ предположенной цѣли, еще желаетъ прiобрѣтенiя, даже малаго — то онъ погибъ: соблазняясь примѣрами, и предпочитая деньги спокойствiю, онъ мѣняетъ *счастiе* на . . . . способы доставать себѣ забавы.

„Довольство безполезно для многихъ людей, получившихъ оное: сiи жертвы легкомыслiя, вмѣсто того чтобъ наслаждаться временемъ, губятъ его своими усилiями

копить сокровища. Я всегда удивляюсь, для чего люди смѣшиваютъ идеи, несходственныя между собою. Цѣль нашей жизни есть счастїе; богатство есть одно изъ средствъ къ достиженїю счастїя. Для чего же многїе люди почитаютъ средство за цѣль? Смотря на заботы ихъ, подумаете, что они рождены на свѣтъ не для того, чтобъ быть счастливыми, но чтобъ — набогащаться.

„Къ чему столько трудовъ, столько усилїй? Можно биться объ закладъ, что человѣкъ и съ пятью стами тысячь ливровъ годоваго доходу скучаетъ; и я смѣло утверждаю, что богачи болѣе другихъ *обременены* жизнїю.

„Раздѣляю богатыхъ людей на два класса: къ первому причисляю тѣхъ, которые занимаются управленїемъ своего имѣнїя; ко второму — которые расточаютъ свои доходы.

„Не льзя изчислить всѣхъ заботъ, всѣхъ трудностей, всѣхъ неудовольствїй, сопряженныхъ съ управленїемъ большаго имѣнїя. Множество разныхъ предметовъ требуетъ безпрестаннаго наблюденїя; надобно то предпринимать путешествїя, то начинать перестройки, то заключать договоры, то отдавать приказанїя, то хлопотать съ

должниками; тамъ градъ опустошилъ нивы, здѣсь пожаръ причинилъ убытки; проходитъ ли хотя одинъ годъ безъ тяжбы? Не будучи угнетаемъ нищетою, я никогда не соглашусь принять великаго богатства съ тѣмъ условіемъ, чтобы самому управлять онымъ.

„Не говорю вообще, чтобы люди, занимающіеся прибыточными хлопотами, были несчастны. Банкиръ находитъ нѣкоторое удовольствіе отъ утра до вечера сидѣть надъ счетными книгами; видя успѣхъ въ дѣлахъ своихъ, онъ часто забываетъ безпокойство, труды и рабство. Но сторонній человѣкъ, увѣренный, что должно пользоваться жизнію, увидѣвъ, какихъ удовольствій лишается богачь сей, не захочетъ обладать его сокровищами.

„Другіе богатые люди — какъ я сказалъ — расточаютъ свои доходы: это еще хуже; первые послѣ трудовъ находятъ нѣкоторое удовольствіе въ отдыхѣ; напротивъ того у сихъ праздность все отнимаетъ.

„Я долго старался понять, почему люди, имѣющіе множество способовъ наслаждаться разнообразными удовольствіями, безпрестанно скучаютъ? Несчастное воспитаніе тому причиною: умъ ихъ остался необразованнымъ; съ самаго малолѣтства предупре-

ждали ихъ желанія; слабые родители, коварные наставники, жадные слуги наперерывъ старались забавами притуплять ихъ способности. Утомясь отъ излишества суетныхъ забавъ, и не обрѣтая въ самихъ себѣ никакихъ средствъ къ подкрѣпленію, они приходятъ въ бѣдственное положеніе — они не могутъ желать!

„Терпя недостатокъ, утѣшаемся надеждою; пресыщеніе не знаетъ надежды — сіе мучительное зло, неизвѣстное посредственности, есть неразлучный спутникъ богатства. Не видимъ ли въ театрѣ, когда играютъ превосходныя драмы съ искуствомъ совершеннымъ, — не видимъ ли людей, во глубинѣ ложи дремлющихъ отъ скуки, и только протяжнымъ зѣваніемъ подающихъ знакъ, что они существа живыя? Это богачи. Посмотрите на зрителей, которые съ живѣйшимъ чувствомъ наслаждаются представленіемъ: это любители изящности; они въ теченіе недѣли откладывали по нѣскольку денегъ, чтобы въ Воскресенье купить билетъ для входу въ партеръ.

„Семейство, довольствующееся умѣреннымъ достаткомъ, живѣе наслаждается утѣхами, потому что онѣ приобрѣтаются посредствомъ наблюденія порядка и с-

нѣкоторыми пожертвованіями. Напримѣръ, хотятъ украсить комнату новыми уборами; бережливость въ издержкахъ на другія вещи для покупки уборовъ уже нѣкоторымъ образомъ доставляетъ часть удовольствія, которымъ будутъ наслаждаться по исполненіи желанія. Предполагая дать скромной праздникъ, сзываютъ друзей своихъ, и ѣдутъ съ ними за городъ на цѣлой день. Разсчетистая бережливость готовитъ издержки для сей вожделѣнной эпохи; еще заблаговременно вычисляютъ, когда быть празднику, заблаговременно приглашаютъ собесѣдниковъ; самое ожиданіе имѣетъ свои прелести, а особливо если срокъ предполагаемыхъ удовольствій близокъ, и если увѣрены, что онъ наступитъ непремѣнно.

„Что могло быть пріятнѣе вечеровъ, которые Жанъ Жакъ Руссо и Кондильякъ проводили вмѣстѣ? Оба они были бѣдны; каждой издерживалъ не болѣе пятнадцати *су*: но отъ разговоровъ умѣренные ужины ихъ длились, и собесѣдники наслаждались счастливѣйшими часами! Не Геній, не обширныя познанія нужны для того, кто хочетъ вкушать подобныя удовольствія; дружба, любовь къ наукамъ — и довольно.

„Члены семейства не богатаго, но достаточнаго, по большей части живутъ вмѣстѣ;

кажется, для нихъ сотворены домашнія удовольствія. Осыпьте ихъ богатствомъ: увидите, что они менѣе уже будутъ наслаждаться домашнимъ счастіемъ, хотя бы сердца ихъ и не перемѣнились. Новыя обязанности, новыя забавы отнимутъ у нихъ часть времени, которая посвящаема была истиннымъ удовольствіямъ. Посѣщая разныя общества, рѣдко будутъ жить съ домашними; часто принимая гостей, рѣдко будутъ видаться съ друзьями. Тысячи предметовъ новыхъ, возбудивъ желанія въ сихъ людяхъ, заставятъ почувствовать, что они еще многаго не имѣютъ; а сіе безпокойство прежде едва ли было имъ извѣстно!

„Скажутъ мнѣ: богатство доставляетъ намъ уваженіе въ свѣтѣ; напротивъ того посредственность часто бываетъ принуждена сносить презрѣніе. Такъ! знаю, что многіе почитаютъ человѣка, смотря по его достатку; такихъ людей не льзя увѣрить, что иногда *глупость* ѣздитъ въ пышной каретѣ, между тѣмъ какъ *достоинство* ходитъ пѣшкомъ: но станетъ ли человѣкъ благомыслящій заботиться, какъ думаютъ о немъ невѣжды?

„Когда въ собраніи, гдѣ богатство выказываетъ себя со всею пышностію, вы готовы будете застыдиться, взглянувъ на простую свою одежду, — спросите сами

себя, захотѣлиль бы вы съ предсѣдящими богачами помѣняться образомъ жизни, душевными свойствами, дарованіями, — спросите, говорю, себя, и одушевитесь благородною гордостію, приличною честному человѣку.

„Женщинамъ и молодымъ мущинамъ я почти не совѣтую сравнивать свою долю съ судьбою богачей; они не выдержатъ сего опыта. Но человѣкъ твердаго характера, увѣренный въ выгодахъ посредственнаго довольства, взглянувъ вокругъ себя, усугубитъ мѣру своего счастія. Среди блестящей толпы онъ съ гордостію повторитъ въ душѣ своей: *Сколько вещей, въ которыхъ я не имѣю нужды!*

„Говоря о дѣйствіяхъ избыточества, я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія оскорблять богатыхъ; совсѣмъ не думалъ, будто оно есть непобѣдимое препятство на пути къ счастію. Нѣтъ! для богатыхъ открыто обширнѣйшее поле. Безъ сомнѣнія, не каждой можетъ, подобно Бюффону и Лавуазьеру, пожертвовать своимъ имѣніемъ для ученой славы; но каждой можетъ ободрять людей, занимающихся науками — ободрять не обѣдами, не Академическими пиршествами: на то есть другіе способы. Пусть богачь предложитъ помощь молодымъ людямъ, въ которыхъ замѣчены дарованія, много обѣщающія, но которымъ бѣдность не дозволяетъ

оныя обработать; пусть съ благоразумною осторожностїю облегчитъ судьбу старика, которой, посвятивъ жизнь свою наукамъ, и занимавшись обогащенїемъ человѣчества полезными открытїями, не имѣлъ времени помышлять о приобрѣтенїи достатка. Богатые люди, не умножая своихъ расходовъ, могутъ направлять искуства къ благородной цѣли. Група, представляющая добродѣтельной подвигъ, вѣрно не дороже групы Нимфъ и Сатировъ; послѣдняя показываетъ только искуство ваятеля, первая вдругъ напоминаетъ имена Героя, Художника, Покровителя художествъ и добродѣтели. Еще прекраснѣйшее поприще открыто для богатыхъ: помогая бѣднымъ, сколько они изсушатъ источниковъ слезъ и пороковъ! Кто питаетъ въ молодомъ человѣкѣ охоту къ словеснымъ наукамъ или искуствамъ, тотъ иногда оказываетъ имъ пагубную услугу; но кто отдаетъ бѣднаго робенка учиться, тотъ истинно одолжаетъ человѣка, семейство, цѣлое общество. О! богачь можетъ счастливымъ быть, если только самъ захочетъ; онъ можетъ предать имя свое безсмертїю, и — что еще лучше — заставить несчастныхъ благословлять свое имя. Такїя удовольствїя неистощимы; никогда не притупится способность ими наслаждаться — даже и тогда, какъ всѣ другїя наскучатъ.“

(*Изъ Франц. Журн.*)

V.

Къ ней.

(Рондо.)

Меня любила ты: я жизнью наслаждался,
День каждый пробуждалъ мои восторги вновь;
Я потерялъ тебя, — со счастіемъ разстался:
Ахъ, счастіемъ моимъ была твоя любовь!

*

Меня любила ты: — въ минуты вдохновеній
Я пѣлъ прекрасную съ зарею каждой вновь;
Я потерялъ тебя, — и мой затмился Геній:
Ахъ, Геніемъ моимъ была твоя любовь! —

*

Меня любила ты: — я добрымъ быть стремился,
Мирилъ несчастнаго съ его судьбою вновь;
Я потерялъ тебя: — мой духъ ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь! —

VI.

Дуэтъ (*).

Первой голосъ.

Въ часъ разлуки, пастушокъ
Слезной взоръ склоня въ потокъ,
Говорилъ своей любезной:
Нѣтъ, — тому не быть! —

*

Нѣтъ, не будешь ты моя!
Ты богата, — бѣденъ я.
Будь счастлива, будь спокойна;
Пусть одинъ терплю!

Другой голосъ.

На любезнаго взглянувъ,
Страстно, сладостно вздохнувъ,
Такъ пастушка отвѣчала:
Нѣтъ! тому не быть! —

*

Нѣтъ! — ты мой — и навсегда! —
Бѣдность, другъ мой, не бѣда!
Кто богатъ, какъ мы, любовью,
Тотъ и всѣмъ богатъ!

Первой голосъ.

Ахъ! безроденъ я и сиръ,
Домъ и дворъ мой — цѣлой міръ:

(*) На голосъ извѣстной Малороссійской пѣсни: *Ихавъ козакъ за Дунай.*

Что же добры люди скажутъ
О любви твоей? . . . .

Второй голосъ.

Люди знаютъ лишь бранить,
А не знаютъ, какъ любить!
Мнѣ не нужны родъ и племя,
Нуженъ ты одинъ!

Первой голосъ.

Въ счастьи ты теперь живешь,
Горе ты со мной найдешь; —
Тяжко плакать — но тяжелѣ
Быть виною слезъ! —

Второй голосъ.

Съ другомъ горесть мнѣ сладка,
Радость безъ него горька.
Мы смѣшаемъ наши слезы,
И бѣда пройдетъ!

Первой голосъ.

Я не зналъ, что василіокъ,
Что нарцисъ, что ноготокъ,
А любилъ уже для милой
Собирать цвѣты!

Второй голосъ.

Я не знала нашихъ стадъ,
Сколько мой отецъ богатъ;
А тогда уже любила
Плесть тебѣ вѣнки!

Оба.

Для тебя мнѣ жизнь мила,
Красенъ день, цвѣтетъ земля;
Для тебя дано мнѣ сердце
Вѣрное на вѣкъ.

*

Ахъ! почтожь такъ рано намъ
Приучать себя къ слезамъ!
Сладко, другъ мой, жить съ тобою,
Сладко умереть! —

А. Мрзлкв.

VII.

Смѣсь.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ одинъ шестилѣтній чужестранецъ, по имени Пїо Чїанкеттини, удивлялъ Парижскую Публику необыкновенными своими дарованїями. Отецъ его Италїянецъ, мать Нѣмка. Сей младенецъ говоритъ очень хорошо по Италїянски, по Нѣмецки, по Французски и по Англїйски; играетъ на пїано-форте не только правильно, но даже съ чувствомъ и выразительностїю; въ фантазїяхъ, которыя изливаются изъ души его посредствомъ музыкальнаго инструмента, знатоки иногда находятъ счастливыя мысли и гармонїю.

*

Г. Рюйтеръ, Профессоръ въ Енѣ, извѣстный своими сочиненіями о Гальванизмѣ, открылъ Публикѣ новой опытъ, которой сдѣлаетъ эпоху въ сей части Физики, а можетъ быть и разпространитъ ея предѣлы. Изъ наблюденій его слѣдуетъ, что между Магнетизмомъ и Гальванизмомъ есть близкое родство. Магниты, расположенные на подобіе Вольтова столбца, даютъ свѣтъ и запахъ, и производятъ ударъ тѣмъ съ большею силою, чѣмъ болѣе ихъ употреблено для опыта. Не менѣе достойно примѣчанія, что сей столбецъ имѣетъ сходство съ Электричествомъ своими сторонами *положительною* и *отрицательною*, по различію направленія полюсовъ его.

Г. Риттеръ читалъ въ Минхенской Академіи Разсужденіе объ отношеніяхъ Магнетизма къ Электричеству; онъ выводитъ изъ нихъ важныя заключенія о планетѣ нами обитаемой, утверждая, что сѣверной полюсъ земли есть полюсъ электрической *положительной*, а южной — электрической же *отрицательной*.

Докторъ Баронїо издалъ въ Миланѣ описаніе Гальваническаго столбца, составляемаго изъ однихъ веществъ царства растительнаго. Онъ нарѣзываетъ по нѣскольку кружковъ изъ рѣдьки и красной свеклы тол-

щиною въ два дюйма; приготовляетъ извѣстное количество изъ орѣховаго дерева (noyer) такихъ же кружковъ съ закраинами, чтобы въ нихъ могъ держаться перечищенной винной камень, разведенной въ уксусѣ, въ которомъ сперва кружки сїи надобно выварить, для того чтобъ не оставалось въ нихъ смолистыхъ частицъ, обыкновенно находящихся въ орѣховомъ деревѣ. Шестьдесять паръ кружковъ изъ рѣдьки и свеклы, между которыми расположены были въ извѣстномъ порядкѣ кружки орѣховые, напитанные упомянутою влагою, производили Гальваническїя дѣйствїя надъ приготовленною лягушкою; сообщенїе между ею и основанїемъ столбца дѣлается посредствомъ листка ложечной травы (cochlearia), прикасающагося къ мозгу становой кости. Съ успѣхомъ также дѣланы опыты надъ кружками изъ другихъ растенїй; это заставляетъ думать, что все царство растительное со временемъ можно будетъ покорить Гальванизму.

*

Мая 25 и 29 дни были опаснѣйшїе для легкомысленныхъ Парижскихъ жителей. Какїе-то Французскїе пророки предсказали, что въ одинъ изъ сихъ дней совершится — преставленїе свѣта!! Одни ссылаются на письмо, которое 1802 году, какъ говорятъ, напечатано было въ Лейденской газетѣ; другїе увѣряютъ, что духовенство выдумываетъ и

пускаетъ въ народъ такія нелѣпости. Если правда, что преставленіе свѣта будетъ предвозвѣщено великими злодѣйствами, то Французы испугались не безъ причины. Одинъ Нѣмецъ пишетъ изъ Парижа отъ 12 Іюня, что Уголовные Суды завалены дѣлами слѣдующаго рода: молодой человѣкъ, едва вышедшій изъ отрочества, опоилъ ядомъ отца своего и цѣлое семейство; отецъ умертвилъ свое пятилѣтнее дитя; двое мущинъ до смерти замучили женъ своихъ жесточайшимъ образомъ, и проч.

*

Г-жа *Сталь* и Г-жа *Рекамье* живутъ теперь вмѣстѣ близь Окзера. Такое сближеніе двухъ славныхъ женщинъ подтверждаетъ истину старинной Французской пословицы: les extrêmes se touchent; ибо едва ли можно найти другую, столь совершенную противуположность. Вся энциклопедія женскаго пола заключается въ сихъ двухъ дамахъ. Парижане, думая, что сельская жизнь полезна для глубокомыслія и ученыхъ трудовъ, желаютъ Г-жѣ *Сталь* долѣе наслаждаться уединеніемъ; но о Г-жѣ *Рекамье* всѣ жалѣютъ, и говорятъ, что она живучи въ деревнѣ ничего не выиграетъ, а столичныя общества, лишась ея, много потеряли.

ПОЛИТИКА.

I.

О состоянїи Политическихъ дѣлъ Европы въ продолженїе 1805 года и первыхъ трехъ мѣсяцовъ нынѣшняго.

(Продолженїе.)

. . . . . .

. . . . . .

Но дадимъ волю Французскимъ писателямъ въ восторгѣ наслаждаться политическою независимостїю, которую они обѣщаютъ Европѣ, и которой блестящая заря уже начинаетъ появляться. Поднимемъ завѣсу будущаго, скажемъ о влїянїи союзной Имперїи на твердую землю, и предвозвѣстимъ Европѣ, что несчастная Кассандра прорекла Троянамъ, нехотѣвшимъ даже слушать ее.

Хотя Россїи, по ея величїю и по безкорыстнымъ намѣренїямъ, принадлежало первенство въ коалицїи, которою Кабинетъ Британскїй не могъ управлять по причинѣ отдаленности; однако жь Австрїя, какъ Держава сопредѣльная со Францїею, и по праву политическаго старшинства, должна была

представлять главное лице. Выставивъ большее число солдатъ, она предложила болѣе мыслей своихъ; планы другихъ Державъ замѣнила своими, и ввела Союзниковъ въ лавиринѳъ своихъ притязаній, по которому она давно уже блуждаетъ между *химерическими мечтами* Кабинета и *существенными проигрышами* армій.

Надлежало приласкать Баварію — прямыми поступками склонить колеблющуюся Союзницу на свою сторону — не терять времени, занимаясь маловажными спорами и политическими хитростями — отнять Курфирста Баварскаго у Франціи, и предохранить его отъ пагубныхъ почестей, ему угрожавшихъ; ожидая прибытія Россіянъ, надлежало оставаться въ оборонительномъ состояніи — примкнуть Нѣмецкую армію къ корпусамъ, смежнымъ съ арміею Италіянскою, и думать о средствахъ какъ можно болѣе воспользоваться сильнымъ отводомъ, которой приготовляемъ былъ на Сѣверѣ; надлежало дѣйствовать со всѣми въ одно время — отнюдь не спѣшить — не вступать въ области, незадолго передъ тѣмъ обиженныя; надлежало ловить время — заслуживать довѣріе Германическаго корпуса — ободрить Пруссію, а не устрашать ее — малыми выгодами пожертвовать большимъ — не привязываться крѣпко къ шестидесятилѣтней политикѣ; наконецъ надлежало собрать

силы свои — наблюдать духъ войска — посѣять въ немъ довѣренность, а не уныніе — не полагаться на систему, уже нѣсколько разъ бывшую причиною бѣдствій, и не выбирать Генерала несчастнаго и неискуснаго, сколь отважнаго въ кабинетѣ, столь робкаго передъ непріятелемъ.

Но напомнить всѣ погрѣшности, которыя можно было предупредить; изчислить всѣ ошибки, которыхъ нельзя было избѣгнуть; говорить, какихъ Генераловъ должно бы удалить, и какихъ оставить, — не значитъ ли описывать несчастную кампанію, въ продолженіе которой Французы, въ два мѣсяца, овладѣли древнею столицею древней Имперіи, — столицею, въ восемь сотъ лѣтъ только одинъ разъ бывшую въ опасности?

Еслибъ Санктпетербургскій Кабинетъ въ разсчетахъ своихъ слегка упомянулъ о возможности почти въ нѣсколько дней уничтожиться Австрійской Монархіи; то Исторія имѣла бы истинное право такую осторожность назвать ребяческою предусмотрительностію. Вопреки случившимся произшествіямъ, вопреки событію, которое потомству покажется невѣроятнымъ, Австрія могла бы держаться одну или двѣ кампаніи. Ежели самое лицемѣрство должно согласиться, что

нельзя было черезъ три мѣсяца войти въ Вѣну; то и въ томъ не можно не признаться, что никогда еще политика не сочиняла столь осторожнаго, столь благоразумнаго плана для обезпеченія важныхъ успѣховъ.

Конечно Союзники не были увѣрены, чтобы одни Австрійцы могли пробиться въ ту часть Германіи, которую по несчастію надлежитъ почитать передовыми постами Франціи; они противъ воли не довѣряя, если не войскамъ, то планамъ Австріи и робкой тактикѣ Генерала Макка, употребили благоразумную предосторожность. *Сто пятьнадцать* тысячь Россіянъ поспѣшно приближались къ Моравіи; положено быть соединенію по сю сторону Инна, и такимъ образомъ обезпечить оборонительныя средства во всѣхъ пунктахъ.

Предположивъ, что столь важнымъ соединеніемъ едва ли можно принудить непріятеля къ отступленію, по слѣдствію благоразумнаго разсчета нашли, что сильной отводъ въ Ганноверѣ произведетъ желаемое дѣйствіе. Всѣ союзныя войска въ Швабіи, Баваріи и Франконіи, примыкая подобно лучамъ къ одному средоточію, соединялись между собою, и занимали самое лучшее положеніе. Хотя Франція, по непредвидѣнному случаю, нарушивъ неутра-

литетъ Прусоїи, уничтожила одиннадцатилѣтнюю систему; не смотря на то, союзъ сей — о которомъ судятъ не по намѣреніямъ, но по неудачнымъ слѣдствіямъ, — былъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ, рѣдкихъ произведеній мудрой политики.

Уже три мѣсяца война казалась неизбѣжною; но Бонапарте съ коварнымъ притворствомъ не только предлагалъ миръ Австріи, но даже *просилъ* ее не поднимать оружія. Онъ вызвался на войну, собравъ войска въ Ломбардіи, — сдѣлалъ ее неизбѣжною, присоединивъ Генуу ко Франціи; не смотря на то, занимаясь Булоньскимъ своимъ лагеремъ, притворился, будто не знаетъ, что приготовляется сильное препятство предполагаемой высадкѣ его на берега Англіи, высадкѣ, которая съ давняго времени была не иное что, какъ политическій маскарадъ. Отъ него зависѣло уничтожить военной союзъ при самомъ началѣ, отвратить бѣдствія угрожавшія Франціи, забыть честолюбіе для спокойствія своего отечества: но онъ поступилъ иначе, — онъ отечествомъ своимъ, котораго не носитъ въ сердцѣ, жертвовалъ честолюбивымъ затѣямъ, наполнявшимъ голову его. Желѣзная корона, имъ захваченная, могла стоить сотни тысячъ солдатъ тому государству, которое дозволило ему сѣсть на своемъ престолѣ. Онъ

одинъ причиною войны; съ нимъ однимъ, а не съ Французами, воевать надлежало: Европа дала ему время и способы сдѣлать войну сїю *народною*.

Если бъ союзныя Державы, рѣшась идти противъ буйнаго честолюбца, съ политическою смѣлостїю объявили истинную причину войны; еслибъ воспользовались временемъ и не упустили важныхъ выгодъ: то едва ли удалось бы Наполеону увѣрить Французовъ, что для собственной славы и счастїя имъ надобно лить кровь свою, и Ломбардїю укрѣпить за его роднею, во что бы то ни стало.

О чемъ Кабинеты Европейскїе совсѣмъ не заботились въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, то было единственнымъ предметомъ попеченїй Наполеоновыхъ. Прежде всего онъ постарался расположить умы, какъ ему хотѣлось; притворился, будто употребили во зло довѣренность его, — будто онъ обманулся въ политическихъ своихъ разсчетахъ — будто излишняя любовь къ тишинѣ и спокойствїю вовлекла его въ крайнюю опасность. Воспламенивши Европу для личныхъ выгодъ своихъ, *оплакивалъ* предъ народомъ несчастїя, коихъ избѣжать не можетъ; а между тѣмъ располагалъ колонны, приводилъ въ движенїе войска свои, отдавалъ повелѣнїя Генераламъ, и употреблялъ всѣ революцїонные способы,

какіе только были ему извѣстны. Подвинувъ войска изъ Булони, прискакалъ въ Парижъ для того, чтобъ затѣянной войнѣ дать характеръ войны народной, то есть предпринимаемой для блага цѣлой націи.

Наблюдательные Политики! вы, которые всю важность полагаете въ сраженіяхъ, въ смѣлыхъ походахъ, въ хитрыхъ переговорахъ! посмотрите, что этотъ необыкновенной человѣкъ дѣлалъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ!

Посмотрите на него въ Совѣтѣ, въ семъ средоточіи, откуда идутъ во всѣ концы пространнаго Государства наставленія, приказанія, угрозы и одобренія. Онъ ничего не пропускаетъ, все ловитъ. Повелѣнія его и публичные листки распространяютъ въ народѣ понятія, выгодныя для правительства; Епископы пастырскими увѣщаніями преклоняютъ сердца православныхъ Католиковъ; Ученые дѣйствуютъ на умы, Префекты на всѣхъ Чиновниковъ, Театры на всѣхъ праздноолюбцовъ . . . . Никто не сидитъ безъ дѣла; каждой или сѣетъ, или пожинаетъ. Вездѣ видя одинакіе предметы, вездѣ слыша одно и тоже, человѣкъ робкій ободряется, нерѣшительный принимаетъ твердое намѣреніе, холодный разгорячается, — и Франція, наалек-

тризованная отъ одного конца до другаго, въ бѣшенствѣ возстаетъ противъ Англіи, не предвидя, что проводникъ (*) ея притянетъ къ ней молнію.

Между тѣмъ какъ въ Парижѣ Бонапарте ослѣплялъ умы, говорилъ Рѣчи и самъ слушалъ оныя въ Судилищахъ, съ пышностію ѣздилъ въ Сенатъ за военною Хоругвею, распоряжалъ своими опытными солдатами, — между тѣмъ, говорю, въ Вѣнѣ гнѣздились крамолы, несогласія, безпорядки, нерадѣніе, робость и моральное разстройство.

Вотъ откуда проистекли всѣ бѣдствія! война кончилась тѣмъ, чѣмъ ей надлежало кончиться. Храбрые воины, благородные защитники, которые при послѣднемъ издыханіи можетъ быть произносили священное имя Отечества, суть невинныя жертвы, погибшія не отъ штыковъ непріятельскихъ, но отъ усилій партіи, предавшей Австрію всѣмъ ужасамъ войны несчастнѣйшей.

Въ Германіи есть скопище людей, весьма сильное, невидимое, единодушное. Сіи люди положили опровергать все, для того чтобы во всемъ у нихъ просили помощи.

(*) Слово техническое, употребляемое въ Физикѣ.

Они вездѣ занимаютъ вторыя мѣста; но управляютъ тѣми; которые сидятъ на первыхъ; и управляютъ тѣмъ удобнѣе, что показываютъ; будто не имѣютъ на дѣла никакого влїянїя; исполняя только то, чего отъ нихъ требуютъ!

Они-то показали средства напасть на Австрїю; которую привели въ несостоянїе защищаться съ твердостїю; они допустили Баварїи соединиться съ Францїею; они уничтожили благородныя намѣренїя Короля Прусскаго; они разсѣяли во всѣхъ областяхъ Имперїи духъ нерѣшительности, безпокойства, слабости; они предали Германїю Францїи и въ качествѣ непрїятельницы, и какъ союзницу. По милости сихъ людей, въ Вѣнѣ подкапывали основанїе древняго зданїя; и никто не заботился о починкѣ, между тѣмъ какъ Бонапартѣ волшебнымъ жезломъ своимъ все одушевлялъ въ Парижѣ.

Австрїя, принужденная нести все бремя войны до прибытїя Россїянъ, медлила начинать переговоры съ Баварїею, чтобы тѣмъ удобнѣе прикрыть непрїязненныя свои намѣренїя. Австрїйцы вступили въ области Баварїи, не сдѣлавъ съ нею предварительнаго соглашенїя. Курфирстъ, не безъ причины устрашенный, предвидя, что его владѣнїя должны быть театромъ войны для многолюдныхъ армїй, которыя, столкнувшись между собою, могли разрушить его

Державу, не зналъ, къ кому изъ двухъ равно страшныхъ Союзниковъ прилѣпиться; медленность Австрїи въ переговорахъ и ея высокомѣрїе, отеческїя заботы Курфирста о сынѣ своемъ, находившемся тогда въ Парижѣ, и наущенїя приближенныхъ людей, убѣдили сего Государя пожертвовать самодержавною независимостїю политическому негодованїю.

Безъ сомнѣнїя, съ обѣихъ сторонъ не было чистосердечїя при сихъ переговорахъ; каждой день, при каждомъ случаѣ наступали ощутительныя перемѣны; Курфирстъ до самаго разрыва казался нерѣшительнымъ, колеблющимся; по недружелюбнымъ, жестокимъ условїямъ, предложеннымъ Австрїею, можно заключать, что Вѣнской Кабинетъ лучше хотѣлъ пройти черезъ Баварїю по праву сильнѣйшаго, нежели занять ее въ качествѣ Союзника.

Сїя первая ошибка политическая необходимо повлекла за собою множество другихъ. Австрїйцы, увидѣвъ, что имъ нельзя дожидаться Французовъ надъ Инномъ, какъ положено въ условїяхъ съ Кабинетомъ Санктпетербургскимъ, принуждены были перейти Изеръ и Лехъ, потомъ подвинуться впередъ, опасаясь держаться въ средоточїи такой области, которая казалась не со-

всѣмъ безопасною. Когда Курфирстъ съ войскомъ своимъ удалился въ область Вирцбургскую, Австрїйцы, пользуясь вооруженнымъ неутралитетомъ, при которомъ, повидимому, Курфирстъ хотѣлъ оставаться, пошли къ Аугсбургу и Донауверту съ надеждою встрѣтиться съ Французскими войсками въ Швабїи.

Вся Европа обвиняетъ Генерала Макка. Мы также не намѣрены оправдывать того, кого и друзья и непрїятели единодушно осуждаютъ. Однакожь онъ достоинъ порицанїя не за планъ, которой былъ необходимо нуженъ по причинѣ подозрѣвающей политики Вѣнскаго Кабинета, — но за дурное исполненїе, за то, что въ немъ не было Лакедемонскаго патрїотизма, которымъ одушевляясь, Леонидъ славно умеръ при Ѳермопилахъ. Начальствуя надъ такою армїею, какова Австрїйская, и можно и непремѣнно должно было, занявъ положенїя при Вертингенѣ и Гинцбургѣ, держаться при нихъ со всѣми усилїями; надлежало сдѣлать изъ нихъ Ѳермопилы своего отечества, въ случаѣ неудачи запереться въ Ульмѣ, и считать важною побѣдою каждой день, въ которой войско медленными тратами могло бы подавать средства Россїянамъ подойти ближе, и обезопасить столицу.

Въ Вѣнѣ по обыкновеннымъ маршамъ вычислили, во сколько времени Французское войско можетъ придти отъ Булони до Верхняго Рейна; напротивъ того Бонапарте дѣлалъ свои разсчеты, смотря по тому, чего онъ можетъ требовать отъ солдатъ, которымъ умѣлъ вскружить головы. Австрїйская тактика измѣряла разстоянїе; Бонапарте измѣрялъ энтузїазмъ солдатъ своихъ. Когда Австрїйцы, находясь въ Баварїи, думали, что успѣютъ еще укрѣпить Швабскїя дефилеи: Бонапарте перешелъ черезъ Рейнъ между Шпейеромъ и Страсбургомъ, подвигался впередъ съ пятью страшными колоннами, и принялъ отважное намѣренїе пробиться сквозь Австрїйскую армїю, будучи твердо увѣренъ, что если удастся ему одинъ разъ напугать Австрїйцовъ, то побѣдить ихъ не трудно.

Въ 1 й день Октября Французскїя войска вступили въ Германїю. Подобно стремительной лавѣ горы Везувїя, увлекающей съ собою все, что ей ни попадается, Бонапарте, проходя области Баденскїя и Виртембергскїя, не пропустилъ случая заключить союзъ съ Курфирстами, и тѣмъ обезпечить сообщенїе войскъ со Францїею. Въ сїе-то время онъ призналъ нужнымъ окружить пространныя свои владѣнїя малыми областями, которыя не могутъ быть для него опасными.

Еслибъ планъ Наполеоновъ былъ исполненъ съ меньшею дерзостїю; еслибъ Военачальникъ, выдумавшїй такой планъ, былъ стѣсняемъ въ намѣренїяхъ своихъ или высшею властїю, или опасенїемъ подпасть отвѣту, никакъ не можно бы надѣяться желаемыхъ слѣдствїй, и Французское войско подверглось бы неминуемой погибели. Но что остановило бы другаго, что было бы невозможнымъ для другой нацїи, а именно средство революцїонное, звѣрское, достойное временъ ужаса и несправедливости, насильственное вторженїе въ области дружественной Державы, обида, нанесенная неутральному Государству — то самое рѣшило судьбу кампанїи, начатой вопреки законамъ благоразумїя и правамъ народнымъ.

Австрїйцы вычислили, въ какомъ количествѣ непрїятель могъ перейти Рейнъ около Страсбурга; по несчастїю они знали въ самой точности, какъ многолюдны корпусы, проходящїе Швабїю, и совсѣмъ не ожидали прибытїя къ Донауверту армїи Генерала Бернадотта, которому надлежало обойти Маркграфства, — не ожидали потому, что трактаты не дозволяли проходить черезъ сїи области.

Еслибъ Бонапарте уважилъ святость договоровъ, которые онъ одинъ только нарушаетъ,

то кампанія окончилась бы иначе. Не будучи въ состояніи напасть на непріятеля между Донаувертомъ и Ингольштадтомъ — ибо въ такомъ случаѣ надлежало бы потянуть колонну въ Баварію, и обнажить лѣвой флангъ арміи — Бонапарте нашелся бы принужденнымъ вести войну оборонительную, и жить на счетъ Альзаса и Лотарингіи, еслибъ Бернадоттъ не сократилъ пути своего насильственнымъ переходомъ.

Зная по опытамъ, что удача все поправляетъ, онъ разчелъ, что побѣда сохранитъ ему Союзницу, которую не почтеніе, но страхъ давно уже приковалъ къ его колесницѣ. Когда политика его однимъ взмахомъ меча отвела предстоявшую трудность, онъ зналъ, что по успѣхамъ его оружія станутъ судить въ Берлинѣ, чѣмъ почитать насильственное вторженіе въ область Аншпахскую, ошибкою или оскорбленіемъ.

Такія соображенія, такіе гигантскіе планы могутъ родиться только въ головѣ, привыкшей къ революціоннымъ наглостямъ. Неуваженіе общихъ законовъ, нарушеніе священныхъ взаимностей между народами, отверженіе постановленій, всѣми признаваемыхъ — вотъ что производитъ пагубныя перемѣны въ мірѣ; вотъ что раждаетъ со-

бытія, которымъ часто даютъ названіе *славныхъ*. Магометъ ничего не признавалъ, кромѣ своего Алкорана, — и преемники его завоевали Азію; Тамерланъ и Ченгисъ-Ханъ не знали законовъ другихъ націй, — и покорили Государства: такъ и Бонапарте, притворяясь, будто не знаетъ священныхъ основаній, на которыхъ утверждены права народовъ, и идучи по слѣдамъ упомянутыхъ завоевателей, присвоилъ себѣ власть, подобно имъ, насильственною рукою давать новой видъ окрестнымъ Государствамъ.

Въ 7 й день Октября Французы, послѣ сорокодневнаго похода, достигли береговъ Дуная. Другой Военачальникъ, которой не такъ хорошо зналъ бы своихъ солдатъ, дозволивъ имъ отдохнуть, далъ бы замѣтить, что они утомились; но Бонапарте тотчасъ приказалъ наступать, и бросился въ средину Австрійскихъ корпусовъ, защищавшихъ берега Леха — бросился тогда, какъ еще не были увѣрены, точно ли онъ черезъ Рейнъ переправился! 8 Числа дрались въ Вертингенѣ, 9 въ Гинцбургѣ, 11 въ Мемминген; — и вездѣ Французскія войска, числомъ превосходнѣйшія, пользовались разчетливою бережливостію Австрійцевъ, отъ которой обыкновенно они теряютъ и людей, и деньги, и провинціи. Генералы, ежедневно проигрывая, и скучая тѣмъ, что

заставили ихъ водить отдѣленныя колонны, что заставили сражаться порознь, скоро лишились бодрости, а особливо видя, что ни осторожность, ни методы не защищаютъ отъ напору Французовъ. Привыкши дѣйствовать на полѣ какъ на вахтъ-парадѣ, но не одушевляясь рвеніемъ, безъ котораго нельзя долго управлять ни людьми, ни произшествіями, они начали *вычислять* препятства, тогда какъ надлежало *побѣждать* оныя; войну сего рода, въ которой мужество и случай производятъ великія чудеса, они приняли за игру, гдѣ тотчасъ надобно сдаваться, когда всѣ вѣроятности предсказываютъ неудачу.

Носились слухи объ измѣнѣ. Европа, обманутая въ своей надеждѣ, можетъ быть имѣла причину судить несправедливо; не станемъ подражать ей. Тѣ, которые сами во всемъ обманулись, не умышляли другихъ обманывать. Лавры заслуженыхъ воиновъ поблекли, но души ихъ не унизились. Ложныя умствованія, распространившіяся въ Австрійскомъ войскѣ, слабость, отсутствіе истиннаго патріотизма, объясняютъ все; это плоды филантропіи, отъ которой уже двадцать лѣтъ кружатся головы въ Германіи.

Сія-то филантропія бережетъ капли крови, — и льетъ ее потоками; она-то

заставляетъ подписывать, такъ называемые, мирные трактаты, которые питаютъ несогласія: она-то поселяетъ отвращеніе отъ войны, и заставляетъ униженіе предпочитать достоинству; она-то ослабляетъ напряженіе благородныхъ мыслей, уничтожаетъ великія намѣренія, одобряетъ вялость, и внушаетъ Полководцамъ, отъ природы храбрымъ, что для блага человѣчества надлежитъ щадить жизнь немногихъ солдатъ, хотя бы отечеству то во вредъ служило.

Австрійскіе Генералы, не бывъ увѣрены въ пользѣ войны, не бывъ подкрѣпляемы единодушіемъ, принадлежа къ разнымъ партіямъ, потерявши бодрость отъ неудачъ, въ Меммингенѣ вздумали вести новую безпримѣрную войну; они пересчитывали солдатъ, въ то время, когда надлежало идти на сраженіе, и военные случаи подводили подъ правила Ариѳметики.

Ульмъ взятъ; Австрійская армія потеряна. Хотя Эрцгерцогъ Фердинандъ спасъ нѣкоторую часть ея, хотя Князь Роганъ рѣшился сберечь остатокъ; но дорога къ Вѣнѣ уже была открыта. Генералъ Маккъ, нетерпѣливо ожидающій приближенія срока, въ которой по договору надлежало тридцати-тысячной его арміи положить оружіе,

неотступно требуетъ новыхъ условій; можно думать, что онъ съ такою жадностію ищетъ стыда, съ какою другіе Военачальники гоняются за славою. Бертье соглашается на его требованіе. 18 Числа подписанъ договоръ; 20 совершился новый тріумфъ Самнитянъ. Цѣлая армія проходитъ мимо рядовъ другой арміи, и кладетъ оружіе. Съ сего часа Вѣна осталась безъ защиты; съ сего часа Австрійская Монархія лишилась бытія политическаго.

Исторіи — если достанетъ въ ней столько бодрости — Исторіи предлежитъ подвигъ разсмотрѣть множество сраженій, ложно и съ нелѣпыми прибавленіями описанныхъ въ *буллетенахъ* Французской арміи. Самыя отступленія корпусовъ къ Богеміи свидѣтельствуютъ, что Австрійцы не забыли еще прежней своей славы. Вернекъ и Шпангенъ подписали постыдные договоры; за то мужественные подвиги Волфскеля и Еллахиха напоминаютъ о знаменитыхъ дѣяніяхъ Клерфета и Вурмзера; а единственное въ своемъ родѣ отступленіе Эрцгерцога Карла служитъ неоспоримымъ доказательствомъ для всей Европы, что Австрія уцѣлѣла бы, еслибъ истинный защитникъ ея находился при ней.

Октября 1 Бонапарте былъ еще въ Страсбургѣ; 24 онъ торжественно въѣхалъ

въ Минхенъ. Курфирстъ поспѣшно возвратился въ свою столицу принять *избавителя*, которой приготовилъ для него оковы, — но Курфирстъ самъ былъ гость въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ.

Одна изъ трехъ колоннъ Россійской арміи была уже въ окрестностяхъ Браунау. Сіе храброе войско съ безпримѣрною быстротою перешло половину Европы. Оно не могло явиться на театрѣ войны, потому что должно было перейти пространство втрое большее, нежели какое предлежало Французамъ. Если бы Маккъ не спѣшилъ покрыть себя стыдомъ, — еслибъ онъ только на двадцать дней отсрочилъ свою сдачу; то Ульмъ остался бы въ рукахъ Союзниковъ, война приняла бы другой видъ, и двѣ великія націи единодушно сражались бы подъ щитомъ Побѣды.

Минхенскія забавы не помѣшали Наполеону Бонапарте идти прямо къ Вѣнѣ. Уже дивизіи Маршаловъ Лана, Даву, Су, приближались къ Инну, но Россіяне еще ничего не знали о несчастіи своихъ Союзниковъ. Передовое войско Генерала Голенищева-Кутузова, полагаясь на несомнительную честность многолюдной арміи, спѣшило съ нею соединиться, и уже оставило за собою Браунау. Пусть же вообразитъ читатель, съ

какимъ изумленіемъ сія передовая колонна приняла извѣстіе о разрушеніи цѣлой арміи! Колонна, принуждена будучи возвратиться; увидѣла, что поступила неосторожно; положась на передовую *сто-двадцати-тысячную* армію!!

Судьба войны уже была рѣшена, когда Россіяне еще не начинали сражаться. Россія, какъ помогающая Держава такой Имперіи, которая обѣщалась выставить *триста* тысячь солдатъ, участіемъ своимъ прибавила ей много тяжести въ политическомъ равновѣсіи; но какъ Союзница той же самой Державы, не могшей соединить тридцати тысячь ратниковъ передъ своею столицею, она видѣла, что потеряны всѣ отношенія, и что пропорція разрушена. Весьма тяжелая громада клонилась къ паденію; поддержать ее было не возможно.

Не будемъ упоминать о *бюллетенахъ великой арміи*, которые сочиняемы были для легковѣрныхъ Парижанъ. Однѣ противорѣчія въ повѣствованіяхъ разрушаютъ всю чудесность. Безпристрастный читатель найдетъ въ нихъ подложныя имена, небывалыя позиціи; найдетъ одно и тоже произшествіе, представленное въ разныхъ видахъ; вездѣ лицемѣрство льститъ глупому самолюбію. Можно подумать, что Жур-

налисты, соплетая невѣроятныя лжи, хотѣли славою своею затмить славу воиновъ.

Посмотримъ на отступленіе Россіянъ. Бывъ принуждены потянуться къ двумъ колоннамъ, находившимся въ Галліціи, они въ порядкѣ и безъ замѣшательства отступали отъ непріятеля, числомъ несравненно превосходнѣйшаго. Мюра преслѣдовалъ ихъ — но съ осторожностію. Сраженія при Ламбахѣ и Амштеттенѣ служатъ доказательствомъ, что Князь Багратіонъ, не смотря на утомленіе отъ частыхъ битвъ, болѣе имѣлъ охоты сражаться, нежели Французы вступать съ нимъ въ дѣло.

По здачѣ Ульма Генералъ Кинмайеръ собралъ часть Австрійскаго войска, которое не могло переправиться черезъ Дунай. Сей корпусъ, состоящій почти изъ двадцати пяти тысячь человѣкъ, соединился подъ Браунау съ колонною Генерала Голенищева - Кутузова. Въ такихъ обстоятельствахъ можно бы еще держаться при переходѣ черезъ рѣку Эннсъ, и защищать Вѣну нѣсколько дней; но потребно было согласіе, которое при несчастіи рѣдко наблюдается. Графъ Меерфельдъ, принявъ начальство надъ корпусомъ Генерала Кинмайера, оставилъ Россійскую колонну, и потянулся къ горамъ; онъ имѣлъ тайное намѣреніе соединиться съ Эрцгерцогомъ Кар-

ломъ. Но когда корпусъ его претерпѣлъ совершенное пораженіе при Нейштадтѣ, Россіянамъ уже не возможно было рѣшиться защищать столицу, неукрѣпленную ни окопами, ни духомъ жителей. Необходимость заставила ихъ идти въ Моравію, для того чтобы, соединясь тамъ съ прочими корпусами, охранять сію землю.

Между тѣмъ какъ Россійской арріеръ-гардъ удерживалъ въ Амштетенѣ всѣ соединенныя дивизіи Маршала Мюра, Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ приближался съ войскомъ къ Дунаю. На другой день онъ перешелъ черезъ сію рѣку. Когда Князь Багратіонъ сожигалъ мостъ при Кремсѣ, чтобы лишить непріятеля способовъ препятствовать отступленію, колонна Генерала Мортье на лѣвомъ берегу подала поводъ къ славному сраженію при Дирнштейнѣ.

По свидѣтельству самихъ *бюллетеновъ* Французской арміи, Россіяне дрались чрезвычайно. Генералъ Удино раненъ; гренадеры его разсыпаны; Маршалъ Мортье спасся въ лодкѣ на Дунаѣ; одинъ Генералъ досталася въ плѣнъ побѣдителямъ. Хотя непріятель побитъ; однакожь арріеръ-гардъ находился въ опаснѣйшемъ положеніи, отставши отъ арміи Генерала Голенищева-Куту-

зова; которой спѣшилъ соединиться съ Графомъ Вуксгевденомъ. Сей арріеръ-гардъ долженъ былъ останавливать непріятельскія дивизіи, угрожавшія нападеніемъ на Моравію: Когда Вѣнскій мостъ; по слабости или по глупости, отданъ Французамъ; арріеръ-гардъ могъ бы легко быть отрѣзанъ войсками, шедшими черезъ Штокерау къ Знаймской плотинѣ, если бы не произошло сраженія при Голлабрунѣ, гдѣ Князь Багратіонъ, ученикъ Суворова, явилъ себя достойнымъ своего учителя:

Россійскій арріеръ-гардъ начавши кровопролитное сраженіе съ непріятелемъ, остановилъ тридцати-тысячную армію, напавшую на горсть солдатъ; но сего не довольно: надлежало выиграть время, доставить Генералу Голенищеву-Кутузову возможность уйти впередъ двумя или тремя маршами; а между тѣмъ занимать непріятеля переговорами: Честь запрещала отдаваться въ плѣнъ; законы военные, самые строгіе, дозволяютъ въ случаѣ нужды обмануть непріятеля:

Перемиріе на двадцать часовъ и переговоры о сдачѣ были не что иное, какъ военная хитрость, которою Князь Багратіонъ безъ сомнѣнія могъ воспользоваться по тому особливо, что Мюра = обманувъ Австрійска-

го Генерала, прикрывавшаго средоточіе Россійской арміи, и увѣривъ его, что миръ заключенъ — самъ подалъ примѣръ и наставленіе.

Ноября 18 Французы вошли въ Вѣну. Бонапарте, подоспѣвши къ сраженію при Голлабрунѣ, съ досадою увидѣлъ, какъ славно Россіяне окончили опасное дѣло. Когда всѣ Французскія дивизіи соединились въ окрестностяхъ Бринна, онъ имѣлъ передъ собою двѣ колонны Россійской арміи, къ которымъ присоединилось около двадцати тысячь Австрійцевъ подъ предводительствомъ Князя Лихтенштейна.

Наступило неизбѣжное время генеральнаго сраженія. Хотя Вѣна была занята Французами; однакожь судьба сей столицы и всей Австріи зависѣла отъ предстоявшаго дѣла; Наполеону оставалось еще одинъ разъ ударить своею палицею и повергнуть Австрійскую Монархію, которая имѣла уже только одну голову.

Но чтобы нанести сей важной, рѣшительной ударъ, ему надлежало не только напасть на непріятельскую армію, не дожидаясь, пока третья Россійская колонна могла достигнуть до назначеннаго мѣста, но еще подкрѣпить свою тридцати-тысячнымъ

корпусомъ Бернадоттовымъ, которой бѣжалъ къ ней со всевозможною поспѣшностїю. Бонапарте, не иначе какъ съ недовѣрчивостїю, происходящею отъ почтенїя, готовился сразиться съ войскомъ, котораго мужеству и неустрашимости не могъ не удивляться. Отъ него зависѣло, соединивши всѣ силы свои, дать сраженїе храброму непрїятелю, которой съ благородною рѣшительностїю отважился начать дѣло, не дождавшись прибытїя на мѣсто своихъ ополченїй.

Не должно удивляться, что Бонапарте въ сїе время дѣлалъ услужливыя предложенїя ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ, и что посылалъ письмо съ Генераломъ Савари къ Сему МОНАРХУ; не должно удивляться ни частымъ переѣздамъ Адъютантовъ, ни свиданїю Бонапарте съ Княземъ Долгорукимъ на Бриннской плотинѣ, ни досадѣ, которую онъ обнаружилъ, увидѣвъ, что не для чего было открывать хаосъ политическихъ своихъ намѣренїй. Всѣ сїи переговоры клонились къ тому только, чтобъ выиграть время, изнурить Моравїю, ослабить въ Русскихъ довѣрїе къ Берлинскому Кабинету, подкрѣпить нерѣшительность Пруссїи, принять въ Бриннѣ Графа Гаугвица и Графа Стадїона, погрозить первому скорымъ разрывомъ, настращать втораго опасностями,

предстоящими Австрійской Монархіи, посѣять между обоими взаимную недовѣрчивость, а болѣе всего дождаться прибытія Маршала Бернадотта, и такимъ образомъ, умноживъ силы свои, сразиться съ непріятелемъ, котораго не удалось обмануть.

Дѣло подъ Вишау, гдѣ передовые посты Россійской арміи опять одержали верхъ, подкрѣпило въ Наполеонѣ намѣреніе, не теряя времени, призвать на помощь всѣ хитрости военной науки, и въ генеральномъ сраженіи воспользоваться не только опытностію солдатъ своихъ, но и страшною артиллеріею, взятою въ Вѣнѣ — артиллеріею, противъ которой едва ли можетъ устоять личная храбрость найлучшей пѣхоты въ Европѣ.

И такъ надлежало подъ Аустерлицомъ дать сраженіе союзникамъ — но не однимъ Россіянамъ, хотя Бонапарте и притворялся, будто съ ними только имѣетъ дѣло. Нѣтъ! сей воинственный народъ, въ теченіе многихъ лѣтъ съ ряду привыкшій побѣждать подъ предводительствомъ Голицыныхъ, Румянцовыхъ, Суворовыхъ, не одинъ предпринималъ рѣшить судьбу Австріи: Вѣнскій Кабинетъ, нашедъ убѣжище подъ военными наметами, располагалъ по своей волѣ всѣми дѣйствіями. Въ Дирнштейнѣ, въ Голлабрунѣ Россійскіе Генералы сами начальство-

вали — и увѣнчали себя лаврами побѣды; подъ Аустерлицомъ Генеральной Штабъ Австрїйской оковалъ ихъ таланты и мужество. Духъ войска, съ ряду двадцать разъ битаго, распространился на всю армїю. По ложному умствованїю и заключенїю, будто вспомогательное войско должно принимать впечатлѣнїя, а не производить оныя, побѣжденные осмѣлились готовиться къ одержанїю побѣды. Союзная армїя, построенная въ боевой порядокъ по плану Австрїйскаго Генералъ-Квартирмейстера, самою неудачею своею приводитъ на память день славнаго сраженїя при Каннахъ, гдѣ Римляне проиграли именно отъ того, что Варронъ, а не Павелъ Эмилїй, начальствовалъ надъ войскомъ.

Если и сдѣлана ошибка, то сїя ошибка есть слѣдствїе правила столь благороднаго, что ею не стыдно хвалиться, какъ славнымъ подвигомъ. Она въ томъ состоитъ, что несчастїю оказано большее уваженїе, нежели какого требовала осторожность. Австрїи не чемъ было защищать свою столицу: и такъ, надлежало, не внимая никакимъ представленїямъ, насильно взять ее подъ свое покровительство; надлежало, впрочемъ храня почтенїе къ несчастнымъ полководцамъ, къ храбрымъ воинамъ, къ Монарху, достойному всего уваженїя, не при-

нимать ихъ плановъ, и о настоящемъ судить по прошедшему. Когда разрушена цѣлая армія многолюдная, когда всѣ части правительства остановили свое дѣйствіе, когда Вѣна отдана непріятелю, когда открылось, что излишнее довѣріе было вредно, — надлежало съ Австрійскимъ Императоромъ поступать какъ съ Монархомъ, состоящимъ подъ защитою; надлежало возложить на себя должность покровительства, должность почтенную, необходимую, и слушаться голоса строгой Политики, а не дружбы. Чтобы спасти Австрію, надлежало быть въ ней полнымъ хозяиномъ на нѣсколько времени.

Не входимъ въ подробности Аустерлицкаго сраженія, — совсѣмъ не по тому, чтобы ребяческимъ молчаніемъ отдѣлаться, и не упоминать объ ошибкахъ. Живописецъ закрылъ лице Агамемнона не для того, чтобъ утверждать, будто отецъ не печалится о потерѣ дочери. Если по слѣдствіямъ войны судить о военныхъ дѣйствіяхъ, то *бюллетины* Французскіе ничего не сказали ложнаго въ своихъ гиперболическихъ описаніяхъ: но если дать волю разуму произнести безпристрастной приговоръ, оставивъ Арабскія сказки и смѣшныя донесенія о подвигахъ *великой* арміи, донесенія, сочиненныя для празднаго народа, то справедливость велитъ признать-

ся, что бываютъ важныя ошибки, которыя не дѣлаютъ пятенъ, и что твердая надежда на свое мужество, и — дерзну сказать — благородное высокомѣрїе, во всѣ времена поставлялись въ числѣ ошибокъ блистательныхъ, знаменитыхъ.

Еслибъ Австрїйскїй Императоръ, впрочемъ утомленный безпрестанными пораженїями, не поспѣшилъ на другой день послѣ Аустерлицкой битвы однимъ разомъ допить чашу бѣдствїй, изъ которой два мѣсяца сряду принималъ онъ по каплѣ: то конечно не произошло бы столько непрїятныхъ слѣдствїй. Когда неумытная Исторїя станетъ обвинять Франца II въ безвременномъ унынїи, которое было виною многихъ злоключенїй, — онъ по крайней мѣрѣ для оправданїя себя можетъ сказать, что пожертвовавъ счастїемъ своимъ и могуществомъ, сберегъ столицу и подданныхъ.

Войска, пришедшїя спасти Европу, видя вездѣ обманъ и измѣну, принуждены были возвратиться въ отечество. Австрїйская Монархїя оставлена самой себѣ, и Политика заснула, ожидая того времени, пока общїй вопль пробудитъ ее.

Бонапарте окончилъ кампанїю, какъ Генсерикъ, или какъ Аттилла. Онъ сра-

жался не для блага отечества, но для собственныхъ своихъ выгодъ. Будучи воспитанъ подъ щитомъ военнымъ, подобно полководцамъ варварскихъ народовъ, онъ наслѣдовалъ ихъ наглость; подобно имъ, старается только ослѣплять умы мнимымъ величіемъ. Бонапарте господствуетъ, потому что не даетъ образумиться. Подобно предводителямъ древнихъ Франковъ, переправляясь черезъ Рейнъ, онъ тащилъ съ собою все свое отечество. Идучи къ берегамъ Дуная искать новыхъ счастливыхъ приключеній, онъ несъ Францію съ собою, и готовъ былъ играть ею противъ обширныхъ областей, которыя хотѣлъ поработить.

Характеръ войны, причинившей столько бѣдствій, имѣетъ въ себѣ нѣчто гигантское. Не страшно государство, впрочемъ сильное, находящееся среди Европы; страшенъ завоеватель, которой не боится выставлять всю свою силу для того, чтобъ удвоить ее. Похититель короны выступаетъ на брань съ законными Государями. Не имѣя ни предковъ, ни потомковъ, онъ думаетъ только о возвышеніи себя, и находитъ единственное удовольствіе въ распространеніи своего могущества. Не зная постоянства, испытавши все, кромѣ счастливаго обладанія, онъ не можетъ желать спокойствія, ибо не можетъ остановиться. Безпрестанно насыщаемое и всегда гладное честолюбіе его напоми-

наетъ несчастнаго Сизифа, которой въ Тартарѣ вѣчно мучится надъ своимъ камнемъ.

Сказано выше, что исполинскія затѣи, отважныя намѣренія, которыя заставили вывести всѣ силы Франціи противъ союзной арміи, могли родиться только въ головѣ человѣка, заботящагося не о почтеніи, но объ удивленіи. Франція не видѣла особливой надобности въ войнѣ; слѣдственно опасно было бы оставить умы въ покоѣ. Чтобы отнять у Французовъ случаи входить въ разныя изслѣдованія, выводить разныя догадки, какъ обыкновенно бываетъ въ военное время, Бонапарте рѣшился привести въ изумленіе своихъ согражданъ, и такимъ образомъ заставить ихъ плясать по своей дудкѣ.

Повѣрятъ ли? Что было побудительною причиною для Бонапарте начать жестокую войну, то же самое заставило его сочинить мирныя статьи Пресбургскаго трактата, которой, судя по обстоятельствамъ, надобно почитать весьма умѣреннымъ. Занимая среднюю черту между Европою, которую безпокоитъ, и Франціею, которую тѣснитъ и подвергаетъ опасностямъ, Бонапарте при всѣхъ поступкахъ руководствуется только личною своею пользою. Австрія возвращена Императору Францу II для тайныхъ замысловъ

противъ Пруссіи, и для другихъ политическихъ видовъ; кромѣ того Наполеонъ зналъ, что такая щедрость заставитъ его поклонниковъ бросить на жаровню еще горсть ѳиміама, которой ему очень не противенъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Номерѣ.)

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Монитёрѣ напечатано: „Никогда еще не было распущено столько басень, какъ теперь. Нѣмецкія газеты наполнены ими, а наши Журналисты сплошь повторяютъ ложныя извѣстія, думая, что надобно тотчасъ помѣщать въ своихъ изданіяхъ все, что ни появляется въ лучшихъ газетахъ. Какъ могъ *Публицистъ* повторять новость, помѣщенную въ нѣкоторомъ публичномъ листкѣ Нѣмецкомъ, будто Курфирстъ Баденскій сложитъ съ себя правленіе? Безъ сомнѣнія Курфирстъ Баденскій не будетъ управлять народомъ своимъ такъ долго, какъ желательно для счастія подданныхъ его; однакожъ правленіе не есть работа механическая, и старость не менѣе способна къ понесенію сего бремени, какъ и юной возрастъ. Впрочемъ извѣстно, что сей Государь во все время своего княженія не меньше

другихъ Монарховъ занимался благоденствіемъ подданныхъ. Кажется, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Французскіе Журналы не должны бы разглашать подобныхъ новостей. Журналъ, такъ называемый: *Парижскій*, пачитавши въ Неаполитанскихъ листкахъ, что нынѣшній Король (Іосифъ Бонапарте) сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ разсужденіи соляной пошлины для уравненія сборовъ и для предупрежденія хищеній, тотчасъ перетолковалъ по своему сію новость и разгласилъ, будто налогъ на соль совсѣмъ уничтоженъ. Въ одномъ Авгсбургскомъ листкѣ написано, что Папа отправится въ Авиньйонъ. Нѣмецкой издатель конечно не знаетъ, что Папѣ нечего дѣлать въ Авиньйонѣ; но Французской Журналистъ, повторившій сіе извѣстіе, долженъ бы, кажется, вѣдать, что область Авиньйонская теперь называется *Воклюзскимъ* Департаментомъ."

И такъ Монитёръ противурѣчитъ важнымъ извѣстіямъ, которыя повторяемы были во всѣхъ листкахъ политическихъ. Положимъ, что слухи о Баденскомъ Курфирстѣ и о путешествіи Папы не справедливы; но никакому сомнѣнію не подвержено, что для Нѣмецкой Имперіи сочиняется новая Конституція *въ Парижѣ*, и что Церковной Области и самой Римско-Католической церкви предстоятъ великія перемѣны. Новѣй-

шія письма увѣдомляютъ о вступленіи Французскихъ войскъ въ Римъ, и о скоромъ отъѣздѣ Святаго Отца въ Туринъ.

Король Шведскій постановилъ отмѣнить прежнюю конституцію въ Нѣмецкихъ своихъ владѣніяхъ, и ввести вмѣсто оной Шведскую. Померанія и островъ Ригенъ не будутъ имѣть никакихъ сообщеній съ Имперскими Трибуналами. Такія сообщенія не должны быть терпимы въ нынѣшнее время, когда Германской Сеймъ состоитъ подъ чуждою властію. Сколь опасна была для Швеціи и для самой Помераніи прежняя конституція, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда Король въ нынѣшнемъ году далъ повелѣніе о наборѣ земскаго войска, Померанскіе Чины отослали оное въ Имперскіе Трибуналы на разсмотрѣніе, — и это случилось тогда, какъ непріятель угрожалъ нападеніемъ на области!! Шведское уложеніе введено будетъ съ 1 числа Сентября нынѣшняго года, а до того времени судопроизводство остается въ прежнемъ состояніи. Земледѣльцы, которые въ Помераніи принадлежатъ помѣщикамъ, и по Шведскимъ законамъ должны быть вольными, получатъ свободу не прежде 1810 года; между тѣмъ приняты мѣры, мало по малу приготовить сіе сословіе къ воспріятію благодѣянія, даруемаго новыми законами. Внезапной пере-

ходъ отъ неволи къ свободѣ могъ бы имѣть непріятныя слѣдствія.

*

Разные слухи о мирныхъ сношеніяхъ почти ежедневно перемѣняютъ вексельные курсы въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Увѣряютъ, что предварительныя статьи уже готовы, и что Лордъ Голландъ отправится во Францію въ качествѣ Уполномоченнаго для формальныхъ переговоровъ. Въ Великобриттанской газетѣ пишутъ слѣдующее: „Не льзя проникнуть въ намѣренія правительства; но не льзя также не предполагать, что онѣ клонятся къ *выгодному миру*. Изъ того слѣдуетъ само собою, что предметъ сношеній между Англіею и Франціею, производимыхъ посредствомъ плѣнныхъ чиновниковъ и курьеровъ, есть открытіе переговоровъ объ окончаніи войны. Сказываютъ, что Г. д' Убриль, находящійся нынѣ въ Вѣнѣ, поѣдетъ въ Парижъ (*) также для переговоровъ. Далѣе сказываютъ же, что между Фоксомъ и Таллейраномъ сношенія производятся чрезъ посредство Французскаго Генерала Бойера, Лорда Ярмута, Г-на Вильбрагама и другихъ особъ. Какъ бы то ни было, все еще нѣтъ причины утверждать, что миръ непремѣнно заключенъ будетъ. Г. Фоксъ теперь не можетъ ни предложить, ни принять

(*) Теперь онъ уже пріѣхалъ.

условій, которыхъ требуютъ выгоды Наполеона Бонапарте. Англія не можетъ признать сдѣланныхъ перемѣнъ въ Германіи; не можетъ согласиться, чтобы Королевство Голландское осталось за Лудовикомъ Бонапарте, а Неаполитанское за Іосифомъ; не можетъ оставить въ рукахъ Франціи ключи и крѣпости Средиземнаго моря; только за Мальту и за Ганноверъ не можетъ отдать обратно всѣ колоніи Французскія, Испанскія и Голландскія; даже не можетъ облегчить для Бонапарте способы покорить Сенъ-Доминго. А безъ сихъ уступокъ смѣшно было бы надѣяться на миръ.

„Франція силою своего оружія и дѣятельностію военнаго, революціоннаго правительства беретъ перевѣсъ въ политической системѣ Европы. Блескъ Дома Бонапарте начинаетъ помрачать славу Бурбоновъ. Французамъ пріятно видѣть, что ихъ начальникъ жалуетъ въ Короли и въ Герцоги. Правда, нынѣшніе налоги несравненно тягостнѣе бывшихъ въ прежнее правленіе; но безчисленное войско удерживаетъ ропотъ. Бонапарте любимъ солдатами, потому что они подъ его предводительствомъ нѣсколько разъ сражались и побѣждали, а еще болѣе по тому, что онъ не щадитъ для нихъ ни почестей, ни богатства. Военное ремесло со дня на день болѣе распространяется въ на-

родѣ, потому что многіе нажили деньги и почести въ военной службѣ. При всякомъ хищеніи, на которыя покушался Бонапарте, всѣ солдаты, и даже всѣ тѣ изъ его подданныхъ, которые дѣятельнѣе трудятся для честолюбивыхъ видовъ своихъ, получали отъ него довольно на свою долю. Вотъ причины, заставляющія самаго Бонапарте и подданныхъ его желать такого мира, которой, обезоруживъ непріятелей, предоставилъ бы ему возможность хватать все, что ни попадется. Признаемъ новопожалованныхъ имъ Королей и Герцоговъ; дозволимъ ему господствовать надъ Средиземнымъ моремъ; отдадимъ колоніи Испанскія, Голландскія, Португальскія и Французскія, завоеванныя нами на Востокѣ и на Западѣ; согласимся на его требованіе уменьшить наши флоты и войска; откажемся навсегда отъ нашей торговли и отъ политическаго вліянія на твердую землю: на сихъ условіяхъ онъ помирится съ нами на нѣкоторое время, и даже возвратитъ — не надолго — Ганноверъ законному своему Курфирсту!"

Напротивъ того Французы вотъ что поютъ въ своемъ *Аргусѣ*, которой пишется на Англійскомъ языкѣ для того, чтобъ Островитянамъ доставить удовольствіе читать въ подлинникѣ брань и не рѣдко выдумываемыя небылицы: „Англичанамъ не очень ира-

вится, что твердая земля принимаетъ спокойную наружность. Бѣдствія жестокой войны возбуждаютъ во всѣхъ народахъ желаніе мира. Сему-то расположенію надлежитъ приписывать, что Король Прусскій терпѣливо слушаетъ вызовы Короля Шведскаго. Англичане все еще продолжаютъ нарушать права народныя. Какая польза обижать миролюбивыхъ приморскихъ жителей, жечь домы ихъ и нападать на рыбаковъ беззащитныхъ? Такіе поступки открываютъ слабость, ни къ чему не служатъ, и доказываютъ, что Бриттанцы не руководствуются никакою системою, никакими постоянными правилами. Сего дня отдаютъ повелѣнія, завтра отмѣняютъ. Сперва объявили, что крѣпко запрутъ *всю* надбрежную линію, а теперь дѣлаютъ изключеніе. Непосредственно за первымъ объявленіемъ вышло другое, по которому уже дозволяется судамъ неутральнымъ входить въ Эльбу. Они знаютъ, что когдабъ заперли всѣ рѣки и порты, то обратилибъ на себя собственное оружіе, и запутались бы въ сѣтяхъ, которыя сами же разставили."

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1806.

№ 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Мужъ разератитель.

(Повѣсть.)

J'ai exposé simplement vos passages, ſans y faire presque de réflexions. PASCAL (*).

Передъ концемъ *Философическаго* обѣда у Барона Д*, Маркизъ Декланжъ, любимый ученикъ и ревностный почитатель Энциклопедистовъ, объявилъ собранію, что вознамѣ-

(*) „Я не приводила здѣсь ни одного мѣста — говоритъ Сочинительница — изъ тѣхъ книгъ, на которыя женщинѣ ссылаться неблагопристойно: каковъ, напримѣръ, *Кандидъ* Вольтеровъ, каковы *Монахиня* и *Жакъ Фаталистъ* Дидеротовы. Что было бы со мною, если бъ я не имѣла сей разборчивости?“

рился жениться. „Какъ! — вскричалъ Даламберъ: вы хотите лишиться единственнаго, существеннаго блага, лишиться свободы?“ — Онъ произнесъ слова сіи голосомъ рѣзкимъ, и грубѣе, нежели какъ говорилъ обыкновенно; ибо Господинъ *Философъ* отъ супружества и отъ любви имѣлъ какое-то отвращеніе, похожее на ненависть. Самъ будучи сынъ любви, онъ отрекся отъ своего отца; за то Граціи навсегда отреклись отъ Геометра-остроумца. — „Вы еще очень молоды — сказалъ Мармонтель: не дурачество ли, въ такія лѣта налагать на себя вѣчныя узы!“ — Подождите по крайней мѣрѣ — примолвилъ Дидеротъ — пока установимъ разводъ. — „Пускай себѣ женится — подхватилъ Г* * *. — Развѣ мы еще мало облегчили должности супружескія? . . .“ — Господа! — отвѣчалъ Маркизъ: вы сами себѣ противурѣчите; не вы ли возставали противъ безбрачной жизни? — „Это правда; однакожь супружество суевѣрное неприлично Философу . . . . Читали ль вы мое *Дополненіе къ Путешествію Бугенвиля*?“ — Хорошъ вопросъ! это самое лучшее изо всѣхъ философическихъ вашихъ сочиненій! — „Когда мы доживемъ до счастливѣйшихъ временъ, — когда умы просвѣтятся и примутъ себѣ за *правила* истины, содержащіяся въ *Дополненіи*; тогда можете сочетаться бракомъ.“ — Я женюсь на робенкѣ; невѣстѣ моей

не болѣе пятнадцатилѣтъ . . . . — „Хороша ли она ?“ спросилъ Мармонтель. — Прекрасна, и умна — отвѣчалъ Маркизъ; даю вамъ честное слово, что она полюбитъ Философїю. Вѣдь вы знаете, что *Фернейскїй Патріархъ* совѣтуетъ склонять на свою сторону *молодыхъ женщинъ*, чтобъ получить успѣхъ въ дѣлѣ. — „Знаю; однакожь онъ говоритъ не о мужьяхъ.“ — Пятнадцатилѣтняя женщина, съ сердцемъ свѣжимъ и чувствительнымъ, съ головою, набитою романическими мечтами будетъ почитать своего мужа любовникомъ, — по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцовъ; пользуясь минутами очарованїя и любви, постараюсь образовать умъ ея. — „И будете за то награждены съ избыткомъ! — подхватилъ Даламберъ торжествующимъ голосомъ: такъ, вы образуете для себя милую подругу, просвѣтивъ умъ ея, и украсивъ сердце всѣми *добродѣтелями честнаго человѣка*.“

Маркизу Декланжу было тридцать три года; онъ имѣлъ прїятную наружность и умъ болѣе острой, нежели основательной; почиталъ себя *глубокомысленнымъ*, потому что одобрялъ всѣ мнѣнїя Философовъ, бывшїя тогда въ модѣ; въ обществѣ казался любезнымъ и ловкимъ, — но принявшись умствовать, съ педантскою спесью повторялъ общїя мѣста своей школы; если кто

противорѣчилъ ему — онъ улыбался съ видомъ жалости, и не хотѣлъ слушать; молчанїемъ и презрѣнїемъ вооружался противъ *предразсудковъ*: это у него называлось *терпимостїю*, — другой онъ не зналъ, ибо ненавидѣлъ всѣхъ, которые думали съ нимъ не одинаково. Хотя былъ онъ весьма тщеславенъ, однакожь не нахалъ: чувствительность предохраняла его отъ сей крайности. Принялъ ученїе новой Философїи, потому что оно согласовалось съ пылкими его страстями. Правила, относящїяся до политики, до *равенства*, до *правъ человѣка* и тому подобнаго, почиталъ простою ѳеорїею; никогда не размышлялъ о нихъ, и казался жаркимъ поборникомъ ихъ для того только, чтобъ ослѣплять умомъ своимъ и характеромъ; въ самомъ же дѣлѣ любилъ свои преимущества, на которыя имѣлъ права по знатной породѣ, и по мѣсту при Дворѣ. Маркизъ готовился жениться на богатой наслѣдницѣ. Юлїя Вольмасъ, нареченная невѣста его, по несчастїю, еще во младенчествѣ лишилась родителей. Бабка ея, жившая въ дальней провинцїи, взяла на себя попеченїе объ ея воспитанїи. Юлїя научена была хорошимъ правиламъ, видѣла передъ собою хорошїе примѣры, и умѣла тѣмъ и другимъ воспользоваться. На четырнадцатомъ году она лишилась благодѣтельницы своей, досталась въ власть

старому опекуну, которой привезъ ее въ Парижъ и отдалъ въ монастырь. Юлїя была богата, имѣла прекрасную фигуру, и всѣ прелести юнаго возраста. Изъ числа многихъ придворныхъ, искавшихъ руки ея, Маркизу Декланжу отдано преимущество. Ему дозволили посѣщать невѣсту въ монастырской гостинной. Скоро Маркизъ влюбился въ нее страстно; Юлїя также съ радостїю одобряла выборъ своего опекуна. Юлїя, набожная, кроткая, простодушная и чувствительная, носила въ сердцѣ своемъ драгоцѣнное сѣмя всѣхъ добродѣтелей; благословляла память бабки своей; помнила и исполняла всѣ ея совѣты, — исполняла охотно, не дѣлая самой себѣ ни малаго принужденїя. Новая должность предлежала ей — почитать и любить своего мужа: но сїя должность казалась ей прїятною, потому что женихъ нравился ея сердцу.

Положено быть свадьбѣ въ первой день Мая, въ тотъ день, когда Юлїи исполнилось пятьнадцать лѣтъ отъ роду: сїе обстоятельство, милая простота и свѣжїя прелести юной супруги подали случай къ сочиненїю свадебныхъ стиховъ, безъ сомнѣнїя лучшихъ, нежели какїе обыкновенно пишутся. Юлїя въ первой разъ въ жизни увидѣла себя въ пышномъ уборѣ, въ первой разъ услышала соблазнительный

языкъ любви. Въ продолженіе достопамятнаго сего дня суетное тщеславіе и любовь то попеременно наполняли душу ея, то сливались вмѣстѣ, и взаимно себя подкрѣпляли.

По старинному обыкновенію, невѣста получила отъ жениха свадебную корзинку съ подаркомъ, состоящимъ въ пяти стахъ луидорахъ. Юлія, побуждаемая человѣколюбіемъ, сама себѣ обѣщала употребить сіи деньги на освобожденіе изъ тюрьмы бѣдныхъ должниковъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы ей надлежало съ мужемъ отправиться въ деревню, за двѣ мили отъ Парижа; она рѣшилась исполнить благочестивое свое намѣреніе на канунѣ отъѣзда въ вечеру, ибо знала, что посѣщенія и тому подобныя дѣла не дозволятъ ей располагать собою въ другое время.

На третій день послѣ свадьбы сказано Юліи, что ей надобно явиться въ театрахъ. Бабка воспитала ее не затворницею; не запрещала ѣздить въ театры; совѣтовала только посѣщать ихъ какъ можно рѣже, прибавивъ, что лучше сдѣлаетъ, если обойдется безъ спектаклей. Юлія со всею искренностію объявила свекрови, что хочетъ остаться дома, и свекровь соглашалась не дѣлать ей въ этомъ принужденія. Маркизъ высыпалъ тучу ядовитыхъ

насмѣшекъ. Юлїи непрїятно было казаться смѣшною предъ глазами любимаго человѣка; она пожертвовала любви своими правилами, и поѣхала въ Оперу. Будучи обворожена музыкою и зрѣлищемъ, упоена удовольствїемъ, видя, что всѣ пристально смотрятъ на нее, удивляются ея прелестямъ, она скоро перемѣнила внутреннїя свои расположенїя. Маркизъ Декланжъ, сидѣвшїй за нею, замѣчалъ ея движенїя и восхищался; онъ думалъ, что одержалъ въ сїю минуту важную побѣду. Приѣхавши домой, долго разговаривалъ съ Юлїею о семъ предметѣ. — „Милая моя! — сказалъ онъ ей между прочимъ: ты столько умна, что конечно не захочешь остаться при старинныхъ, провинцїальныхъ предразсудкахъ; я увѣренъ, что ты сама скоро почувствуешь, какъ онѣ смѣшны.“ — Юлїя очень обрадовалась, услышавъ, что *уму* ея приписываетъ похвалы тотъ, которой самъ извѣстенъ въ качествѣ *умнаго* человѣка, и обѣщалась охотно ѣздить въ Оперу. Маркизъ сказалъ между прочимъ, что ему будетъ весьма прїятно, если она сохранитъ *благочестивыя чувствованїя*, и прибавилъ, что онъ самъ имѣетъ ихъ. Юлїя была внѣ себя отъ восторга; она еще не знала истиннаго значенїя сей фразы, часто употребляемой деистами.

Въ слѣдующїе дни Юлїя представлена была Двору; потомъ нѣсколько разъ возили ее въ Комедїю; наконецъ Маркизъ познакомилъ ее съ Философами, своими друзьями, которыхъ пригласилъ обѣдать. Разговоры ихъ показались ей странными; она не понимала ихъ, и боясь подать невыгодное мнѣнїе о своемъ умѣ, не отваживалась просить объясненїя. Въ другой разъ Философы завели рѣчь о роскоши, и выхваляли ее чрезвычайно. Одинъ съ важнымъ видомъ утверждалъ, что *модная женщина* несравненно *полезнѣе для государства*, заставляя работать торговокъ и ремесленниковъ, нежели *богомолка*, *которая печется о больныхъ*, *помогаетъ бѣднымъ и освобождаетъ узниковъ* (*). Всѣ подтвердили его мнѣнїе, а особливо Маркизъ, которому сїя мысль очень нравилась. Другой прибавилъ, что *благодѣянїе не иное что есть*, *какъ слабость*, *ежели оно не служитъ къ пользѣ общественной* (**); человѣколюбивыя пособїя, неимѣющїя никакого дѣйствїя на цѣлое общество, на примѣръ, оказываемыя тайно людямъ безполезнымъ и страждущимъ, и тому подобныя, значатъ не добродѣтель, но слабость. Хотите пожертвовать, помочь, сдѣлать добро? изслѣ-

(*) Сїе мнѣнїе находится въ Гельвецїевой книгѣ: *О Духѣ*.

(**) См. *Жизнь Тюрго*. Соч. Кондорсета.

дуйте прежде, будетъ ли это *служить къ общественной пользѣ.* — Юлїя, до крайности изумленная, слушала и молчала. Разговоръ былъ понятенъ, и напечатлѣлся въ душѣ ея. На другой день завели рѣчь о любви къ отечеству; Римскїя чувства собесѣдниковъ восхищали Юлїю. Спустя два или три дня, она захотѣла посѣтить лавки. Будучи поражена блескомъ товаровъ, которыхъ прежде не видала, Юлїя вспомнила, въ чемъ состоитъ должность *доброй гражданки*; она любила *свое отечество.* Побывавши въ модномъ магазинѣ торговки Буларъ, и въ галантерейной лавкѣ Сикеса, отмѣнила намѣренїе освобождать должниковъ; почти всѣ пять сотъ луидоровъ издержаны на покупку новаго платья и Англїйскихъ бездѣлокъ. Возвратясь домой, Юлїя почувствовала угрызенїе совѣсти; но скоро ободрилась, говоря сама себѣ: поступокъ мой полезенъ обществу; въ томъ увѣряютъ знаменитые Писатели, *великїе люди*; такъ думаетъ и мужъ мой, человѣкъ опытной, умной и благочестивой. — Сїи мысли успокоили ее совершенно.

На другой день горничная, которая воспитала Юлїю на рукахъ своихъ, пришла сказать ей о бѣдной четѣ, старикѣ и старухѣ, больныхъ, неимѣющихъ дневной пищи. Юлїя столько была тронута состо-

ніемъ сихъ несчастныхъ, что немедленно рѣшилась послать имъ оставшіеся тридцать луидоровъ. Не сказывая горничной о своемъ намѣреніи, пошла за деньгами въ другую комнату. Въ залѣ нашла она модную торговку, которая принесла новыя прекрасныя кружева, и столько ихъ расхвалила, что Юлія не могла не посмотрѣть. Прежде купленныя, по совѣту свекрови, кружева съ *готическими* рисунками, выплетены покрайней мѣрѣ за три или за четыре года; молодыя женщины, Юліины родственницы, колко шутили надъ симъ стариннымъ уборомъ; Юліи сильно захотѣлось купить кружева, которыя, по увѣренію торговки, недавно привезены съ фабрики. . . Не зная на что рѣшиться, она пошла въ свою комнату, съ тѣмъ чтобъ подумать. Отдавши деньги старику и старухѣ — сказала Юлія сама себѣ: я не сдѣлаю никакой *пользы обществу*. Положимъ, что симъ поступкомъ удовлетворю сердце свое; но это — *слабость*; еслижь куплю кружева, то подвигъ сей послужитъ къ ободренію нашихъ Фландрскихъ мануфактуръ . . . надобно исполнять свою должность! — Взявъ деньги, пошла въ залу, и съ *философскою* твердостію вручила ихъ торговкѣ. Горничная въ другой разъ начала говорить о бѣдныхъ, и просила помощи. Маркиза, давъ ей луидоръ, велѣла отослать къ старику; добрая женщина сказала,

что этого мало. „Поди — съ важностїю отвѣчала Юлїя: *мои правила* не дозволяютъ дать болѣе.“

Поѣхали въ деревню. Маркизъ страстно любилъ свою супругу; Юлїя, простодушная, живая и веселая, плѣняла своею невинностїю и милыми прелестями. Маркизъ, привыкшїй льстить женщинамъ, чтобъ имъ нравиться, обходился съ женою своею не такъ какъ съ особою, которую хотѣлъ заставить любить себя, но какъ съ такою, которую хотѣлъ соблазнить.

Люди, смѣшавъ разныя чувства, разторгли священнѣйшїе союзы. Мать, которая хочетъ быть только *другомъ* дочери, отнимаетъ всю важность у своихъ совѣтовъ, и теряетъ достоинство своего сана. Почто отрекаться отъ правъ натуры? какое титло, какое названїе могутъ замѣнить любезное имя *матери*? Такая замѣна всего лишаетъ. Мужъ, которой хочетъ быть только *любовникомъ* жены своей, принимаетъ самое опасное намѣренїе, и берется играть лице самое странное. Юлїи, которая съ малолѣтства затвердила, что мужъ есть покровитель, наставникъ и господинъ, было весьма прїятно слышать безпрестанно о любви, о совершенномъ равенствѣ. „Ахъ! — говорила она сама себѣ: какую печальную, ка-

кую ложную мысль поселили во мнѣ о супружествѣ! покойная бабушка не способна была обманывать; слова ея были искренни: вѣрно тиранъ мужъ заставилъ ее думать, что всѣ мужья на него походятъ. . . .“ — Чтенїе подкрѣпило въ Юлїи сїи мысли. Прежде она не читывала романовъ. Маркизъ предложилъ ей цѣлую библїотеку, наполненную книгами сего рода. Тутъ она увидѣла, что *любовникъ* есть покорнѣйшїй и преданнѣйшїй слуга своей повелительницы, и что онъ, а не она, долженъ повиноваться. Какое прекрасное открытїе! — „А, лукавецъ — сказала она мужу: ты не объявилъ мнѣ всѣхъ правъ моихъ; однакожь будь спокоенъ; я не употреблю ихъ во зло; впрочемъ знать ихъ не безполезно.“ Маркизъ, восхищенный милою невинностїю жены своей, отвѣчалъ ей тономъ *любовника*, — и Юлїя не пропустила замѣтить это. Впрочемъ, она была такъ великодушна, такъ смиренна, что пользовалась правами власти своей не иначе, какъ съ крайнею осторожностїю; однакожь знала, что въ нужномъ случаѣ можетъ поступить иначе.

Однажды извѣстнѣйшїе остроумцы, собравшись у молодой Маркизы, говорили о любви; всѣ единодушно *согласились*, что *сильная страсть* непобѣдима; что любовь, даже законопреступная, не только не опасна

для добродѣтели, но что она *очищаетъ* ее и *возвышаетъ*, и что она одна дѣлаетъ насъ истинно добрыми (*). Юлїя внутренно удивлялась, какимъ образомъ законопреступная любовь можетъ произвести такїя спасительныя дѣйствїя. Впрочемъ, какъ же и сомнѣваться, когда соглашаются въ томъ люди умнѣйшїе, и такїе, которые говорятъ о добродѣтели съ восторгомъ? . . . . Въ тотъ же день она имѣла наединѣ продолжительной разговоръ съ мужемъ, любимымъ до дурачества, и открыла ему чувства свои съ трогательною искренностїю. — „Милая Юлїя! — сказалъ Маркизъ: будь всегда такъ чистосердечна; ни что столько не унижаетъ женщинъ, какъ притворство. Обѣщайся откровенно признаться мнѣ, если когда-нибудь сердце твое полюбитъ другаго!“ — Боже мой! — вскричала Юлїя: какая ненавистная мысль! увѣряю тебя, другъ мой! что правила мои не допустили бы меня забыть свою должность, даже и тогда, когда бы я не имѣла къ тебѣ такой привязанности. . . — „Я хочу быть всѣмъ обязанъ твоему сердцу, а не правиламъ. Легко можетъ статься, что понравится тебѣ кто-нибудь другой; тогда не обманывай меня. Я перестану быть твоимъ любовникомъ, но всег-

(*) Сїи *нравоучительныя истины* объяснены во многихъ новыхъ сочиненїяхъ. *Авт.*

да буду твоимъ другомъ. Сердцемъ не льзя располагать по своей волѣ. Конечно мнѣ жаль лишиться такого счастія, но буду ли имѣть право укорять тебя? навсегда сохраню почтеніе къ тебѣ, и стану питать себя симъ кроткимъ утѣшеніемъ." — Тутъ Маркизъ остановился; прилѣжно замѣчалъ, какое дѣйствіе произвела надъ Юліею рѣчь сія, которую онъ почиталъ превосходною, и которая, по его мнѣнію, должна была поселить въ Юліи высокое понятіе объ его умѣ и величіи духа. Юлія, внѣ себя отъ изумленія, пристально смотрѣла на мужа, не зная, правду ли онъ говоритъ, или шутитъ. — „Ты удивляешься? — продолжалъ Маркизъ улыбаясь — не мудрено; способъ такъ мыслить не есть общій; для того нужна твердость характера, которая досталась въ удѣлъ весьма немногимъ . . . . " — Какъ! — вскричала Маркиза: какъ, другъ мой! если я сдѣлаюсь невѣрною, и сама признаюсь тебѣ, ты не станешь сердиться? не будешь презирать меня? — „Нѣтъ, потому что я ненавижу несправедливость. Надѣюсь, что любовь наша не легко можетъ прекратиться; однакожь еслибъ, противъ всякаго чаянія, сердце твое отъ моего отдѣлилось, — еслибъ соблазнъ, которому иногда не возможно противиться, повлекъ его къ другому предмету: тогда мнѣ осталось бы слу-

жить тебѣ полезными совѣтами, быть твоимъ наставникомъ въ трудной наукѣ свѣтской жизни, а особливо въ случаѣ опасности, которою новой выборъ могъ бы угрожать твоему счастїю. Повторяю: будь всегда искренна; не унижай себя хитрыми уловками, несносными для человѣка съ такимъ характеромъ, каковъ мой; не скрывай отъ меня ничего, и во всякомъ случаѣ надѣйся на безпредѣльное мое снизхожденїе." — И ты также признаешься мнѣ, полюбивъ другую? — „Безъ сомнѣнїя; искренность должна быть равно наблюдаема съ обѣихъ сторонъ." — Ахъ! какъ мнѣ тяжело будетъ признаваться! — „Не печалься; мы рождены вѣчно любить другъ друга."

Сей разговоръ оставилъ глубокїе слѣды въ душѣ Юлїи; она безпрестанно думала о немъ, и удивлялась такому великодушїю; однакожь чувствовала, что это несогласно съ ученїемъ Евангельскимъ. Она все еще хранила глубокое почтенїе къ Религїи, хотя потеряла большую часть своего благочестїя. Юлїя видѣла ясно, что мнѣнїя мужа очень не сходны съ ея мнѣнїями: огорчалась, и почитала сїе дѣло столь важнымъ, что не смѣла говорить о немъ; ощущала какое-то неизвѣстное опасенїе неудачи въ желанїи своемъ обратить мужа на путь истины, и боялась показаться

ему слишкомъ легковѣрною. Въ домѣ была часовня, гдѣ въ каждое Воскресенье совершалась Божїя служба. Маркизъ всегда приходилъ къ обѣднѣ. Спустя четыре мѣсяца, Юлїя, захотѣвъ исповѣдаться и провести день въ уединенїи, сказала о томъ мужу. Маркизъ осыпалъ ее насмѣшками. Юлїя отвѣчала съ нѣкоторымъ негодованїемъ, что обѣщалась умирающей бабушкѣ своей всегда любить Религїю, и что намѣрена сдержать свою клятву. „Милая моя! — сказалъ Маркизъ — божусь тебѣ, что бабушка твоя была женщина очень умная, и сама не вѣрила, чему тебя учила.“ — Нѣтъ, бабушка моя не лицемѣрка — отвѣчала Юлїя, отирая слезы. — „Не думай, чтобы я хотѣлъ поносить память ея; напротивъ того я почитаю ту, которая послѣднїе часы жизни своей посвятила воспитанїю моей Юлїи; еслибъ она была теперь жива, я любилъ бы ее, какъ мать свою; но повѣрь мнѣ, что она не имѣла никакихъ *предразсудковъ*; по-крайней мѣрѣ, живучи въ большомъ кругу, она презирала ихъ. Въ провинцїи казалась набожною только для виду; этого требовала благопристойность, а не лицемѣрїе; я самъ, бывая въ деревняхъ моихъ, также наблюдаю осторожность.“ — Какъ! бабушка, вы говорите, живучи въ Парижѣ .... — „Въ точности слѣдовала Философїи.“ — А что такое Философїя? — „Философїя

учитъ вѣрить тому, что разумъ постигаетъ и одобряетъ.“ — Но, говорятъ, есть такіе предметы, которыхъ и ученые люди не могутъ постигнуть . . . . — „Станемъ говорить о твоей бабушкѣ. Когда мы бывали у моего дяди, ты видала стараго Графа Оржимона?“ — Нѣсколько разъ. — „Онъ былъ пятьнадцать лѣтъ любовникомъ твоей бабушки.“ — Любовникомъ моей бабушки? . . невѣроятно! . . Кто помнитъ это? — „Онъ самъ и другіе старики, его товарищи.“ — Можно ли? старая, глухая женщина . . . . — „Да, да; а прежде Графа Оржимона любилъ ее Маршалъ Р** . . .“ — Еслибъ ты зналъ, что она говорила о любовникахъ и волокитствѣ, то никогда не повѣрилъ бы этому. — „Надѣюсь, что ты не почитаешь меня способнымъ выдумывать небылицы.“ — Знаю, что ты не выдумывалъ . . . но тебя еще не было тогда на свѣтѣ. — „Графъ Оржимонъ хранитъ любовныя письма твоей бабушки; мой дядя, которой видѣлъ ихъ, увѣряетъ, что покойница умѣла живо изображать страсть сердца.“ — Любовныя письма моей бабушки . . . это достойно любопытства! послѣ этого не льзя сомнѣваться. Ежели бабушка писала любовныя письма, то нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего разговора, Маркиза принялась читать Воль-

теровы Сочиненія, обѣщавшись пересмотрѣть и другихъ Философовъ. Сей *планъ ученія* и почти ежедневныя бесѣды Философовъ разпространили сферу ея понятій. Спустя пять мѣсяцовъ послѣ брака, кроткая и невинная Юлія начинала оставлять *деревенскую простоту* свою, довольно хорошо уже разсуждала о *страстяхъ*, и признавалась, что въ Религіи находитъ много *противнаго разуму*. Всѣ восхищались, видя столь быстрые успѣхи, всѣ хвалили умъ ея, и такимъ образомъ возбуждали въ ней ревность ко *славѣ*.

Маркизъ намѣренъ былъ провести осень въ деревнѣ; но Юлія съ *любезнымъ* упрямствомъ захотѣла непремѣнно ѣхать въ Парижъ. Тамъ наняла двѣ ложи, одну въ Оперѣ, другую въ Комедіи. У Маркиза до женитьбы продолжалась *тѣснѣйшая* связь съ Графинею С**, придворною Дамою, которой развратная жизнь не мѣшала пользоваться уваженіемъ, по ея породѣ и богатству. Маркизъ думалъ, что мущина никогда не долженъ ссориться съ женщиною, которая была его любовницею, и что *хорошій вкусъ* требовалъ часто посѣщать ее даже и тогда, когда связь прекратилась. Такое поведеніе предохраняетъ мущину отъ пересудовъ и упрековъ въ непостоянствѣ. Кромѣ того, самое тщеславіе заставляло его дер-

жаться Графини. Маркизъ приѣхалъ къ ней съ женою, отъ которой не скрылъ побудительныхъ причинъ своихъ. Юлія сперва почувствовала отвращеніе отъ знакомства съ женщиною, извѣстною по своему распутству; но скоро нашла ее любезною особою, съ удовольствіемъ проводила у нее время, и наконецъ свела съ нею дружбу. Тогда всѣ правила *провинціальнаго* воспитанія поколебались совершенно; старая бабка предана забвенію; осталось въ памяти только то, что Маршалъ Р * * и Графъ Оржимонъ пользовались ея *милостями* — хотя въ самомъ дѣлѣ это было не что иное, какъ гнусная выдумка. Воспоминаніе о шалостяхъ бабки обыкновенно служило Маркизѣ лѣкарствомъ всякой разъ, когда совѣсть безпокоила ее своими докуками.

Спустя нѣсколько времени, Юлія уже явно утверждала, что имѣя умъ, не льзя уважать Религію, и что еслибъ Паскаль и Боссюэтъ могли читать *Кандида*, *Дѣвственницу* и *о Духѣ*, то безъ сомнѣнія приняли бы участіе въ сочиненіи *Энциклопедіи*, и не писали бы своихъ Мыслей, Поученій, Надгробныхъ Словъ, въ которыхъ нѣтъ ни одной черты философической. Юлія досадовала, для чего бѣдный Фенелонъ, терпѣвшій гоненіе за своего Телемака, понапрасну трудился надъ сочиненіемъ этой Поэмы, передѣланной по философскому вкусу и но-

вѣйшимъ слогомъ, и названной — *Велизарїемъ.* Наконецъ Юлїя отреклась отъ Христїянства, приняла *законъ естественной*, и сдѣлалась деистомъ, слѣдовательно и моралистомъ; ибо — какъ извѣстно — *нравственность испортилась отъ смѣшенїя съ Религїею* (*); — потому-то вольнодумцы и наблюдаютъ чистое благонравїе со строжайшею точностїю! Маркизъ, восхищенный глубокомыслїемъ Юлїи, съ гордостїю повторялъ друзьямъ своимъ: „Не говорилъ ли я вамъ, что по моему старанїю она будетъ Философомъ?“ Нѣкогда, въ минуту сердечнаго излїянїя, Маркизъ признался Юлїи, что онъ принадлежитъ къ числу матерїялистовъ и безбожниковъ. „Любезная Юлїя! — прибавилъ Маркизъ: *будемъ говорить откровенно; человѣкъ не имѣетъ души: эта система, самая дерзкая, самая ужасная, въ сущности очень проста* (**).“ — И я — отвѣчала Юлїя: и я во всемъ сомнѣваюсь. — „Такъ ты Скептикъ?“ спросилъ Маркизъ. — Точно! — отвѣчала Юлїя, обрадовавшись учебному слову: точно я Скептикъ. — Мужъ и жена немедленно объявили обществу, что Юлїя по

(*) Г. Кондорсетъ въ *Жизни Тюрго.*

(**) Вольтеръ въ *Письмахъ Меммїевыхъ* и другихъ сочиненїяхъ своихъ явно повторяетъ, а въ прочихъ слегка приводитъ сїи нечестивыя правила.

глубокомъ изслѣдованіи и размышленіи рѣшилась держаться *Скептицизма*.

Юлія всѣмъ нравилась въ обществахъ. Въ ней находили какую-то плѣнительную смѣсь остроты, откровенности и простосердечія; находили эту склонность къ забавамъ, которая, бывъ соединена съ умомъ, разсыпаетъ веселость на цѣлое общество. Юлія предалась чрезвычайной расточительности, но все еще страстно любила своего мужа. Впрочемъ она была такъ молода, что ни одинъ мущина не думалъ ею заниматься. Зима протекла спокойно для нашихъ супруговъ. Весною Маркизъ отважился упомянуть женѣ о страшныхъ издержкахъ, и о долгахъ ея. „Другъ мой! — отвѣчала Юлія: мои издержки употреблены на добрыя дѣла, на ободреніе ремесленниковъ; а какъ лучше *покупать*, нежели *давать* даромъ, то я и положила платить деньги за вещи.“ — Это похвально — сказалъ Маркизъ улыбаясь — однакожь, *дѣлая добро*, не надобно себя разорять. — Юлія выслушала безъ вниманія сіе наставленіе; она твердо рѣшилась быть *доброю гражданкою*, и не хотѣла перемѣнять патріотическихъ своихъ расположеній. Лѣто и осень проведены въ загородныхъ домахъ Принцевъ, и въ Фонтенебло. Въ Лиль-Адамѣ одна чужестранка, которая славилась красотою, обратила на себя взоры

Маркиза, не потому что была красавица, но для того что всѣ о ней кричали. Онъ также ей понравился. Юлїя примѣтила волокитство; не будучи еще совершенно образованною, она видѣла только съ одной стороны кокетство, съ другой угожденїе, — безпокоилась, начала спрашивать, — и Маркизъ подалъ примѣръ въ откровенности. За нѣсколько мѣсяцовъ такое признанїе разсердило бы Юлїю; но теперь она слегка только почувствовала нѣкоторую досаду. Маркизъ божился, что любитъ ее по прежнему; Юлїя сомнѣвалась; онъ прибавилъ, что искренность извиняла непостоянство; она не почла нужнымъ оспоривать мысль сїю, и съ этой минуты сама признала ее совершенно справедливою.

Зима прошла спокойно. Юлїя по большей части проводила время у Графини С**, видала тамъ любезнѣйшихъ свѣтскихъ мущинъ, и одному изъ нихъ оказывала отличное уваженїе. Это былъ Виконтъ Мервиль, счастливой волокита, сорока-пятилѣтнїй глупецъ, но почитаемый умницею, потому что обо всемъ говорилъ тономъ рѣшительнымъ, и зналъ твердо правила свѣтской жизни. Мервиль казался прїятнымъ своею безпечностїю, и какою-то слабостїю характера, которая, подобно добротѣ сердца, предохраняетъ отъ досады и негодованїй.

Онъ заводилъ споры только для продолженія разговора; боясь утомиться, обыкновенно оставлялъ поле, и давалъ другимъ оканчивать начатое преніе. Не имѣя ни остроты, ни тонкости, необходимыхъ для ума наблюдательнаго, онъ замѣчалъ самыя мѣлочныя неприличности; выраженіе, противное *хорошему тону*, казалось ему важнымъ проступкомъ; онъ тотчасъ привязывался къ ошибкѣ, и забавлялъ общество. Такая критика доставила ему отличное уваженіе. Его приговоры почитались оракулами; всѣ ссылались на нихъ какъ на законъ, и единодушно называли Мервиля человѣкомъ *съ изящнымъ вкусомъ*, — хотя въ самомъ дѣлѣ рѣшенія его были противны общему смыслу. Онъ совершенно зналъ женщинъ, пользовался довѣріемъ юныхъ красавицъ, умѣлъ забавлять ихъ, умѣлъ вкрадываться и льстить, назначалъ цѣну и вѣсъ уму ихъ и прелестямъ. Всѣ искали его одобренія, которое обѣщало много выгодъ въ свѣтѣ; ничего не щадили, чтобы ему понравиться, и такимъ образомъ, не предвидя, чѣмъ можетъ окончиться такое снизхожденіе, нечувствительно попадались въ его сѣти.

Маркизъ, любившій жену свою болѣе нежели прежде, не могъ смотрѣть равнодушно на связь ея съ Виконтомъ. Не смѣя обнаружить свое безпокойство, онъ старался

отдалить Юлїю отъ Графини; но всѣ его усилїя остались безъ успѣха. „Когда я не хотѣла знакомиться съ Графинею, — сказала Маркиза: вы насильно меня къ ней возили; теперь я узнала ее, и полюбила.“ — Но вамъ не льзя почитать ее. — „Почему?“ — У нее было десять любовниковъ. — „Однакожь она очень откровенна; ни въ чемъ не таится! увѣряю васъ. . .“ — Такая неблагопристойность дѣлаетъ еще непростительнѣе вину ея. — „Да не вы ли говорили мнѣ, что искренностїю заглаждаются всѣ проступки?“ — Заглаждаются слабости, но не распутство. . . Еслибъ она способна была питать истинную любовь, я извинилъ бы ее. — „А вы развѣ истинно любили чужестранку, за которою волочились въ Лиль-Адамѣ?“ — Можно ли сравнивать поведенїе мущины съ поведенїемъ женщины? — „Можно тому, кто не имѣетъ предразсудковъ. Помните ли описанїе *Отаити* (*), которое вы давали мнѣ читать?.. Впрочемъ я не одобряю поведенїя Графини — не одобряю, повинуясь чувству своему, но не правиламъ; и такъ долгъ и справедливость требуютъ имѣть къ ней снизхожденїе.

Маркизъ, не зная что дѣлать, рѣшился поссориться съ Графинею; нашелъ какой-

(*) См. *Дополненїе къ Путеш. Бугенвиля.* Сочин. Дидерота.

то пустой предлогъ, побранился съ нею, и разорвалъ знакомство. Онъ полагалъ, что Юлїя не осмѣлится посѣщать ее. Вышло противное. Юлїя, съ дѣтскимъ упрямствомъ и философскими правилами, во всемъ винила своего мужа; рѣшительно объявила, что никакъ не согласится оставить свою прїятельницу, и на другой же день послѣ ссоры поѣхала къ ней ужинать. Графиня смягчилась, осыпала ее ласками; Викомтъ до изступленїя хвалилъ ея *характеръ*. Юлїя увѣрилась, что женщина поступаетъ геройски, когда не повинуется мужу своему, когда признается, что онъ не правъ, и обходится дружески съ его непрїятелями. Возвратясь домой и увидѣвшись съ мужемъ, она не показала ни малаго замѣшательства. Маркизъ приготовился побранить Юлїю; она кинулась къ нему на шею, ласкала его, шутила. Онъ хотѣлъ напомнить ей о должности; она стала говорить ему о любви, о равенствѣ, повторяла собственныя слова его — и Философъ нашъ ужаснулся, видя, какое любезная ученица дѣлаетъ употребленїе изъ его уроковъ. Когда мущина даетъ надъ собою волю женщинѣ такихъ лѣтъ, то власть ея не имѣетъ предѣловъ, потому что деспотизмъ дитяти не умѣряется полезными совѣтами. Можно ли сердиться на милую куколку, которая смѣется и плачетъ такъ прелестно? Можно ли, принявъ на себя важ-

ное лице, бранить любезное существо, въ которомъ самое непокорство имѣетъ много пріятнаго, и котораго безразсудство походитъ на невинность?

Маркизъ, не смѣя и не будучи въ состояніи говорить повелительно, прибѣгнулъ къ прозьбамъ: Юлія непремѣнно требовала, чтобъ онъ загладилъ вину свою, и помирился съ Графинею. Онъ хотѣлъ-было упорствовать; Юлія, перебивъ рѣчь, зажала ему ротъ рукою, и сказала: „я повелѣваю моему любовнику: онъ долженъ повиноваться, если сердце его еще не охладѣло въ страсти, которою взаимно пылаю.“ — Бѣдной Маркизъ принужденъ былъ согласиться. Юлія въ тріумфѣ повезла его къ Графинѣ. Онъ извинялся неловко, съ замѣшательствомъ; Графиня приняла его сухо и съ принужденною важностію. Сіе произшествіе подало поводъ къ разнымъ шуткамъ; Виконтъ представилъ Маркиза въ самомъ забавномъ видѣ; Юлія вмѣстѣ съ другими смѣялась надъ мужемъ, и съ этого времени совершенно перестала уважать его.

Наступилъ Апрѣль; Юлія не чувствовала ни малой охоты ѣхать въ деревню. Маркизъ получилъ чрезъ нарочнаго письмо изъ Бордо съ извѣстіемъ, что мать его, которая находилась въ семъ городѣ, была опасно

больна. Юлїя имѣла доброе сердце; не смотря на привязанность къ обществу своему и Парижу, рѣшилась ѣхать съ мужемъ. Мать Маркизова была очень слаба здоровьемъ; Юлїя ходила за нею, и услуживала ей, хотя слыхала не одинъ разъ, что *для блага отечества должно погасить любовь дѣтскую и родительскую*, — что *связи между родителями и дѣтьми вредятъ связямъ гражданскимъ, и производятъ только одни пороки подъ видомъ добродѣтелей*, — что *выгоды семействъ, всегда противуположныя пользѣ общественной, наконецъ погасятъ въ душахъ всю любовь къ отечеству*, — и что *для предохраненїя народовъ отъ бѣдствїй, надлежитъ разорвать между людьми всѣ связи родства, и всѣхъ гражданъ объявить дѣтьми Государства: это одно средство истребить пороки* (*). Маркизѣ были извѣстны сїи правила; не признавая обязанности услуживать своей свекрови, она исполняла ее, повинуясь движенїю сердца, которое иногда дѣйствовало на ея поведенїе, вопреки Философїи.

Когда больная начала оправляться, Маркиза принимала гостей, и сама посѣщала знакомыхъ. Для нее давали праздники. Юлїя съ удовольствїемъ провела лучшее вре-

(*) См. *О духѣ*. Гельв.

мя года въ Бордо, и возвратилась въ Парижъ съ мужемъ и свекровью уже въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Немедленно по прибытіи въ столицу Маркизъ долженъ былъ со всевозможною поспѣшностію ѣхать въ Дофине для полученія наслѣдства. Неохотно оставлялъ онъ жену въ Парижѣ; однакожь нѣсколько мѣсяцовъ уже былъ совершенно доволенъ ея поведеніемъ, полагался на присмотръ своей матери за Юліею, и надѣялся прежде шести недѣль возвратиться.

Тотчасъ по отъѣздѣ мужа, Маркиза полетѣла въ домъ Графини; тамъ приняли ее съ распростертыми объятіями. Она увидѣлась съ Виконтомъ, которой не задолго передъ тѣмъ получилъ орденъ; ей казалось, что голубая лента придавала его фигурѣ еще болѣе красоты и величія. Женщины тогда вообще думали, что нѣтъ въ свѣтѣ наряда, которой бы лучшимъ былъ украшеніемъ для мущины, и которой былъ бы приличнѣе. Маркиза, такъ сказать, жила въ семъ обществѣ; свекровь хотѣла-было унять ее совѣтами, но Юлія не слушала ихъ, смѣялась надъ ними, и вела себя по прежнему. Въ одинъ день Юлія въ присутствіи Виконта сказала о себѣ, что любитъ танцы; онъ въ тужь минуту объявилъ, что намѣренъ скоро дать балъ, но не хотѣлъ назначать дня. Когда

Маркиза собралась ѣхать домой, Виконтъ вышелъ съ нею въ одно время, и подалъ ей руку. Сходя съ лѣстницы, онъ спросилъ Юлїю, какой день угодно ей назначить для бала? Юлїя содрогнувшись взглянула на него съ видомъ недоумѣнїя. Виконтъ на мысль ея отвѣчалъ значительнымъ вопросомъ: *для кого же другаго?* . . . Сїи немногїя слова привели Маркизу въ восхищенїе. Женщины любятъ такїе неполные отвѣты, любятъ также, чтобъ угадывали ихъ мысли (когда не хотятъ скрывать оныя), то есть чтобъ избавляли ихъ отъ непрїятныхъ объясненїй. Въ семъ таинственномъ языкѣ, въ сихъ отрывистыхъ фразахъ онѣ находятъ слова, содержащїя въ себѣ великой смыслъ, находятъ какую-то нѣжную осторожность, которая нравится имъ, какую-то трогательную проницательность: онѣ ошибаются; любовь и чувствительность рѣдко говорятъ такимъ образомъ. Языкъ сердца богатъ, обиленъ, доброгласенъ; ему только недостаетъ остроты и опредѣленности.

Юлїя присутствовала на праздникѣ, *данномъ для нее.* Все нравилось ея самолюбїю: пышность бала, похвалы расточаемыя хозяину, *слава*, которою гордилась, видя себя предметомъ уваженїя человѣка, всѣми превозносимаго за его вкусъ, за любезность и расточительность, — удовольствїе, проис-

ходящее отъ того, что Виконтъ занимался исключительно ею одною, и не таилъ своей привязанности, — ревнивость нѣкоторыхъ женщинъ, — любопытство, изумленіе, досада и негодованіе другихъ. Юлія все видѣла, все замѣчала: сколько же *счастливыхъ движеній* долженствовало въ ней родиться! . . . Виконтъ, попросивъ дозволенія посѣтить Юлію, пріѣхалъ къ ней на другой день. Онъ открылся въ своихъ чувствахъ, и сказалъ, что не предполагаетъ найти *мѣлкіе предразсудки* въ такой умной женщинѣ. Можно ли не оправдать столь лестнаго одобренія? Когда мущина и женщина, *озаренные сіяніемъ Философіи*, говорятъ между собою, то все дѣло состоитъ только въ томъ, не противны ли они другъ другу; ибо они увѣрены, что надлежитъ повиноваться *побужденіямъ натуры*, и что любовь, даже беззаконная, когда бываетъ очень сильна, *очищаетъ* душу и *исправляетъ* сердце. —

Все было рѣшено въ первое свиданіе. Виконтъ и Юлія обѣщались другъ другу видѣться ежедневно; спустя мѣсяцъ, всѣ въ городѣ узнали, что Виконтъ Мервиль въ тѣсной связи съ Маркизою Декланжъ. Возвратился Маркизъ. Онъ пріѣхалъ въ полдень; нигдѣ не отдыхалъ ночью, желая послѣ двухъ-мѣсячнаго отсутствія нѣсколькими часами ранѣе увидѣться съ женою, ко-

торую любилъ страстно, но которою былъ не доволенъ, за то что въ послѣднія пять недѣль получилъ отъ нее только пять или шесть сухихъ записокъ. Онъ засталъ Маркизу одну въ комнатѣ; Юлія приняла его дружески, но съ равнодушіемъ, которое не удовлетворяетъ любви. Маркизъ началъ упрекать ее въ холодности; Юлія молчала; изумленный мужъ неотступно требовалъ, чтобы она изъяснилась. — „Конечно, мнѣ надобно изъясняться — сказала Юлія съ удивительнымъ спокойствіемъ: но боюсь огорчить тебя, другъ мой. . .“ — Какъ? . . . — „Я должна сдѣлать тебѣ нѣкоторую довѣренность!“ — Довѣренность! — „Точно, другъ мой! но какая-то ребяческая застѣнчивость. . .“ — Ради Бога, окончи! — „Я увѣрена, что ты совсѣмъ не имѣешь предразсудковъ; знаю и то, что открывая тебѣ мои приключенія, избавляюсь отъ упрековъ. Я очень помню наши условія. . .“ — Что ты хочешь сказать? — „Другъ мой! любовь не умѣетъ повиноваться; ты всегда будешь любезнѣйшимъ моимъ другомъ, но . . .“ — Ты не любишь меня? — „Такъ, я уже не чувствую любви къ тебѣ; люблю Виконта Мервиля. . .“ — Маркизъ поблѣднѣлъ; горесть и досада сдѣлали его неподвижнымъ. — „Этого я и боялась — нѣжно сказала Юлія: — ты огорчаешься? . . . что дѣлать! я обѣщалась быть совершенно откровенною, и должна исполнить клятву. Ты,

другъ мой, также далъ слово быть моимъ наставникомъ, руководителемъ. . . надѣюсь, что не станешь бранить меня за выборъ; его всѣ хвалятъ.“ — Виконтъ Мервиль твой любовникъ? — „Да, другъ мой! уже шесть недѣль; онъ пылаетъ ко мнѣ *жесточайшею* страстїю.“ — Вѣроломная! — вскричалъ Маркизъ: и ты можешь съ такимъ непонятнымъ безстыдствомъ, съ такимъ ненавистнымъ равнодушїемъ говорить о своемъ и моемъ безчестїи? — Юлїя захохотала. „Эти пышныя слова — сказала она — привели бы въ ужасъ монастырку; я и сама испугалась бы передъ симъ за три года; но теперь! . . .“ — Въ восемнадцать лѣтъ быть столько развращенною! . . . . — „Если вы хотѣли, чтобъ я осталась въ невѣжествѣ и суевѣрїи, за чѣмъ просвѣщали меня?“ — Развѣ нѣтъ средины между суевѣрїемъ и пренебреженїемъ всѣхъ правилъ? — „У меня правила ваши и друзей вашихъ. Я добра, сострадательна, искренна, никого не обманываю, терплю всѣ Религїи: въ чемъ можно упрекать меня? . . . Извиняю въ васъ первое движенїе, и надѣюсь, что сами почувствуете, сколь вы несправедливы и вздорны; не такъ ли, другъ мой?“ — Маркизъ, не могшїй ни говорить, ни удерживать своего гнѣва, поспѣшно вышелъ. Юлїя позвала горничныхъ, и стала одѣваться.

Положенїе Маркиза тѣмъ болѣе казалось жалкимъ, что самъ онъ былъ причиною своего несчастїя, что чувствовалъ оное, что не видѣлъ никакого способа поправить ошибку, и что, наконецъ, любилъ Юлїю болѣе прежняго. Молодую женщину, которую развратилъ любовникъ, можно еще вывести изъ заблужденїя, доказавъ ей, что она обольщена и обманута; но когда мужъ развращаетъ жену свою — пособить не чемъ. Одинъ только мужъ ненавистнымъ софизмамъ своимъ можетъ дать видъ справедливости. Соблазняя жену, онъ говоритъ и дѣйствуетъ противъ себя; какъ ему не повѣрить? Такое безкорыстїе, или лучше сказать, такое безразсудство отдаляетъ всѣ сомнѣнїя, и освобождаетъ совѣсть отъ мучительныхъ угрызенїй.

Маркизъ не зналъ, что дѣлать; надлежало совсѣмъ отказаться отъ надежды перемѣнить мысли Юлїи, и умѣрить ея Философїю; ибо Юлїя, набивши голову своею понятїями о независимости, презирала власть мужа, и смѣялась надъ его приказанїями. Что дѣлать? смотрѣть сквозь пальцы на ея поведенїе? Но Маркизъ любилъ ее. Вызвать Виконта на поединокъ? Юлїи показался бы сей поступокъ жестокимъ и безразсуднымъ, и убїйца любовника сталъ бы для нее предметомъ омерзѣнїя. Развестись? любовь запрещала; сверхъ того,

ей было только осмнадцать лѣтъ; хотя всѣ знали объ ея поведенїи, но никакое особливое произшествїе не надѣлало шуму, слѣдственно не было причины отваживаться на такое предпрїятїе. . . Такъ думалъ бѣдной Маркизъ, и наконецъ принялъ намѣренїе странное, но которое по крайней мѣрѣ лучше всѣхъ другихъ соотвѣтствовало прежнимъ его поступкамъ и мнѣнїямъ, обнаруженнымъ по безразсудной неосторожности. Онъ написалъ къ Юлїи записку:

„Жестокое ваше равнодушїе пронзило „мое сердце; вы перемѣнились, — но я „все такъ же страстно люблю васъ. . . . „По крайней мѣрѣ дозвольте надѣяться, „что со временемъ возвратите мнѣ искреннее, „благородное сердце, которое мнѣ принадле„жало, и безъ котораго жить не могу!“ Наконецъ онъ образумился — сказала Юлїя; вотъ письмо истинно трогательное! — И тотчасъ пошла къ мужу, разцѣловала его, обѣщала всѣ *дружескїя утѣшенїя*; потомъ поѣхала въ Оперу, а оттуда ужинать къ прїятельницѣ своей Графинѣ С * *.

Маркизъ продалъ сельской домъ свой; Юлїи непремѣнно хотѣлось имѣть у себя такой же. Маркизъ предложилъ ей новой прекрасной домикъ въ четырехъ миляхъ отъ Парижа, и просилъ ее съѣздить вмѣстѣ на другой

день осмотрѣть оной. Юлїя согласилась. Положено взять почтовыхъ лошадей, чтобы скорѣе приѣхать. Это происходило въ Мартѣ, въ прекрасное время. На другой день въ десять часовъ по утру отправились въ дорогу. Спустя полтора часа, Юлїя напомнила, что пора уже быть на мѣстѣ. Маркизъ отвѣчалъ, что ѣдутъ не по прямой дорогѣ, и тотчасъ завелъ рѣчь о другомъ предметѣ. Наконецъ остановились передъ почтовымъ домомъ на станцїи, въ шести миляхъ отъ Парижа. Юлїя изумилась увидѣвъ, что начали впрягать свѣжихъ лошадей въ карету. „Что это значитъ? — спросила она съ безпокойствомъ: куда везете меня? . . .“ — Въ мою деревню, въ Туреньскую провинцїю. . . . — „Въ Туреньскую провинцїю! . . О тиранство! о измѣна! . .“ — Будь справедливѣе, любезная Юлїя! нѣтъ, я не тиранъ. Еслибъ я захотѣлъ поступить какъ оскорбленный супругъ, я могъ бы приказать; хочу быть страстнымъ любовникомъ; но какъ я любовникъ несчастной и ревнивой, то и рѣшился увезти васъ. . . — „А я уйду.“ Говоря сїи слова, Юлїя хотѣла отворить дверцы; но Маркизъ, схвативъ обѣ руки ея, держалъ крѣпко. Въ ту минуту почтильйонъ ударилъ по лошадямъ. „Какое жестокое насильство!“ вскричала Юлїя, рыдая. — Совсѣмъ напротивъ! — спокойно отвѣчалъ Маркизъ: вамъ будетъ весело въ Туренѣ;

тамъ найдете прекрасное общество; я стану забавлять васъ праздниками; станемъ играть комедїи; увѣряю, что забудете повѣсу, которой по глупости своей не заслуживаетъ быть любимъ прелестною женщиною, а по лѣтамъ не долженъ вамъ нравиться. — Юлїя не переставала плакать и жаловаться, вопреки всѣмъ обѣщанїямъ Маркиза; но когда онъ представилъ, что увозъ женщины есть славное похищенїе, необходимо нужное въ Романѣ, — Юлїя успокоилась, и при окончанїи путешествїя даже имѣла столько бодрости, что сама забавлялась и шутила надъ симъ приключенїемъ.

Юлїя нашла мѣстоположенїе замка прекраснымъ; сосѣди приѣзжали посѣщать ее, всѣ старались доставлять ей разныя забавы, и Юлїя начала думать, что можно прожить нѣсколько мѣсяцовъ въ Туренѣ, и не умереть отъ отчаянїя.

У Маркиза былъ побочный сынъ осмнадцати лѣтъ, воспитанный по философски. Онъ назывался Бельмономъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ рожденїя сего дитяти, Маркизъ объявилъ, что не намѣренъ давать ему никакого понятїя о Религїи, но что въ пятьнадцать, или въ шестьнадцать лѣтъ предложитъ на выборъ всѣ испо-

вѣданія. Это исполнено въ точности. Такая система тогда была въ модѣ, и казалась вольнодумцамъ совершенно основательною. Когда Бельмону минуло шестьнадцать лѣтъ, Маркизъ съ родительскою важностію объявилъ ему, что какъ разумъ его уже образовался, и онъ можетъ самъ хорошо разсудить о разныхъ сектахъ Христіянскихъ, то дается ему полная свобода сдѣлаться Католикомъ, Лютераниномъ, Кальвинистомъ, Квакеромъ, или чѣмъ угодно. Бельмонъ, судя по безпечности отца своего, заключилъ, что онъ самъ не держитъ никакой вѣры, и спросилъ съ невинностію: для чего онъ не упомянулъ о религіяхъ Іудейской и Магометанской? Маркизъ, не ожидавшій такого вопроса, увернулся. Спустя нѣсколько дней, Бельмонъ узналъ, какъ много книгъ надлежало прочесть, чтобы получить достаточное понятіе о разныхъ исповѣданіяхъ; онъ узналъ, что самой долголѣтной жизни недостанетъ на сіе изученіе. Магометовъ рай, о которомъ онъ вскользь слышалъ, возбуждалъ въ немъ желаніе принять религію сего лже-пророка; но не умѣя читать по Турецки, надлежало отказаться онъ *Корана* и *Сунны*. Между тѣмъ Бельмона записали въ службу. Онъ отправился въ свой гарнизонъ, взявъ съ собою нѣсколько философическихъ книгъ, выбранныхъ Маркизомъ; но какъ

Бельмонъ любилъ чтенїе, то ему и захотѣлось прочесть *полныя сочиненїя славнѣйшихъ* Философовъ; удовлетворивъ свое любопытство, онъ сдѣлался ревностнѣйшимъ ихъ послѣдователемъ. Бельмонъ былъ пригожъ, уменъ, пылокъ и отваженъ; имѣлъ прїятныя дарованїя, ловкїя ухватки, страсти буйныя и неукротимыя. Полкъ его находился въ двухъ миляхъ отъ Маркизова помѣстья. Онъ поспѣшилъ увидѣться съ тѣмъ, котораго явно именовать отцемъ не дозволяла благопристойность, но котораго въ письмахъ и разговорахъ всегда называлъ батюшкой. Юлїя видѣла Бельмона скоро послѣ своего брака, и замѣтила въ немъ только прїятную фигуру, потому что онъ тогда былъ очень молодъ и застѣнчивъ. Но спустя три года, Бельмонъ живой, ловкой, угождающїй одной Юлїи, показался ей другимъ человѣкомъ. Маркиза велѣла построить театръ, на которомъ играли комедїи. Роли *любовниковъ* и *любовницъ* обыкновенно занимали Бельмонъ и Юлїя, и представляли съ непостижимымъ искуствомъ. Бельмонъ, никогда еще не видавъ столь прелестной женщины, какова Юлїя, почувствовалъ къ ней сильнѣйшую страсть, которая не была удерживаема никакими правилами. Сочиненїя философическїя давно уже познакомили его съ ненавистными понятїями о прелюбодѣйствѣ и

кровосмѣшенїи (*). Сыновнїй долгъ, чувства благодарности къ отцу и благодѣтелю, не останавливали Бельмона; ибо онъ часто слыхалъ, что страсть все *извиняетъ*, все *оправдываетъ*! . . . Юлїя, также *озаренная свѣтомъ Философїи*, также неустрашимая, тотчасъ примѣтила, что происходило въ сердцѣ Бельмона; поступками своими ободрила его къ дальнѣйшимъ предпрїятїямъ, и спустя немного, то же подтвердила яснымъ признанїемъ. Бельмонъ требовалъ тайнаго свиданїя; ему сказано, для виду, что на это не льзя рѣшиться. Онъ по молодости своей испугался, опечалился; написалъ страстное письмо къ Юлїи, и вручилъ ей ввечеру въ продолженїе репетицїи новой комедїи. Юлїя положила письмо въ рабочїй мѣшокъ, съ тѣмъ чтобъ послѣ прочесть на досугѣ. Надобно знать, что Маркизъ, которой уже догадывался о новой связи, стоялъ за кулисами, и все видѣлъ. Между тѣмъ, пока продолжалась репетицїя, онъ притворялся,

(*) Въ *Персидскихъ письмахъ* помѣщена вводная повѣсть, которой завязка основана на беззаконной любви одного молодаго человѣка къ сестрѣ его. Въ Дидеротовомъ *Дополненїи къ Путешествїю Евгениля* сказано очень ясно, что кровосмѣшенїе между отцемъ и дочерью не есть преступленїе; что оно не противно ни разуму, ни природѣ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть *добрымъ дѣломъ*. *Авт.*

будто ничего не знаетъ, но не спускалъ Юліи съ глазъ ни на минуту. Послѣ репетиціи, подавъ ей руку, повелъ въ залу, и тотчасъ предложилъ танцы. Юлія побѣжала въ свою комнату; Маркизъ пошелъ въ слѣдъ за нею, сказавъ обыкновенной предлогъ съ видомъ простосердечія. Юлія, не предполагая никакого умысла, бросила мѣшокъ въ комодъ, которой однакожь запереть ключемъ не осмѣлилась; потомъ опять пошла въ залу, и начала танцовать. Маркизъ въ тужь минуту возвратился въ комнату Юліи, схватилъ мѣшокъ, и запершись въ своемъ кабинетѣ, прочиталъ слѣдующее (*):

„Какъ можешь переносить состояніе, въ „которомъ я нахожусь? какъ можешь отказывать мнѣ въ одномъ словѣ, которое „волшебною силою прекратило бы мои страданія? Нѣтъ, я не узнаю тебя; понятія „о добродѣтели измѣняютъ въ тебѣ характеръ; берегись, ты ожесточишься, ты „лишишься сердечной доброты, этого признака божественной твоей природы . . . . „Не слѣдуй ложнымъ умствованіямъ, не „полагай въ себѣ различія между совѣстію „и сердцемъ . . . . спроси у этого сердца . . . оно влечетъ тебя ко мнѣ; твой

(*) Письмо отъ начала до конца чужое. Автору сей Повѣсти языкъ любовниковъ-философовъ неизвѣстенъ. *Авт.*

„богъ, твоя натура, твой любовникъ го-
„воритъ тебѣ . . . . Повѣрь, добродѣтель
„состоитъ въ любви; такъ, она состо-
„итъ въ пожертвованіи собою любовнику,
„котораго осуждаешь на жесточайшія стра-
„данія . . . . . хочу насильственною ру-
„кою на вѣки освободить тебя отъ мучи-
„тельныхъ сомнѣній, тебя удерживаю-
„щихъ . . . . Забудь все, кромѣ себя и ме-
„ня; для насъ довольно самихъ насъ; уни-
„чтожимъ вселенную въ нашихъ мысляхъ,
„и будемъ счастливы."

Хотя по прочтеніи письма сего Маркизъ вышелъ изъ себя отъ бѣшенства, однакожь ему было пріятно узнать, что Юлія еще не совсѣмъ согласилась *уничтожить вселенную.*

Онъ велѣлъ позвать Бельмона. „Ты неблагодарной человѣкъ, — сказалъ Маркизъ — ты чудовище; сей часъ удались отсюда, и никогда не возвращайся." Потомъ повернулся къ нему спиною, и пошелъ въ залу. Юліи тамъ не было; тщетно искала она мѣшка въ своей комнатѣ, спрашивала у всѣхъ горничныхъ, и крайне безпокоилась. Доложили объ ужинѣ: надлежало идти за столъ, потому что были гости. Долго она глазами искала молодаго Бельмона. Нѣкто спросилъ, куда онъ дѣвался; Маркизъ от-

вѣчалъ холодно: письмо заставило его отправиться въ гарнизонъ. Тутъ Маркиза догадалась, что мѣшокъ попался въ руки мужа, слѣдственно у него же и письмо, котораго сама не читала. Досада и гнѣвъ превозмогли въ ней замѣшательство; весь вечеръ она очень грубо обходилась съ Маркизомъ. Бѣдной Философъ былъ въ крайнемъ смятенiи; оставшись наединѣ, хотѣлъ пожурить невѣрную, но ему зажали ротъ десяткомъ философическихъ правилъ, которыя у него же переняли. И такъ, на сей разъ онъ ограничилъ свои права только тѣмъ, что жаловался, для чего Юлiя поступила съ нимъ *неоткровенно*. „Вы имѣете неоспоримое право упрекать меня въ неискренности! — сказала Юлiя, пожимая плечами: не вы ли странностiю своею отучили меня отъ чистосердечiя? . . .“ Маркизъ почти готовъ былъ признаться въ винѣ своей, и просить извиненiя. Юлiя, которая уже твердо рѣшилась обманывать мужа, догадалась, что примиренiе послужитъ лучшимъ къ тому средствомъ; обошлась съ мужемъ, какъ прелестница съ обожателемъ своимъ, сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ, — и дѣла пошли по прежнему.

(*Окончанiе въ слѣдующемъ Нумерѣ.*)

II.

О рѣзьбѣ на камняхъ.

Древнїе съ рѣзными камнями дѣлали то же, что мы; вставляли ихъ въ перстни, которые у нихъ служили вмѣстѣ и украшенїемъ и вещью необходимою. Перстни употреблялись для прикладыванїя печати; это случалось чаще нынѣшняго, потому что замки были тогда неизвѣстны (*).

Во времена невѣжества, или въ *среднїе вѣки*, когда всѣ искуства были забыты, рѣзьба на камняхъ сохранилась. Многїя Греческїя произведенїя тѣхъ вѣковъ дошли до насъ. Причиною сему надлежитъ полагать дѣланїе монеты, для которой штемпели приготовляемы были съ помощїю рѣзнаго художества. Когда Христїянская Вѣра въ Европѣ распространилась, старинные рѣзные камни потеряли прежнее достоинство, ибо на нихъ были изображены предметы идолослуженїя; однакожь все еще ими прикладывали печати. Пепинъ запечатывалъ Индїйскимъ Вакхомъ; Карлъ Великїй — Сераписомъ. Скоро послѣ того перестали печатать рѣзными камнями, и уже не носили ихъ въ перст-

(*) Древнїе вмѣсто запиранїя замками, напримѣръ, сундуковъ, прикладывали къ нимъ печати, или привязывали таинственные узлы.

нахъ. Они сдѣлались рѣдки, и почти исчезли. Тогда начали украшать ими оклады на иконахъ церковныхъ. Такимъ образомъ дошли до насъ драгоцѣннѣйшіе древніе камни, и именно *сардоникъ Тиверіевъ*, находившійся во *Святой Капеллѣ*, и принесенной во Францію Бодуэномъ, Графомъ Фландрскимъ.

По взятіи Турками Константинополя, всѣ художества, упавшія съ Римскою Имперіею, опять начали подниматься, а съ ними вмѣстѣ и рѣзьба на камняхъ. Въ пятьнадцатомъ столѣтіи въ западныхъ странахъ работали грубо; это можно видѣть на оставшихся тѣхъ временъ памятникахъ. Сіе искуство было возобновлено Медицисами, которые ободряли художниковъ, пришедшихъ изъ Греціи, и природныхъ Италіянцевъ. Вельможи и богачи, подражая Медицисамъ, одинъ передъ другимъ, щеголяли рѣзными камнями, и украшали ими всѣ свои уборы и сосуды. Въ шестьнадцатомъ столѣтіи рѣзное искуство достигло высочайшей степени совершенства. *Маттео дель Нассаро*, Веронскій уроженецъ, пріѣхавшій съ Францискомъ I во Францію, распространилъ тамъ охоту къ рѣзнымъ камнямъ, изъ которыхъ многіе нынѣ хранятся въ Кабинетѣ Наполеоновой Библіотеки. Въ семьнадцатомъ вѣкѣ сіе искуство опять упало, такъ что вовсе

перестали имъ заниматься; въ послѣдовавшемъ столѣтіи славнѣйшіе художники должны были снова изобрѣтать средства къ усовершенствованію рѣзьбы. По большой части художники работали во Флоренціи подъ покровительствомъ Фердинанда II. Нынѣ въ Неаполѣ живетъ Римлянка *Синьйора Талани*, художница, прославившаяся рѣзнымъ искусствомъ. Послѣ Италіянцевъ, Нѣмцы почитаются лучшими мастерами въ рѣзьбѣ на мѣлкихъ камняхъ. Изъ Англичанъ успѣли въ семъ родѣ весьма немногіе. Нѣкто *Кольдоре*, жившій въ шестьнадцатомъ вѣкѣ, первый сдѣлался извѣстенъ во Франціи рѣзнымъ художествомъ. Кромѣ другихъ, славенъ еще Луи Сиріесъ, которой умѣлъ въ маломъ пространствѣ помѣщать многія лица. Теперь въ Парижѣ занимается рѣзьбою на камняхъ нѣкто Жефроа, членъ Института.

(*Изъ Франц. Журн.*)

III.

Портной Стихотворецъ.

Стихотворецъ въ крестьянствѣ есть такое рѣдкое явленіе, которое заслуживаетъ быть извѣстнымъ публикѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ появился-было въ Кур-

ляндіи, въ Туккумскомъ уѣздѣ, если не ошибаюсь, крестьянинъ-стихотворецъ, сочинившій погребальную пѣснь, которая, кажется, была напечатана, и которую многіе Литвины наизусть знаютъ. Теперь натура повторила игру свою надъ крестьянскимъ портнымъ; зовутъ его Индрикомъ. Онъ живетъ въ Курляндскомъ помѣстьѣ Априкѣ. Будучи лишенъ зрѣнія еще въ младенчествѣ, слѣдственно неспособенъ къ землепашеству, онъ научился управлять иголкою, а между тѣмъ пробудилъ въ себѣ талантъ піитической. Иногда, движимый вдохновеніемъ, подобно Гомеру, онъ изливаетъ чувства души своей въ стихахъ, по собственной мелодіи. Положено *издать въ свѣтъ* его стихотворенія по подпискѣ; о томъ особливо старается сельскій Священникъ, у котораго живетъ нашъ сынъ природы. Во Freimuthige напечатаны стихи Индрика подъ названіемъ *Зима*, переложенные на Нѣмецкой языкъ стихами же. Вотъ первой куплетъ:

„Прошло любезное лѣто; накинуто бѣ-
„лое покрывало на землю; поля запустѣли,
„и уже не колеблются на нихъ полные
„класы.“

Вся пѣсня состоитъ изъ гладкихъ и легкихъ стиховъ на Литовскомъ языкѣ. *Индрикъ*

сперва напѣвалъ стихи безъ рифмъ; но теперь сталъ сочинять ихъ съ рифмами, по совѣту церковнаго уставщика. Собраніе сочиненій его должно быть не велико, потому что онъ никогда не писалъ стиховъ своихъ, но сочинялъ ихъ наизусть. Теперь будутъ напечатаны только тѣ, которые остались у него въ памяти.

IV.

Выписка изъ Французскаго Импровизатора.

Французы мѣлочныя дѣла отправляютъ съ важностію, а важныя — шутя.

Фаворинъ Историкъ, Ораторъ и Философъ, говаривалъ, что въ жизни своей находитъ три странности: 1, будучи природнымъ Галломъ, всегда употреблялъ Греческой языкъ; 2, родясь на свѣтъ евнухомъ, былъ обвиненъ въ прелюбодѣяніи, и — 3, имѣлъ споръ съ Императоромъ Адріяномъ, и не лишился головы.

Вольтеръ, принимая въ себѣ внуку великаго Корнеля, сказалъ: старой солдатъ долженъ служить дочери своего Генерала.

У Локкмана спросили, кто научилъ его первымъ правиламъ мудрости: „Слѣпые —

отвѣчалъ онъ — которые прежде испытываютъ посохомъ, безопасно ли мѣсто, потомъ ступаютъ.“

Передъ окончанїемъ царствованїя Лудовика XV, всѣ полагали, что Наслѣдникъ престола будетъ строгимъ Государемъ. Придворные выдумывали, подъ какимъ бы названїемъ предать потомству память о добродѣтеляхъ его: „Я хочу — сказалъ нѣкогда Наслѣдникъ — чтобъ меня назвали Лудовикомъ *Грознымъ*.“ — И Лудовика Грознаго чрезмѣрное послабленїе довело до эшафота.

Инесъ де Кастро, Трагедїя де ла Мотта Гудара, заставляла рыдать всѣхъ зрителей; ею столько дорожили, что списывали копїи во время представленїя. Не смотря на то, зависть хотѣла унизить ее. Одинъ молодой человѣкъ, которой за извѣстную плату подрядился свистать при самомъ трогательномъ явленїи, сказалъ стоящему подлѣ себя товарищу: „братецъ, пожалуста свисти — я плачу.“

ПОЛИТИКА.

I.

О состоянiи Политическихъ дѣлъ Европы въ продолженiе 1805 года и первыхъ трехъ мѣсяцовъ нынѣшняго.

(Окончанiе.)

По силѣ Пресбургскаго трактата дозволено Австрiйской Монархiи остаться тѣнью Державы, для того чтобъ имѣть въ повиновенiи Пруссiю, которую — не смотря на трактатъ, заключенной ею въ Потсдамѣ 3 дня Ноября съ Россiею — также пощадили, чтобы Вѣнской Кабинетъ держать въ зависимости. Теперь Бонапарте, когда захочетъ, можетъ однимъ махомъ снять у Германической гидры обѣ головы. Однакожь онъ знаетъ, что полезнѣе истощать ихъ мало по малу, нежели вдругъ уничтожить; знаетъ, что между великою Сѣверною Державою и Францiею надобно оставить два второкласныя Государства, какова Пруссiя, и какою нынѣ сдѣлалась Австрiя.

Но не однѣ сiи соображенiя, впрочемъ весьма остроумныя, раждались въ головѣ, въ

которой исполинскіе замыслы часто смѣшиваются съ мѣлочами. Иногда Бонапарте съ высоты своего счастія спускается очень низко, руководствуясь воспоминаніемъ о своемъ происхожденіи. Не будучи въ состояніи *возвестись* до степени, на которой сіяютъ знаменитые Монархи въ древнемъ величіи своемъ, онъ призналъ необходимымъ, *унизить* ихъ, и сравнить съ собою. Онъ не захотѣлъ безъ нужды распространять своихъ владѣній, зная, что легко можно лишиться приобрѣтенныхъ областей. Напротивъ того будучи увѣренъ, что ни время, ни воля народовъ не могутъ загладить нѣкоторыхъ пятенъ, вознамѣрился смѣшать кровь побѣжденныхъ съ кровію побѣдителей. Подобно Ромулу, онъ приготовляетъ праздники для своихъ союзниковъ, и похищаетъ дѣтей изъ рукъ слабыхъ родителей.

Войска Французскія оставляли за собою кровавую дорогу, которая привела Наполеона до Моравіи; отъ Вертингена до Аустерлица текла кровь юношей, — и для чего? что получила Франція по трактату Пресбургскому? Она ли увеличилась, или Бонапарте присоединилъ къ своимъ владѣніямъ прекрасныя провинціи? приобрѣла ли что-нибудь торговля ея? умножилось ли число кораблей въ ея портахъ? имѣетъ ли она флоты, колоніи? Нѣтъ! Франція славно окончила войну, потеряла избраннѣйшихъ

юношей; у нее взяли восемдесять тысячь сыновъ ея, изъ которыхъ одни побиты и померли, другіе забыли прежнія свои привычки; Франція сдѣлала безчисленныя пожертвованія, истощилась; въ награду за то Г. Шампаньи въ высокопарномъ донесеніи своемъ обѣщается обременить ее новыми налогами. Какая польза Франціи, что Италія несетъ равное иго, что тотъ или другой народъ стонетъ, подобно ей, въ цѣпяхъ, если сама она ощущаетъ сугубую тяжесть? Франція истощается для семейства Бонапартева, и сіе семейство одно пожинаетъ плоды трудовъ ея; какая польза Французамъ, что сынъ жены Наполеоновой сидитъ на престолѣ въ Миланѣ, что усыновленные дѣти Наполеоновы заключаютъ родственныя связи съ Домами Государей? Какое отношеніе между величіемъ и могуществомъ Бонапарте и счастіемъ Французовъ? Онъ возвышается, Франція упадаетъ. Народъ, которой за десять лѣтъ гордился своимъ революціоннымъ безуміемъ, теперь жертвуетъ собою, гнется и ползаетъ передъ Наполеономъ, подобно верблюду, преклоняющему колѣна передъ своимъ вожатымъ.

Бонапарте поспѣшилъ заключить Пресбургской миръ не только потому, что хотѣлъ совершить въ Минихѣ принужденное бракосочетаніе, которое болѣе придавало блеску его семейству, нежели слабость Австріи

его политикѣ; но еще и потому, что его мучило нетерпѣливое желанїе обонять ѳиміамъ, куримый на жертвенникахъ Парижскихъ. Умѣя располагать случаями, онъ не умѣетъ еще повелѣвать собою, и забывается отъ восхищенїя, когда видитъ вокругъ себя великолѣпїе, которое для него ново и необыкновенно. Кротцкое величїе сїяетъ на челѣ Монарховъ, рожденныхъ царствовать; Наполеонъ, которому не извѣстно такое величїе, старается замѣнить его блескомъ Двора, и разорительною для Францїи пышностїю дополнить сей недостатокъ.

Бонапарте умѣетъ торжествовать на полѣ сраженїя, но не можетъ съ благородною твердостїю отклонить трїумфъ въ Парижской Оперѣ; умѣетъ предписывать законы побѣжденнымъ, но не знаетъ, какимъ языкомъ говорятъ Законодатели; возвышаетъ достоинство короны своей побѣдами, и унижаетъ ее площадными выраженїями. Будучи мѣщаниномъ на тронѣ, онъ знаетъ, что легче *вознестись* выше Монарховъ, нежели съ ними *сравниться*. Угрозы и наглости болѣе помрачаютъ его самаго, нежели Государей, которыхъ онъ низводитъ съ престоловъ.

Еслибъ Графъ Гаугвицъ за тринадцать дней до заключенїя мира поступилъ съ На-

полеономъ какъ вѣрный исполнитель воли Прусскаго Короля, своего Государя, а не какъ человѣкъ пристрастный и ослѣпленный (*); то система Федеративной Имперіи, нынѣ обнаруживающаяся, не могла бы родиться въ головѣ Бонапарте. Согласившись въ Бриннѣ отправиться въ Вѣну съ Графомъ Стадіономъ, для того чтобы переговорами и своею совѣстію располагать смотря по ходу произшествій, онъ нанесъ великой вредъ Монархамъ, которыхъ выгоды охранять ему конечно было приказано. Прусскаго Уполномоченнаго ни что не обязывало наблюдать ту осторожность, съ какою поступалъ Министръ Австрійскій, которой страшился потерять столицу и области своего Государя; онъ не долженъ былъ подавать причинъ къ догадкамъ, что Прусскія войска, приближавшіяся къ Богеміи, будутъ обезсилены его слабостію.

Чтобы не смѣшивать ошибокъ Министра съ волею Государя, надлежитъ сказать, что путешествіе Графа Гаугвица, и переговоры его во Французскомъ станѣ, были причиною неудачи подъ Аустерлицомъ. Бонапарте, при всей смѣлости своей, никакъ не отважился бы дать сраженіе въ Моравіи, еслибъ опасался прибытія Прусскаго вой-

(*) Графъ Гаугвицъ подписалъ тайный договоръ съ Франціею 14 числа Декабря.

ска, которое, по тайному соглашенію, едва передвигалось. Съ перваго взгляду онъ прочиталъ на трепещущемъ лицѣ Уполномоченнаго, что смѣло можетъ на него положиться и послѣ побѣды, и послѣ проигрыша; ибо въ первомъ случаѣ сей Министръ сталъ бы льстить себя надеждою уничтожить Австрію, во второмъ, Бонапарте подписавъ миръ, выгодный для сей Державы, возбудилъ бы въ Пруссіи безпокойство. Когда ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I принесъ въ станъ Императора Франца II обѣтъ всей Пруссіи и дружбу Короля, ея Обладателя; въ то самое время Графъ Гаугвицъ принесъ въ станъ Наполеона все, что могло служить къ уничтоженію слѣдствій важнаго свиданія, отъ котораго зависѣла судьба Европы.

Вѣроятно, въ Берлинѣ имѣли причину безпокоиться о слѣдствіяхъ возвращенія Россійской арміи, и о томъ объявленіи, которое могло представить въ превратномъ видѣ намѣренія Санктпетербургскаго Кабинета. Хотя прибытіе Князя Долгорукаго въ Берлинъ (18 Декабря) подтверждало миролюбныя расположенія Россійскаго Двора; однакожь не надлежало забывать и о томъ, что Генералъ Михельсонъ съ тридцатитысячнымъ корпусомъ стоялъ въ Шлезіи, что запасная армія собиралась около Вильны, и что юной Король Шведской готовил-

ся принять подъ непосредственное свое начальство шестьдесять тысячь человѣкъ, между Эльбою и Везеромъ. Побуждаемый сими причинами, Король Прусскій рѣшился отвести отъ себя постороннее влїянїе, которое въ Кабинетахъ управляетъ сильнѣе, нежели Министры, а во Дворцахъ сильнѣе самыхъ Государей. Онъ отправилъ Генерала Пфула съ повелѣнїемъ прекратить переговоры; но Графъ Гаугвицъ уже подписалъ трактатъ, и возвращался изъ Вѣны. Всѣ распоряженїя Наполеоновы были признаны; Германїя, Италїя, наконецъ Европа предоставлены его произволу, безъ согласїя Берлинскаго Кабинета, а особливо Короля Прусскаго, которой хотѣлъ представлять лице, достойное своего сана.

По странному стеченїю обстоятельствъ случилось, что когда Неаполь отворялъ ворота непрїятелямъ Францїи, въ то самое время сїи непрїятели открывали Наполеону дорогу къ столицѣ своего Союзника, котораго вся вина состоитъ въ вѣрномъ исполненїи условїй съ Державами, принужденными его оставить. Дворъ Неаполитанскїй, почитая себя свободнымъ отъ трактата, вымученнаго въ Парижѣ угрозами у Маркиза Галло, присоединился къ коалицїи. Этотъ поступокъ жестоко раздражилъ Бонапарте, тѣмъ болѣе, что Неаполь нуженъ былъ ему для семейственныхъ видовъ.

При самомъ началѣ послѣдней войны съ Англїею, Французы заняли Неаполитанское Королевство, не смотря ни на представленїя Двора, ни на трактаты, заключенные съ Россїею, а только основываясь на правѣ сильнаго. Кабинеты Сен-Джемской и Санктпетербургской не захотѣли обвинять Короля Неаполитанскаго, за чемъ онъ впустилъ къ себѣ Французовъ, которые могли быть опасны для Іонїйской Республики, и которые запрещали ихъ эскадрамъ входить въ порты Адрїятическаго моря; они признали справедливымъ жалѣть о немъ. Бонапарте поступилъ иначе.

Но къ чему служитъ оправдывать истину? Насильство побѣдителя есть законъ, вездѣ признаваемый. Право народное толкуютъ, какъ ему хочется. Когда онъ въ мирное время занялъ Королевство Неаполитанское — того требовала *благоразумная осторожность*! То же самое и такимъ же образомъ сдѣлали непрїятели его — это *нарушенїе всѣхъ договоровъ*! Неаполь, притѣсняемый Францїею, долженъ былъ въ молчанїи повиноваться, и возстать на всѣхъ ея непрїятелей! Когда преклоняли колѣна предъ Наполеономъ — это, по его мнѣнїю, было благоразумїе; но когда таже необходимость принудила уступить силѣ Русскихъ и Англичанъ — это измѣна, вѣроломство! Все

то справедливо, что споспѣшествуетъ намѣреніямъ Наполеоновымъ; все то несправедливо, что противится онымъ! Когда Король и Королева Неаполитанскіе изъявили желаніе свое остаться на престолѣ, которой уже опредѣлено было занять одному изъ дѣтей революціи — Бонапарте, въ качествѣ самовластнаго судіи, почелъ себя принужденнымъ наказать ихъ.

Благодареніе Провидѣнію, которое, по недовѣдомымъ судьбамъ своимъ, дозволивъ сему человѣку вознестись такъ высоко, не дало ему ни кроткаго величія, ни достоинства истиннаго: тогда Наполеоновъ престолъ былъ бы непоколебимъ. Милосердое Провидѣніе, употребивъ орудіемъ своимъ грознаго утѣснителя для наказанія Королей, не допустило ему съ ними сравниться. Оно дозволяетъ еще намъ надѣяться, что настанетъ прежній порядокъ; ибо Наполеонъ, при всѣхъ удачахъ, не знаетъ, въ чемъ состоитъ Царское величіе. Очаровательные лучи славы не закрываютъ слѣдовъ революціи — слѣдовъ, которые онъ всячески старается загладить.

Какъ назвать прокламацію, подписанную 25 Декабря въ Шенбруннѣ, къ солдатамъ, которые должны были стыдиться читая оную (*) . . . . Не смѣя откровенно ска-

(*) См. No 5 Вѣст. Евр. 1806 года; стр. 76.

зать предъ Европою: „Я хочу дать брату моему Королевство, которое лучше и прочнѣе сотвореннаго мною для сына жены моей, и для того отнимаю оное у потомка Бурбоновъ“ — онъ предлагаетъ солдатамъ своимъ выдуманныя клеветы, которымъ даже не заботится дать видъ истины.

Возмемъ же на себя трудъ предложить сїю истину. Чтобы показать, въ чемъ состоятъ мнимыя преступленїя Двора Неаполитанскаго и трикратное прощенїе, которыя подали поводъ къ неслыханному насильству, посмотримъ слегка, что дѣлалъ упомянутый Дворъ въ теченїе двенадцати лѣтъ передъ сею эпохою.

Въ 1793 году Неаполь хранилъ мирныя расположенїя относительно ко Францїи; вся вина его противъ сей Республики состояла въ томъ, что онъ мало удивлялся ея *гильйотинѣ* и *голоколѣнству*. Французскїй гренадеръ, столько же грубый, какъ и правительство, котораго исполнялъ повелѣнїя, дерзнулъ въ самыхъ чертогахъ оскорблять Короля и Королеву . . . . Сїя обида предана забвенїю.

Въ 1795 году Францїя объявила войну всѣмъ Государствамъ, слѣдственно и Неаполю, которой послалъ въ Ломбардїю

вспомогательное войско для присоединенія къ Австрійской арміи. Послѣ немногихъ легкихъ ошибокъ, миръ заключенъ въ Парижѣ 1796 года. Не извѣстно, этотъ ли случай Бонапарте разумѣетъ первымъ прощеніемъ. Маршалъ Бертье, дѣеписатель Маренгскаго сраженія, кажется рѣшилъ сей вопросъ, хваля своего Героя, за то, что онъ остановился при Толентино, и подписалъ миръ, дабы поскорѣе идти къ Тиролю на встрѣчу Эрцгерцогу. Вступленіе въ Римъ есть не что иное, какъ военная ошибка, потому что Французская армія легко могла быть отрѣзана. Бонапарте, поправивъ ошибку, явилъ себя искуснымъ полководцемъ, но не героемъ великодушнымъ. Римъ, не столько счастливый, какъ при святомъ Леонѣ, принужденъ былъ отдать Французамъ сто мастерскихъ произведеній художествъ за безопасность свою, которой Аттилла, *бичь Божій*, не нарушилъ единственно изъ уваженія ко святынѣ и добродѣтели.

Когда 1798 года Французы, собравшись въ Романіи, снова угрожали нападеніемъ на Римъ, и когда границы Неаполитанскаго Королевства были прикрыты войскомъ, Король изданною прокламаціею объявилъ, что защита собственной безопасности есть единственнымъ предметомъ его намѣреній, — и потомъ подвинулся въ Церковную Область:

но бывъ обманутъ надеждою на славу Генерала Макка, онъ въ два мѣсяца потерялъ войско свое и Королевство, и наказанъ за то, что пользуясь священнымъ правомъ народнымъ, хотѣлъ обезопасить независимость своей Короны.

Въ сїе-то время Императоръ ПАВЕЛЪ предложилъ Свою помощь Двору Неаполитанскому. Суворовъ пришелъ въ Ломбардїю, подобно орламъ, которые съ вершинъ Апеннинскихъ спускаются на ея прекрасныя равнины. Кардиналъ Руффо принялъ подъ свое начальство армїю, неимѣвшую въ себѣ ничего военнаго, кромѣ имени; съ нею соединилось шесть сотъ Россїйскихъ солдатъ, которые вышли на твердую землю въ Бриндизи, и примѣромъ своимъ одушевили Неаполитанцевъ. Столица взята обратно. Свѣжїя войска Россїйскїя прибыли въ Королевство, которое, находясь подъ щитомъ Россїи, не безъ причины было увѣрено, что безопасностїю обязано великодушной своей Союзницѣ.

Король Неаполитанскїй, забытый въ Люневилѣ своими союзниками, такъ написано въ прокламацїи — *остался безъ защиты: онъ прибѣгнулъ ко мнѣ съ прозьбою; я простилъ его.* . . . Король Неаполитанскїй забытъ въ Люневилѣ только однимъ Вѣн-

скимъ Кабинетомъ, съ которымъ давно уже во многомъ не соглашался. Онъ не участвовалъ въ войнѣ 1800 года; не возбуждалъ къ себѣ негодованія во Франціи; войска его не соединялись съ арміею Меласа; онъ не посылалъ подъ Маренго ни одного солдата; держалъ себя въ оборонительномъ состояніи; никого не просилъ, потому что никого не оскорблялъ; твердо надѣялся на свою Союзницу. Еслибъ онъ захотѣлъ просить заступленія — къ чему и самое несчастіе не могло его принудить — то было бы приличнѣе обратиться къ Россіи, а не къ политикѣ Г-на Бонапарте, которой, при всей дерзости своей, тогда еще не привыкъ поступать безъ уваженія съ южнымъ Государствомъ, бывшимъ въ союзѣ съ великою Сѣверною Державою.

Первой Консулъ, искавшій способовъ утвердить власть свою во Франціи, тогда не только не имѣлъ въ головѣ *прощать* Короля Неаполитанскаго, но даже старался заключить съ нимъ дружескія связи чрезъ посредство Санктпетербургскаго Кабинета, которому въ Гамбургѣ сдѣланы были мирныя предложенія. *Спокойствіе Неаполя* и *независимость*, — *возвращеніе Пьемонта Сардиніи* — вотъ главныя статьи, которыя долженствовали быть основаніемъ договора. Сравнивъ тогдашній языкъ съ нынѣшнимъ, уви-

димъ разницу между положенїемъ того, кто еще только намѣревается похитить власть, и того, кому всѣ средства кажутся хорошими, если только онѣ выгодны.

Кабинетъ Санктпетербургскїй захотѣлъ помочь своимъ Союзникамъ; сїя благородная мысль склонила Его къ миру. Уже Г. Колычевъ былъ отправленъ. Но Бонапарте, немедленно забывъ чувство справедливости, которое показалось ему ненужнымъ, препоручилъ Генералу Мюра какъ можно скорѣе вымучить у слабаго Мишелу, полномочнаго Министра Неаполитанскаго во Флоренцїи, трактатъ, совершенно противный тому, которой былъ предложенъ Россїи, и которой велѣно было подписать сему Министру.

Если Бонапарте сюда относитъ второе прощенїе свое, то надобно признаться, что оно было далеко отъ благородной цѣли; ибо по Флорентинскому трактату Король Неаполитанскїй лишился части острова Эльбы, и обязался впустить въ свои области Французскїя войска на все время, пока продолжится война съ Англїею. Правда, тягостныя условїя сего трактата, заключеннаго въ Мартѣ мѣсяцѣ, облегчены заступленїемъ Россїи; въ Октябрѣ положено, чтобы Французскїя войска вышли изъ Неаполитанскаго Королевства, когда Англичане оставятъ

Египетъ: однакожь сїе условїе не было исполнено очень долго, и Дворъ Неапольской еще терпѣлъ два года все то, на что насильство и несправедливость могутъ рѣшиться, когда не боятся наказанїя.

По заключенїи Амьенскаго мира, Францїя въ силу договоровъ вывела войска свои изъ Неаполя, и слѣдственно лишилась права посылать ихъ когда-либо въ сїе Королевство. Не смотря на то, лишь только началась война съ Англїею, войско Французское опять вступило въ Неаполитанскїя области, расположилось въ Абруццо и въ Апулїи, и поступало съ сими провинцїями, какъ съ завоеванными.

За нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ вы были не далеко отъ Неаполя — говоритъ Бонапарте къ своимъ солдатамъ; надлежало бы еще прибавить: были недалеко отъ Неаполя по праву сильнѣйшаго, нарушивъ присяжную честность. — *Я опять поступилъ великодушно* — далѣе онъ увѣдомляетъ солдатъ своихъ; а они не знаютъ, что все великодушїе состоитъ въ томъ, что Бонапарте не велѣлъ разорить до основанїя столицы, которой не только не могъ сдѣлать ни одного справедливаго упрека, но въ которой солдаты не должны были бы находиться, еслибъ онъ уважалъ права народныя,

и если бы признавалъ хотя тѣнь справедливости.

Нѣтъ! не изъ великодушія и не для того чтобъ *простить* въ третій разъ — ибо въ мирное время не прощаютъ націю, которая терпитъ притѣсненія, и не ропщетъ — не изъ великодушія и не для прощенія правительство Французское велѣло поднести въ Парижѣ Неаполитанскому Министру договоръ о неутралитетѣ, въ слѣдствіе котораго Массенина армія подкрѣплена почти двадцатью тысячами человѣкъ, выведенныхъ изъ Неаполя. Бонапарте, распредѣляя войска, думалъ только о средствахъ умножить число успѣховъ тамъ, гдѣ самъ будетъ лично находиться, и вспомнилъ уже нѣсколько поздно, что Массенѣ трудно устоять противъ Эрцгерцога Карла; съ одной стороны хотѣлось ему оставить самую малую частицу славы для сего Генерала; съ другой чувствовалъ, что надобно удержаться на Адижѣ. Видя потребность призвать войско Генерала Сенъ-Сира (*), Бонапарте рѣшился разставить новыя сѣти для Двора Неаполитанскаго. Г. Таллейранъ не отсталъ отъ Маркиза Галло до тѣхъ поръ, пока сей не подписалъ трактата. Французской Посолъ въ Неаполѣ

(*) Изъ Неаполитанскаго Королевства, въ которомъ онъ находился съ Французскимъ корпусомъ.

назначилъ Королю сорокъ восемь часовъ сроку для подтвержденія всего, что Министръ его сдѣлалъ въ Парижѣ; онъ грозился употребить насильство, и призвать войска въ столицу, отъ которой онѣ близко находились. Не льзя было устоять противъ такихъ угрозъ, и пагубной трактатъ подтвержденъ — сей трактатъ, котораго нарушеніе служило предлогомъ къ похищенію, давно обдуманному.

Домъ Бурбоновъ при самомъ паденіи своемъ величественнѣе дерзновеннаго утѣснителя; онъ знаетъ, что нѣтъ надобности оправдываться передъ тѣмъ, кто гонитъ его, чтобъ клеветать, клевещетъ, чтобъ низвергнуть; онъ виненъ только въ томъ, что нѣсколько вѣковъ благодѣтельствовалъ Франціи, — что права его неотъемлемы, — что пролилъ священную кровь свою на жертвенникѣ безначалія и тиранства, и что имя его тягостно для совѣсти хищника.

Европа теперь уже не есть собраніе Государствъ независимыхъ, которыя — бывъ взаимно соединяемы торговыми связями, и въ тоже время раздѣляемы политическими притязаніями и національнымъ соперничествомъ — составляли одно *цѣлое*. Нынѣшнія обстоятельства напоминаютъ религію восточныхъ народовъ, которые молятся злому генію. Европа раздѣляется на двѣ части:

одна держитъ сторону Бонапарте, другая противится ему.

По объявленію самихъ Журналистовъ Французскихъ, болѣе шестидесяти милліоновъ готовы навсегда поработить себя одному человѣку; не смотря на то, Государства независимыя не помышляютъ, что онѣ могутъ еще равную силу противупоставить Федеративной Имперіи.

Бонапарте почти ни чѣмъ не владѣетъ въ Индіяхъ; недавно онъ лишился мыса Доброй Надежды и острова Сенъ-Доминго. Пристани его пусты; флоты почти истреблены. При всемъ благоденствіи, онъ остается безъ торговли, безъ колоній, безъ средствъ приобрѣтать богатства, столь необходимыхъ для расточительности. Бонапарте, подобно Юпитеру, царствуетъ среди своихъ дѣтей, недавно усыновленныхъ, — но, по примѣру Сатурна, долженъ будетъ пожирать ихъ.

Не скрываемъ, что Европа имѣетъ причину бояться. Излишняя довѣренность произвела много бѣдъ; уныніе можетъ произвести еще болѣе. Военныя неудачи можно уподобить вѣтрамъ, отъ которыхъ дерево только гнется; но бездѣйствіе походитъ на болѣзнь, которая изсушаетъ самой корень. Европа лишилась нѣкоторыхъ средствъ, — за то остались при ней другія. Бонапарте ни

мало не прибавилъ себѣ могущества; онъ только распространилъ власть свою.

Затѣявши учредить Имперїю, которая числомъ жителей равнялась бы половинѣ Европы, онъ призналъ нужнымъ раздѣлить ее на части. Кто еще не носитъ на себѣ ига, тотъ непремѣнно долженъ сопротивляться властолюбїю Наполеонову: другаго нѣтъ средства обезопасить себя отъ его тиранства. Державы, которыя не хотятъ возстать противъ сей Федеративной Имперїи, не хотятъ предохранить себя отъ притѣсненїй, добровольно налагаютъ на себя оковы, даже требуютъ ихъ; такова, напримѣръ, Австрїя, которую впрочемъ должно извинять, которая въ зависимости своей заслуживаетъ уваженїе, и которая прежнимъ своимъ благороднымъ усилїямъ будетъ одолжена тѣмъ, что можетъ быть еще не скоро припишутъ ее къ Федеративной Имперїи; такова и Пруссїя, которой ничѣмъ извинить не можно, къ которой опасность еще ближе, и которая въ теченїе цѣлаго столѣтїя наслаждалась счастїемъ и славою, потомъ вдругъ стала на чреду Государствъ, вчера сотворенныхъ для родственниковъ похитителя.

Бонапарте нынѣ объявляетъ права на Имперїю Карла Великаго, которой въ свое время требовалъ себѣ наслѣдїя Константинова. Но когда сынъ Пепина, внукъ Мар-

теля, потомокъ двадцати Меровъ, соединенныхъ узами родства съ дѣтьми Кловиса, когда Карлъ Великій велѣлъ вѣнчать себя въ Римѣ Западнымъ Императоромъ; тогда не кому было противиться его могуществу. Карлъ не отнималъ у Европы половины жителей, но господствовалъ надъ всею Европою; народы, обитавшіе за Вислою, равнымъ образомъ жители Великобриттаніи, тогда были не въ силахъ противиться его могуществу.

Сотворяемая Имперія нынѣ, при самомъ началѣ своемъ, уже показываетъ, что она есть незрѣлый плодъ неслыханной дерзости. Точная соразмѣрность въ частяхъ, составляющихъ *цѣлое*, а не огромность, раждаетъ крѣпость и силу. Гюгъ Капетъ, управляя одною только Францїею, былъ основателемъ Династіи и родоначальникомъ тридцати трехъ Королей: напротивъ того Имперія Карла Великаго не дошла до внука его. Не льзя ручаться за нераздѣлимость новой Федеративной Имперіи, ссылаясь на то, что Бонапарте на всѣхъ престолахъ Запада посадитъ своихъ братьевъ и дѣтей усыновленныхъ. Пускай Европа измѣритъ возстающій колоссъ. Францїя, оставаясь въ естественныхъ предѣлахъ своихъ и будучи управляема честолюбцемъ, способнымъ опамятоваться и остановиться, вѣроятно была бы опаснѣе для Европы. Человѣкъ, которой сперва былъ начальникомъ республики, потомъ вздумалъ

жаловать въ Короли и выдать себя за возстановителя Западной Имперіи — такой человѣкъ самъ о себѣ сказываетъ, что онъ значитъ. Созидается столпъ Вавилонскій; строятъ его Короли, которыхъ языкъ скоро будетъ неразумителенъ для архитектора. Судя по быстрому току произшествій, можно предвидѣть, что скоро настанетъ смѣшеніе языковъ при семъ политическомъ столпотвореніи.

Еще повторимъ, что Бонапарте, удовлетворяя свое честолюбіе соединеніемъ десяти Государствъ, существенно ничего не прибавляетъ своему могуществу. Онъ походитъ на человѣка, въ баснѣ упоминаемаго, зарѣзавшаго курицу, которая несла золотыя яица. Присоединяя ко Франціи, напримѣръ Испанію, онъ лишается тиранскаго, но весьма полезнаго для себя права разорять безъ милосердія сіе Королевство. До сихъ поръ что мѣшало ему грабить Голландію, истощать Италію, вымучивать у окрестныхъ Государствъ все, чего ни хотѣлось? имѣлъ ли онъ нужду заботиться о средствахъ облегчить судьбу странъ утѣсняемыхъ? Но соединяя ихъ съ Франціею, отдавая ихъ своимъ родственникамъ, онъ долженъ или не внимать жалобамъ новыхъ правителей, или отказаться отъ грабительства. Бонапарте, самъ любя пышность, потребуетъ того же и отъ Королей, ему подвластныхъ. Слѣд-

ственно каждое изъ малыхъ Государствъ, истощаясь для поддержанія Двора своего, не будетъ въ состояніи платить Наполеону другой дани, кромѣ почтенія. Азіятская пышность безъ сомнѣнія весьма пріятна будетъ для новаго Калифа; но легкомысленные подданные его скоро обнищаютъ, доставляя пищу его расточительности. Франція, переставши грабить сосѣдовъ своихъ, неминуемо должна истощаться; за мнимымъ благоденствіемъ послѣдуетъ безпорядокъ и потребность въ новыхъ завоеваніяхъ.

Необъятная Федеративная Имперія потеряетъ единство и цѣлость, отъ которыхъ зависѣло могущество Франціи. Бонапарте, переступая за границы, укрѣпленныя природою и искуствомъ, приобрѣтаетъ Государства, которыя долженъ защищать, но ни одного солдата, на котораго могъ бы надѣяться. Хотя Газеты и Префекты присоединенныхъ областей безпрестанно ручаются за вѣрность, даже за любовь къ нему покоренныхъ народовъ; однакожь совѣсть не дозволяетъ ему легкомысленно положиться на такія свидѣтельства. Чтобы сберечь Неаполь, чтобы удержать въ повиновеніи *вѣрныхъ* подданныхъ Италіянскаго Королевства, чтобы заставить Голландцевъ полюбить новой образъ правленія — для того потребно Французское войско; чтобы предотвратить въ Испаніи намѣреніе отложиться, чтобы заставить

Германїю почувствовать, сколь полезно для нее пристать къ Федеративной Имперїи — потребно войско опять Французское же. Францїя и въ мирное время должна оставаться въ военномъ состоянїи. Такъ въ древности Италїя истощалась, составляя легїоны изъ гражданъ своихъ, и посылая ихъ на край свѣта.

Бонапарте, соединивъ многїя Государства подъ своими законами, едва ли успѣетъ соединить какой-нибудь народъ съ народомъ Французскимъ. Одно время можетъ истребить различїе въ обыкновенїяхъ, склонностяхъ, языкахъ, — а на семъ различїи основано взаимное отвращенїе между нацїями. Баварцы, чтобы спастись отъ Австрїйской политики, съ радостїю пристали на часъ ко Французамъ; однакожь не одинъ честной человѣкъ въ Баварїи трепеталъ уже при одной мысли, что Государя его въ Парижѣ включили въ списокъ Королей Федеративныхъ. Испанцы могутъ до нѣкотораго времени гнуться подъ игомъ необходимости; но они суть потомки тѣхъ гордыхъ Аррагонцевъ, тѣхъ мстительныхъ Кастилланцевъ, которыхъ обѣты покорности никогда не простирались далѣе горъ Пиреннейскихъ. Италїя, надѣясь опять сдѣлаться страшною Державою, можетъ соглашаться на все; однакожь она знаетъ, что въ теченїе десяти столѣтїй была попеременно то жертвою, то

гробомъ Французовъ, и что не мудрено возобновить Сицилїйскїя вечерни. И такъ Францїя, будучи отдѣленною среди Федеративной Имперїи, окружаетъ себя существенными опасностями, чтобы доставить мечтательное величїе тому, кто управляетъ ею.

Къ симъ разсужденїямъ можно прибавить еще, что военная система, столь обширная, должна разстроить финансы. Всѣ Государства, которыя беретъ Францїя подъ свое покровительство, уже десять лѣтъ терпятъ разоренїе отъ войска. Францїя не предвидѣла въ революцїонную войну, что Монархїи, съ которыми сражалась, получатъ отъ нее Королей, и что надъ республиками будутъ поставлены Короли же, — и опустошала области, нынѣ къ ней присоединяемыя. Она сдѣлала грубую ошибку въ разсчетѣ, ежели для обогащенїя себя сливается съ Государствами, которыя гораздо бѣднѣе, нежели она сама. Голландїя теперь не имѣетъ мыса Доброй Надежды, не имѣетъ эскадръ, которыми могла бы спасти Батавїю и колонїи Американскїя. Испанїя теперь не то, чѣмъ была при Филиппѣ V. Италїя нынѣ состоитъ изъ десяти разныхъ народовъ, взаимно ненавидящихъ себя, и давно уже ограбленныхъ Французскими солдатами. Въ Германїи, на сѣверѣ, на югѣ, вездѣ Бонапарте долженъ защищать и покровительствовать тѣхъ, у кого взять не чего. *Сыны отечества*, прину-

жденные идти въ дальнія страны, не одинъ разъ обольютъ кровью и слезами своими землю Федеративной Имперіи, которая, принадлежа Г-ну Бонапарте, для нихъ все будетъ чужою.

Бонапарте никогда не ввѣрится Государямъ, которыхъ унижаетъ своимъ покровительствомъ; никогда не отважится вести войну въ ихъ областяхъ безъ собственныхъ солдатъ своихъ. Нельзя думать, чтобъ онъ сталъ охранять Голландію Италіянцами, а Италію Нѣмцами; онъ всю надежду свою полагаетъ на солдатъ Французскихъ. . . . Уже образована Преторіянская стража. Хотя еще она не разполагаетъ престоломъ; однакожь ей уже платятъ деньги, и почитаютъ ее главною подпорою. Начальники получаютъ провинціи; Офицеровъ надѣляютъ богатыми корыстями; солдаты имѣютъ право всего надѣяться, и Федеративная Имперія, при самомъ рожденіи своемъ сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ была Римская при началѣ упадка, представляетъ соединеніе осмидесяти милліоновъ жертвъ, закалаемыхъ для пресыщенія нѣсколькихъ легіоновъ Наполеоновыхъ тѣлохранителей.

Европѣ остается рѣшительно взять изъ двухъ одну какую-нибудь сторону — ибо нынѣшнее бездѣйствіе дремлющей политики не показываетъ ничего опредѣленнаго. Надобно или заключить миръ, или вести войну; надобно составить и утвердить союзъ, ко-

торой могъ бы удержать зло — ступивъ еще одинъ шагъ впередъ, оно уже будетъ неизлѣчимо.

Четыре націи храбрыя и воинственныя, огражденныя мѣстнымъ положеніемъ и дальностію, обезпеченныя отъ нападенія, долгомъ общей пользы обязаны защитить независимость морей, сѣвера, Европы, — а особливо отъ двухъ изъ сихъ Державъ непосредственная, ближайшая польза ихъ требуетъ, чтобъ онѣ спасли Югъ отъ порабощенія.

Англія для свободнаго плаванія на моряхъ Балтійскомъ и Средиземномъ, и для безопасности торговли своей, должна оспорить у Федеративной Имперіи право на Зундъ и на проливъ Мессинской. Россія, чтобы свободно вывозить свои произведенія, поддержать торговлю, отвратить неудобства въ разсужденіи флотовъ своихъ въ Финнскомъ заливѣ и на Черномъ морѣ, также имѣетъ необходимость противиться успѣхамъ Наполеоновымъ въ сѣверной Германіи и въ Италіи. Данія, которой угрожаютъ отнятіемъ ключей отъ Балтійскаго моря, должна флотомъ своимъ подкрѣпить общую систему. Швеція — которая и безъ твердаго характера, украшающаго душу юнаго Монарха, съ приличною ей благородною гордостію должна чувствовать свою обиду — нынѣ побуждается важнѣйшими причинами взять участіе въ полезномъ союзѣ.

И такъ вопль общей опасности требуетъ, чтобы политика разрушила неудобства, препятствующія исполненію благоразумнаго плана. Да исчезнутъ всѣ ребяческія умствованія, которыя въ обыкновенное время останавливаютъ неискусныхъ посредниковъ (négociateur). Когда корабль погибаетъ, плаватели должны забыть частныя ссоры свои, и стараться объ отвращеніи опасности.

Если Бонапарте одинъ разъ будетъ увѣренъ, что система противуборства точно существуетъ, что укрѣпляется, что всѣ части ея стремятся къ одной цѣли — онъ непремѣнно остановится. Въ самомъ дѣлѣ, не онъ виноватъ, что половина Европы находится нынѣ въ замѣшательствѣ; но тѣ, которые дозволяютъ ему располагать ею. При первомъ знакѣ согласія между Государствами, согласія столь страшнаго для Бонапарте, онъ обдумается и утихнетъ. Не уже ли непремѣнно надобно пять сотъ тысячь солдатъ для укрощенія столь буйнаго честолюбія? Надобенъ характеръ, неутомимость, а болѣе всего мудрая система политики.

Только морскія Державы могутъ оспоривать у Бонапарте диктатуру надъ Европою; только въ пристаняхъ можно поразить его. Федеративной поясъ, которымъ онъ окружилъ Францію, защищаетъ границы ея на

твердой землѣ; но берега открыты на тысячу пять сотъ миль, и слабые флоты не въ состоянiи защитить ихъ. Эскадры соединенныхъ Державъ могутъ въ разныхъ пунктахъ напасть на Францiю.

Извѣстно, что у Англiи нѣтъ потребнаго числа солдатъ; Россiи недостаетъ кораблей; Данiя и Швецiя не имѣютъ денегъ: но соединясь вмѣстѣ, сiи Державы ни въ чемъ не будутъ терпѣть недостатка. Пускай флоты Россiйскiе, Англiйскiе и Шведскiе разъѣзжаютъ съ войсками на стихiи, неповинующейся Наполеонову честолюбiю; пускай Турцiя соединитъ съ ними нѣсколько прекрасныхъ кораблей своихъ, отъ которыхъ, при другихъ кормщикахъ, можно ожидать хорошихъ успѣховъ: тогда Бонапарте узнаетъ, что напыщенность далеко отстоитъ отъ истиннаго величiя; а Европа увѣрится, что система морской войны можетъ еще загладить неудачи 1805 года. . . . . .
(*Сокращенно взято изъ* Tableau Polit. de l'Europe par M. le Comte de S.)

II.

Извѣстiя.

Вступленiе Французскихъ войскъ въ область Рагузинскую дало новой оборотъ дѣламъ политическимъ — и Каттаро ос-

тается въ прежнихъ рукахъ. Сія крѣпость важна по своему неприступному положенію, какъ можно видѣть изъ плана, и по безопасной гавани. Въ городѣ считается 1500 жителей, Греческаго и Римскаго исповѣданій; онъ въ началѣ 15 столѣтія добровольно поддался Венеціянской Республикѣ. Въ 1797 году крѣпость досталась Австріи, а по Пресбургскому трактату отдана Италіянскому Королевству. Въ прежнія времена содержались въ ней Государственные преступники.

Эрцгерцогъ Карлъ съ неутомимою дѣятельностію преобразуетъ Австрійскія войска. Принцъ Гессен-Филипстальскій все еще держится въ маленькой крѣпости Гаэтѣ, и получаетъ подкрѣпленіе въ съѣстныхъ припасахъ и въ муниціи отъ Сира Сиднея Смита втораго. — Генералъ Фоксъ отправился изъ Гибралтара въ Сицилію, гдѣ приметъ начальство надъ Англійскими войсками, находящимися на семъ островѣ. — Переговоры между Англіею и Франціею продолжаются; но успѣхъ, и даже предметъ оныхъ во все неизвѣстны Публикѣ. — Между Пруссіею и Швеціею ничего еще рѣшительно не положено. — Французскія войска готовились выступить изъ Южной Германіи, которая — какъ замѣчено въ Великобриттанской Газетѣ — уже до того истощилась, что не можетъ кормить ихъ. — Въ Европейской Турціи собираются въ разныхъ мѣстахъ много-

численные военные корпусы — можетъ быть, для усмиренія мятежниковъ.

P. S. Въ Монитёрѣ напечатано: *Между одною великою Державою и Франціею заключенъ миръ въ Парижѣ 20 Іюля.*

КОНЕЦЪ XXVIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ІЮЛЬ, No. 13.

Стран.

I. Письма отъ Преосвященнаго N. N. къ одной почтенной Дамѣ. - 3

II. О грибахъ, выростшихъ на ногѣ у живаго человѣка. - - 12

III. О Французскихъ женщинахъ девятьнадцатаго столѣтія. - 16

IV. О Мозаикѣ. - - - 31

V. Отъ чего мало Англійскихъ ремесленниковъ выѣзжаетъ изъ своего отечества въ чужія земли? 37

*VI. Къ любезному Философу П**.* - 41

VII. Смѣсь. - - - 42

VIII. Историческія извѣстія о новѣйшихъ Французскихъ Миссіяхъ въ Остъ-Индіи. - - 50

Стран.

IX. Зундъ. - - - 60
X. Письмо изъ Бостона. - 62
XI. Выписка изъ Парижскаго Журнала о Сициліи. - - 67
XII. Дѣла Парламентскія. - 70
XIII. Извѣстія и замѣчанія. - 72

ІЮЛЬ, No. 14.

I. О мавзолеяхъ. - - - 81
II. О каталогѣ книгъ, привозимыхъ на Лейпцигскую ярмарку. - 100
III. Краткое извѣстіе о жизни покойнаго Евгенія Булгара, Архіепископа и Кавалера. - - 107
IV. Велизарій. Романсъ. - - 115
V. Смѣсь. - - - 116
VI. О состояніи политическихъ дѣлъ Европы въ продолженіе 1805 года и первыхъ трехъ мѣсяцовъ нынѣшняго. - - 122
VII. Извѣстія и замѣчанія. - 155

АВГУСТЪ, No. 15.

I. Любовь послѣ брака. - 161
II. О происхожденіи и нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ Вендовъ, или Вандаловъ Лузатскихъ. - 168

Стран.

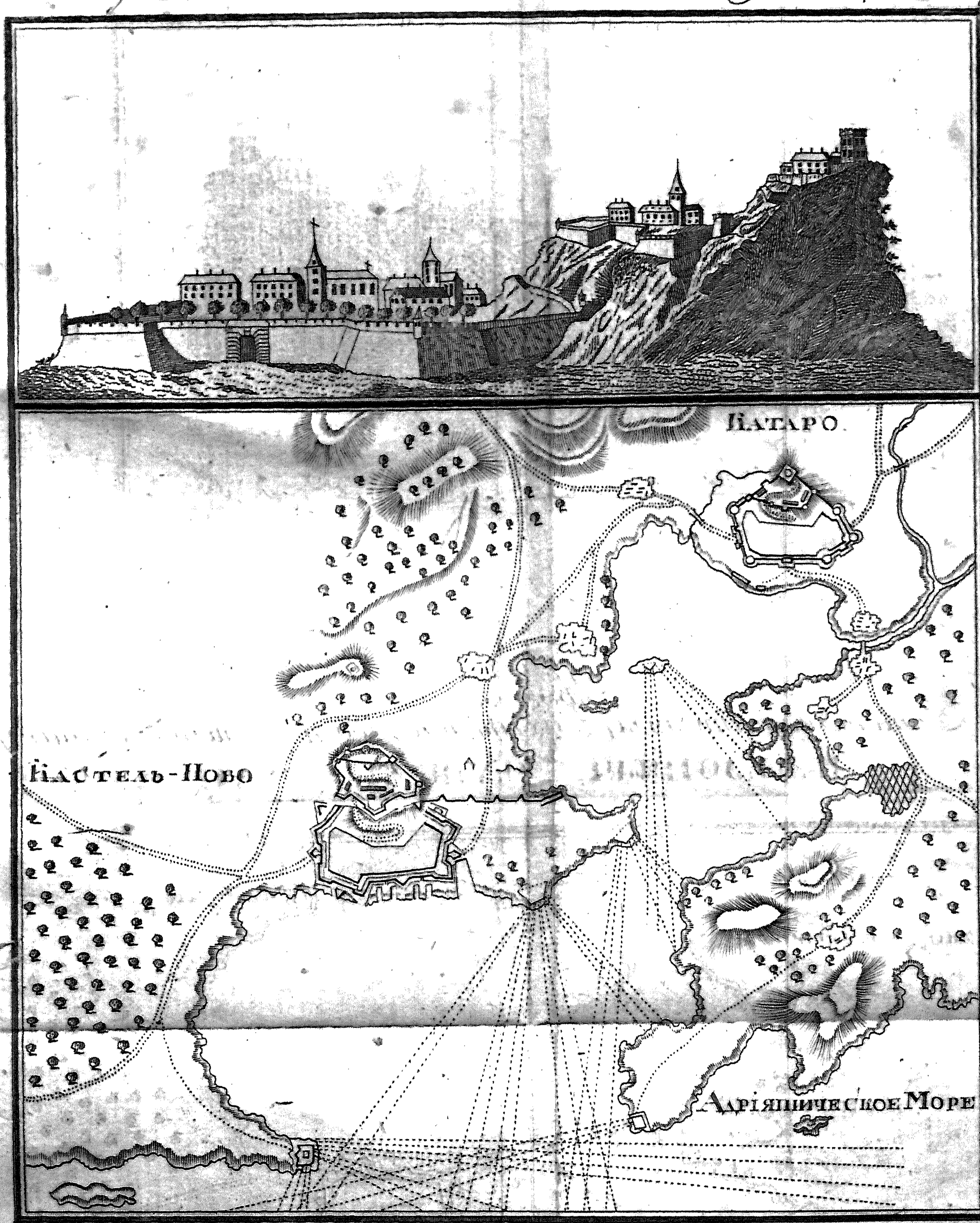
III. *О бѣдности Поэтовъ.* - 180
IV. *Замѣчанія на новую книгу:* Опытъ о наукѣ быть счастливымъ. 183
V. *Къ ней.* (Рондо). - 196
VI. *Дуэтъ.* - - 197
VII. *Смѣсь.* - - 199
VIII. *О состояніи Политическихъ дѣлъ Европы въ продолженіе* 1805 *года и первыхъ трехъ мѣсяцовъ нынѣшняго.* (Продолженіе.) 203
IX. *Извѣстія и замѣчанія.* - - 234

АВГУСТЪ, No. 16.

I. *Мужъ развратитель.* (Повѣсть.) 241
II. *О рѣзьбѣ на камняхъ.* - - 283
III. *Портной Стихотворецъ.* - 285
IV. *Выписка изъ Французскаго Импровизатора.* - - 237
V. *О состояніи Политическихъ дѣлъ Европы въ продолженіе* 1805 *года и первыхъ трехъ мѣсяцовъ нынѣшняго* (*окончаніе*). - 289
VI. *Извѣстія.* - - 316

При семъ Нумерѣ картинка.

Видъ Кастель-Ново. къ № 16 вѣстн. Европы 1806 года.



Гра. А. Уткинъ

Карта, планъ и видъ крѣпостей Катаро и Кастель-Ново, занятыхъ Русскими войсками въ 1806 году.